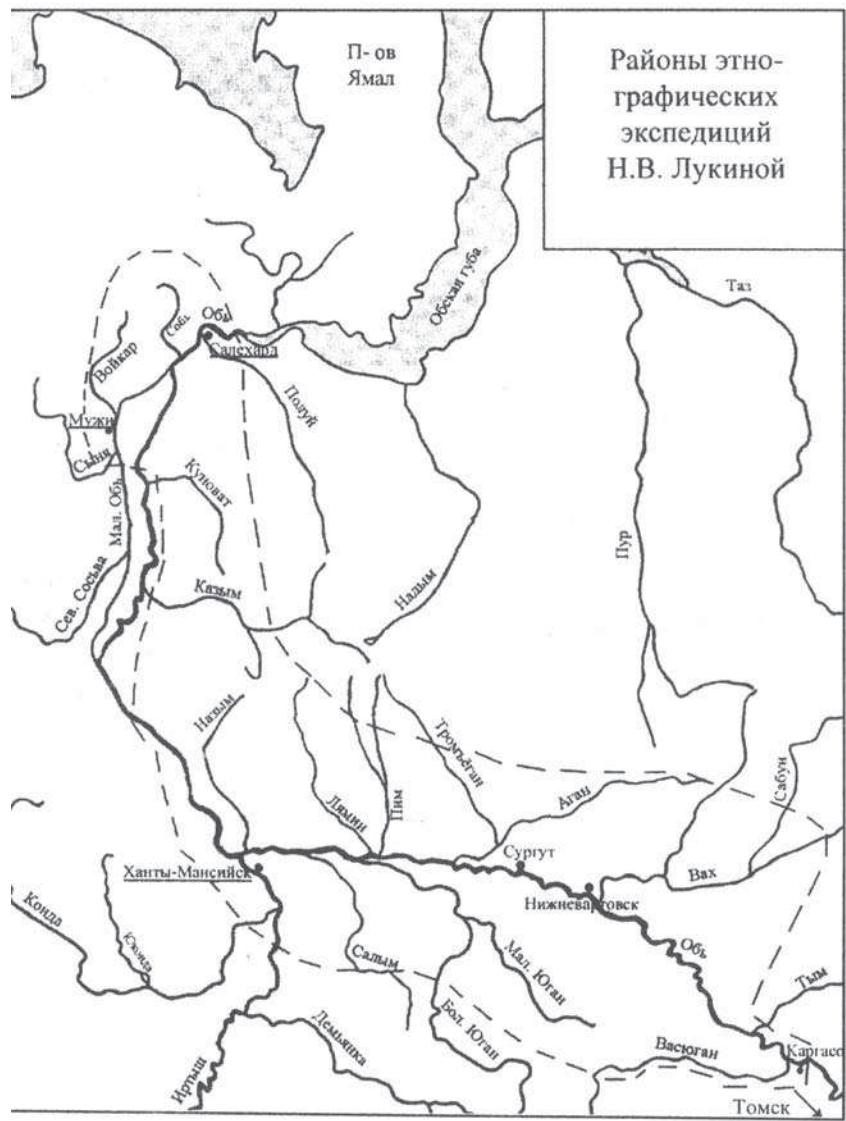

Районы этно-
графических
экспедиций
Н.В. Лукиной

**Федеральное агентство по образованию
Государственные образовательные учреждения
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»
«Томский государственный университет»**

H. B. Лукина

**ХАНТЫ
ОТ ВАСЮГАНЬЯ
ДО ЗАПОЛЯРЬЯ**

ИСТОЧНИКИ ПО ЭТНОГРАФИИ

В шести томах

**Издательство
Томского государственного педагогического университета
2010**

**Федеральное агентство по образованию
Государственные образовательные учреждения
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»
«Томский государственный университет»**

H. B. Лукина

**ХАНТЫ
ОТ ВАСЮГАНЬЯ
ДО ЗАПОЛЯРЬЯ**

ИСТОЧНИКИ ПО ЭТНОГРАФИИ

Том 5. КОНДА. ТРОМЬЁГАН. ЛЯМИН. КАЗЫМ

**Издательство
Томского государственного педагогического университета
2010**

УДК 39(571)
ББК 63.5

Л 84 Лукина Н.В.

Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии.
Том 5. Конда. Тромъёган. Лямин. Казым. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2010. – 400 с.

ISBN 978

Публикация источников по традиционной культуре хантов, проживающих в бассейне рек Конда, Тромъёган, Лямин, Казым (Тюменская область). Материалы собраны во время пяти этнографических экспедиций Томского университета 1975, 1977, 1978, 1990 годов, проведенных под руководством автора.

Для этнографов, краеведов и всех интересующихся традиционной культурой народов Севера.

УДК 39(571)
ББК 63.5

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 08-0100139а
«Новые аспекты в изучении трудов В. Штейница:
этнография и фольклор хантов»*

В оформлении обложки использована картина
Г. Райшева «Стойбище»

ISBN 978

© Н.В. Лукина, 2010
© Издательство ТГПУ, 2010

Предисловие

Настоящая книга является продолжением издания полевых материалов по традиционной культуре хантов, собранных в 1969–1990 гг. во время этнографических экспедиций Томского государственного университета¹. В предисловии к первому тому изложены сведения обо всех экспедициях и о принципах подготовки данного издания. Повторим лишь самые необходимые данные. Экспедиции проводились под руководством Н.В. Лукиной, участниками были, в основном, сотрудники и студенты ТГУ. Всего состоялось 20 выездов. Посещено 65 стационарных селений и кочевых стойбищ.

Экспедициями был охвачен широкий регион Западной Сибири: север Томской области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа Тюменской области, а также районы перекочевок хантов-оленеводов на территории Коми АССР. Сбор полевых материалы велся практически среди всех современных групп хантов, начиная с самой южной (васюганской), и кончая самой северной (приуральской).

Наши экспедиционные отряды были небольшими, по 2–4 человека. В целом, во всех экспедициях участвовало 22 человека; некоторые из них входили в состав разных отрядов в разные годы. В шести экспедициях, кроме автора записи вели студенты (6 человек), готовившие курсовые и дипломные работы под руководством Н.В. Лукиной, и один ла-

¹ Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Том 1. Васюган. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004; Том 2. Средняя Обь. Вах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. Книга 1; 2006. Книга 2; Том 3. Юган. Томск, Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009–2010; Том 4. Аган. Пим. Томск, Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010.

борант. Личные записи автора составляют в среднем 70 % всей информации, полученной в экспедициях.

В пятый том вошли материалы следующих пяти экспедиций. 1. Река Конда, 23 июня – 15 июля 1972 г. Состав: Н.В. Лукина, И.А. Чернышов (лаборант, школьник из Ленинграда). Маршрут: Томск, Сургут, Ханты-Мансийск, Тобольск, пос. Алтай, пос. Кама, дер. Кельсино.

2. Река Тромъёган, 30 сентября – 15 ноября 1975 г. Состав: Н.В. Лукина, В.М. Кулемzin. Маршрут: Томск, Сургут, Рускинские, Кочевые.

3. Река Тромъёган, 13 августа – 4 сентября 1978 г. Состав: Н.В. Лукина, О.М. Рындина (студентка Томского университета), В. Ушаков (студент Томского университета). Маршрут: Томск, Сургут, Юбилейный, Ермаково, юрты Усановы.

4. Ляминские ханты в пос. Сытомино на р. Обь. 1–25 августа 1977 г. Состав: Н.В. Лукина, Л. Сенникова (студентка Томского университета), А.М. Кулемzin (доцент Кемеровского университета). Маршрут: Томск, Сургут, Сытомино, Колпашево (на обратном пути).

5. Река Казым, 1 августа – 16 сентября 1990 г. Экспедиционная поездка Н.В. Лукиной. Томск, Сургут, Ханты-Мансийск, Юильск, юрты А.М. Молданова на р. Ай-Курьёх.

При подготовке к изданию полевые записи систематизированы по темам (разделам, подразделам), которые выделены в соответствии с обычной структурой этнографических монографий, посвященных традиционной культуре того или иного народа. Это «Занятия», «Семья и брак», «Верования» и т.д. В конце каждой записи приводятся сведения о месте и времени фиксации, об информанте, указаны номера тетрадей и листов.

Публикуемые в данном томе материалы собраны Н.В. Лукиной, за исключением записей О.М. Рындинои на р. Тромъёган в 1978 г. (9 стр.).

Рисунки выполнены, в основном, Н.В. Лукиной; часть рисунков сделана Л. Сенниковой и А.М. Кулемзиним (Лямин), О.М. Рындинои и В. Ушаковым (Тромъёган, 1978). Преобладающая часть фотофиксаций принадлежит Н.В. Лукиной, некоторые снимки сделаны другими участниками экспедиций.

Публикуемые материалы хранятся в архиве Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ, сведения о них занесены в документацию музея. «Инвентарная книга архива» (основная книга) № 653, 658–659, 753, 783, 1107. «Инвентарная книга отдела рисунков и фотографий»: № 268. «Инвентарная книга негативов»: № 283, 327.

В Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ привезено 25 предметов с Конды и 15 предметов с Тромъёгана.

В заключение хочу выразить благодарность всем информаторам и участникам экспедиций.

ЧАСТЬ 1. КОНДА

1. ДНЕВНИК

23 июня 1975 г. Отправляемся из Томска на судне «Метеор» до Каргаска. Кроме меня в отряде – учащийся 9 класса из Ленинграда Игорь Чернышов. Должен был поехать ещё студент исторического факультета Томского университета, но в день перед отъездом выяснилось, что он не сможет принять участие в экспедиции.

К сожалению, теперь не ходит пароход до Сургута, приходится делать пересадку в Каргаске. Плавание на быстроходных судах («ракетах») хотя и дает некоторый сомнительный выигрыш во времени, но лишает всякого удовольствия от путешествия. К тому же, ночь нужно провести не на судне, а на приобской земле, где в последние годы стало совсем небезопасно. Мест в гостинице не бывает, а ночь на дебаркадере, подобная проведенной нами в Каргаске, навевает тоску и ужас. Группа «бичей», трезвых, полупьяных и пьяных, буквально терроризировала пассажиров, которые покорно терпели все их выходки.

24 июня утром отплыли из Каргаска на «Ракете» до Нижневартовска. Здесь удалось переночевать в школе. На другой день встали в 4 часа утра. Шел холодный северный дождь. Еще мрачнее было, когда мы проезжали Сургут. Видели строящийся мост через Обь около Сургута, у него осталось свободным только половина пролета. С вводом моста откроется железнодорожный путь от Тюмени до Сургута.

На пути от Сургута к Ханты-Мансийску (этот город называют здесь просто «Ханты») лежит с. Сытомино. В него выехало много семей хантов из Дарко-Горшковского, с

р. Лямин. Для них построены стандартные дома. Сюда, возможно, мы приедем на будущий год со студентами.

Вблизи Ханты-Мансийска берега Оби выглядят немного веселее, чем в Нарымском и Сургутском Приобье, встречаются возвышенности, смешанный лес. Ханты-Мансийск встретил нас гостеприимной табличкой в гостинице «мест нет». Остановка нам необходима, нужно поработать в музее. Пришлось обращаться в школы, и через директора 1-й школы Сазонова удалось попасть в гостиницу. Как ни странно, но в наших комнатах в эти дни было по несколько свободных мест, люди же ночевали на дебаркадере.

26 июня. Директор окружного музея Лоскутов Аркадий Николаевич вначале отнесся к нам со вниманием, но уже к вечеру в его тоне сквозила некоторая холодность, а на другой день он прямо заявил, что его сотрудники заняты важными делами и не могут посвятить мне более 1 часа. Причина такого отношения мне была не ясна. Я все-таки сумела посмотреть все, что меня интересовало. Много хантыйских предметов быта выставлено в экспозиции музея, построенной довольно грамотно. Большинство предметов – поступления последних лет, из них многие изготовлены в последние же годы. Преобладают коллекции среднеобских и северных хантов. По восточным группам – единичные экземпляры, также и по южным.

Для работы предлагают инвентарную книгу, где добрая половина вещей не имеет территориальной привязки. Но директор музея уверяет, что в старых документах такие сведения есть. Мы с И. Чернышевым выписали инвентарные номера предметов, относящихся к хантам и манси. В целом ряде случаев в книге не указана этническая принадлежность экспоната, поэтому не указана она и в наших записях. Но можно предполагать, что большинство из них – обско-угорского происхождения.

Просмотрены все фотографии, относящиеся к хантам и манси. Интересно, что среди снимков З.П. Соколовой, хранящихся здесь, нашлось несколько новых и интересных для меня. Это – хлебные печи с р. Казым, форма которых отличается от восточнохантыйских печей. Интересны и олени наряды с пологом из ткани – мансиjsкие.

Лоскутов рассказал историю, имевшую место в конце 50-х годов. Тогда территория современного Уватского района входила в Ханты-Мансийский округ. Много семей ссыльных и дезертиров селились в лесах, о них не было известно местным властям. После амнистии они объявились, причем сразу написали письмо в Президиум Верховного Совета, что они живут без магазинов и врачей, не голосуют, и их не учитывают при переписи. Была создана комиссия, участником которой был и Лоскутов. После этого случая территория Уватского района перестала относиться к округу. Поэтому в окрисполкоме я не могла выяснить что-либо о хантах реки Демьянки. Звонила в с. Демьянское в сельсовет и у его председателя Пуртова выяснила, что в с. Демьянском живут два ханта; несколько семей живет в верховьях реки, куда можно попасть только на моторной лодке, расстояние 500–600 км. Для такой поездки у нас сейчас нет ни времени, ни средств. Поэтому решаю использовать запасной вариант – посетить хантов р. Конды. К хантам Демьянки можно попасть зимним путем через верховья Югана, куда демьянцы выходят с пушниной.

На Кондэ (здесь говорят Кондá, на Кондé) ханты живут в низовьях реки, в верховьях – манси.

27 июня закончили работу в музее и вечером на речном трамвае поехали по Конде. Первая остановка – пос. Кама, где находится рыболовецкий колхоз.

28 июня. Пос. Кама. Поселок на берегу широкого разлива реки. Планировка беспорядочная, дома в большинстве

своем построены недавно, всего несколько старых избушек. Имеется школа (3 класса), радиоузел, магазин, медпункт, ясли, контора правления. Хантов – несколько человек в смешанных семьях, чисто хантыйских семей нет. Часть хантов переселилась сюда и в пос. Алтай из пос. Кильсино, расположенного ниже по реке. Все в один голос уверяют, что теперь уже нет настоящих хантов, они живут «по-русскому», только пишутся хантами. Пришедшая к нам вечером женщина лет 35, рассуждала: «Какая я ханты? Мать моя ханты, а отец русский. Мать осталась рано без родителей, рассказов о жизни хантов не слышала. Она только знает слова *нянь, кече, вахкор* (печь). Нас в семье было 11 человек, трудно прокормиться, записались хантами, чтобы в интернате бесплатно жить». Речь этой женщины без намека на акцент, поведение и жесты также никак не напоминают ее происхождение по матери. Она сообщила, что жителей Конды легко узнать по жестикуляции, они не только рассказывают, но обязательно подкрепляют сказанное жестами. Ее многочисленные рассказы о поездках в лес, на рыбалку вполне подтверждали такую особенность кондинцев. Из рассказов было ясно, что в этих местах водятся лоси, дикие олени. Домашних оленей не держали.

Во время беседы наша собеседница неоднократно возвращалась к теме содержания детей в интернате. Как и в других районах, жалуются на плохую одежду, выдаваемую детям, недостатки в питании. «После войны трудно было, но нас одевали лучше. Не надо нам такого содержания, мы лучше сами оденем. Я не надеюсь на интернатское, всегда сама куплю дочери сапоги и валенки». Вообще сквозила такая мысль, что сейчас ханты живут не так уж плохо, зарабатывают достаточно денег и могут сами заботиться об учащихся. Должна признать, что подобные мысли расходятся с настроениями сургутских хантов, хотя тоже недовольных условия-

ми проживания детей в интернатах, но считающих, что им «обязаны» помогать.

3 июля. Познакомившись ближе со старушками-хантыйками, убеждаюсь, что их поведение типично для всех обруsevших хантов, за которыми мне приходилось наблюдать. В трезвом состоянии – спокойные, милые люди, когда же выпьют вина – сильно меняются. Вечером пришла к Харитине Куняковой, тут же находилась русская женщина с тремя детьми (рис. 2). У неё была в гостях Кунякова Афанасия Поликарповна (рис. 3). Выяснилось, что Куняковы стесняются своей фамилии, считая, что она связана с русским неприличным словом. Узнать у них что-либо было трудно. Они перескакивали с одного предмета разговора на другой. В доме у Харитины очень бедная обстановка. В этом же селе несколько семей хантов живут вполне зажиточно: имеют коров, моторы «Вихрь» со шлюпками (металлическими лодками), крепкими домами.

5 июля. Сегодня Г.Г. Вайветкин возил нас на моторной лодке в заброшенный поселок Кельсино. Там прежде жили ханты, но после объединения колхозов поселок постепенно опустел. Прежние его жители сожалеют об этом, так как там была хорошая почва, трава для скота, рядом был лес, ягода и рыба. Теперь приходится ездить за рыбой и ягоды на старые места, хотя разумнее было бы вообще оттуда не уезжать.

В домах хантов мы нашли предметы их прежнего быта, не используемые сейчас в новых местах их проживания. Часть предметов была сфотографирована и описана, несколько предметов выслано по почте в Музей Томского университета.

7 июля. В сельсовете пос. Алтай, куда относится и пос. Кама, узнала все фамилии хантов, проживающих на территории сельсовета.

2. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ИСТОРИЯ

Мои родители жили в пос. Нюркой, стоящем в стороне от Конды. Сейчас сестра живет в Согоме, там больше остыков, чем в Каме. [Местное население чаще употребляет название «остяки», чем «ханты» – Н.Л.]. Мы с северными хантами плохо понимаем друг друга. У моей сестры в Согоме оста-навливаются ханты, приезжающие из Березовского района, я их совсем не понимаю, а сестра привыкла, немного понимает. Из Нижневартовска приезжают в Ханты-Мансийск ханты, у них совсем непонятный язык, они нас не понимают.

В Нюркое было много хантов, только молодых душ 40, не считая стариков. Фамилии остыков Конды: Сургучевы, сейчас живут в Согоме; Похортаевы, сейчас и раньше жили в Согоме; Куняковы жили в Кельсиных, Земляковы, Вайветкины – согомские, Анчины из Челинки, Пахтышевы из Красного Яра, Кумышевы из Горного. Остяцкое название Кельсиных *Лод-пудот*, Красных Яр – *Хатхон*, Горный – *Сикля*.

(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–I. Л. 34–35).

Меня увезли от родителей в 14 лет, язык остяцкий не совсем хорошо знаю. В Согоме много стариков. Из Кельсино все уехали, но домов пять там стоит, на чердаках можно найти старые вещи. В Согоме у старух есть берестяные туески, маслобойка деревянная, круглая. Туда можно попасть из Камы по воде: по Конде, затем по Иртышу и по Согомке; можно и пешком, если отсюда вначале ехать на лодке, но в пути есть перетаска, нужна остановка.

(Пос. Кама, Г.Г. Войветкин. 1975–I. Л. 38).

Живу в Каме с 1932 г., но в самом поселке только с 1959 г., а до этого работал водником и жил с семьей вдалеке от поселка. Пос. Кама был сплошь хантыйский, но много не знаю, жил не с ними, отдельно.

(Пос. Кама, Ф.В. Зольников. 1975–I. Л. 44).

Мы называем себя *хэнтэ* или остыки; *мён хэнтэ* – я хант. Мансы мы называем *манси*, например, скажем *манси тётöt* – манси приехали. Они живут внизу на Оби. Богулы – такого народа не слышали. Вверху по Конде живут остыки; верховские, мы их язык не понимаем. Мы называем их *анчокот*, *анчоки*, они живут в Карыме, в Микулкиной, в поселке, который стоит в стороне сразу от Кондинска. [А.П. называет поселки, где в действительности живут манси, т.е. она их называет *анчокот* и считает остыками – Н.Л.]. Как они нас называют – не знаю. Татары – *хатанит*, татарин – *хатань хой*, татарка – *хатань неү*. У нас в Каме есть татары, приехали из Ханты-Мансийска.

В пос. Алтай жили ссылочные калмыки, румыны, финны. Одна остычка в Каме замужем за финна – Паланя Меки. Раньше они жили против Кельсиных через Конду – в Пойпалаке.

(Пос. Кама, А.П. Кунякова. 1975–I. Л. 46–47).

Старый поселок Кама был по другой стороне Конды, в стороне от реки. Сюда остыки переселились 100 лет назад. Когда первый русский приехал, они ему не давали места селиться. Он самогонки наварил, всех созвал, напоил, сразу место дали.

(Пос. Кама, русский старожил. 1975–I. Л. 50).

Занималась со школьниками историей села. Он основан в 1911 г., судя по надписи на самом старом деле. Прежде по-

селок был в другом месте, но с изменением русла реки там не стало видно пароходы, поэтому жители переселились сюда. Здесь находили косы из бисера и бус, монеты времен Петра I. Первые русские появились в 1920 г., это были 3 семьи Слинкиных. Остяки не давали им ловить рыбу и собирать ягоды на своих местах. Нужно было угождать их самогонкой. Сами остяки выезжали в бор собирать ягоды все одновременно, в один день, раньше этого дня никто не брал.

(Пос. Кама, Слинкина, русская. 1975–1. Л. 51–52).

Переехавшая сюда из-под Тары молодая женщина Попова Ираида Иосифовна уверяет, что там еще есть остяки. В Тарском музее, по ее рассказам, было много остяцких вещей, теперь их передали Тобольскому музею. Назвала деревни Знаменку, Финны, Кириллино. В последней живет Андреева Надежда Васильевна, старушка-остячка. В Таре можно найти мать Ираиды – Устиню Степановну, проживающую по ул. Луначарского, 28.

(Пос. Кама. 1975–1. Л. 67).

Фамилии хантов Алтайского сельсовета: Земляковы, Куняковы, Чукомины, Райшевы, Тайлаковы, Пахтышевы, Кумышевы, Сургучевы, Чемляковы (из Пушты), Войветкины, Анчины, Качайновы. Кроме того, в пос. Алтай живет две семьи манси.

3. ЗАНЯТИЯ

3.1. Охота. Рыболовство

В данной местности водятся дикие олени, но домашних не держали. На диких оленей устанавливали самострелы еще 30–40 лет назад. Стрела с орлиным оперением, чтобы летела прямо. Наконечник стрелы (рис. 7). Были и ручные луки у стариков.

(Пос. Кама. 1975–I. Л. 43).

Здесь был старик – осяк Пантелеев, у него был лук из двух слоев дерева, еще обмотан жилами для упругости. Тетива тоже из жил. Он убивал им оленей, медведей. Когда крупного зверя стрелял, на спину ложился и ногами лук оттягивал. Его амбар разломали лет 30 назад, лук и стрелы все растаскали. На утку стрелы вильчатые, осяки вилкой шею утке зажимали, так точно стреляли. Когда медведя убьет кто, к деревне подъедет, выстрелом дает знать. Все сбегаются его встречать. Из медведя чучело сделают, голову его оставят, мяса наварят, едят возле него. Всей деревней праздновали.

(Пос. Кама, русский старожил. 1975–I. Л. 50–51).

При установке запоров зимой делали в воде небольшую плотину из земли или снега. Запор делали всей деревней и плотину утаптывали по очереди, в броднях это делали.

(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–I. Л. 36).

У Ф.В. Зольникова хранится ловушка – морда, сплетенная из жильника. Ее особенность – один бок плоский, он

ставится на дно. Отверстие для вычерпывания рыбы довольно широкое, диаметр 25–30 см и закрыто крышкой из жильника, расположенной под прямым углом к ловушке.

(Пос. Кама, Ф.В. Зольников. 1975–I. Л. 45).

Тоғол. Рама от черпака для рыбы и льда. Прут, согнутый полуовалом, концы соединены поперечной планкой, прибитой гвоздями. Немного отступя внутрь рамы прибивается еще одна поперечина, к ним прикрепляется рукоять (рис. 17).

Ятэм кес(в) – грузило: камень вложен внутрь берестяной пластины, свернутой вдвое и прошитой кедровым корнем (рис. 18).

Крюк для вытаскивания щук – **ванёл**. К деревянной рукояти длиной 100 см прикреплен металлической проволокой остро отточенный металлический крючок. Один его конец вбит в рукоять. На рукояти имеется шесть зарубок (рис. 19).

(Пос. Кельсино. 1975–I. Л. 62–63).

На летнике жила почти вся деревня. Запор через Каму был общий, морд 10 поставят. Утром и вечером проверяют, в каждой морде рыбы на целую осиновку. Всю рыбу вместе складывали, потом делили по паям. Сколько человек участвовало в лове, столько и паев, хоть у кого большая семья, а у другого маленькая.

(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–I. Л. 69).

3.2. Орудия труда и домашнее производство

Чулки и носки вязали сами, шерсть с овец, их держали по 17–18 штук. Вязали из кудели или ваты, если не было шерсти. Дратву делали изо льна, его сюда привозили. Смолили варом. Пряли с помощью веретена *енот* – круглая

тонкая палочка, на ней кружок из кости лося или оленя. Кружки покупали в городе, некоторые были с рисунком.
(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–I. Л. 36–37).

Старинная прядка остыков (*пресница*), русские тоже такими пользуются. Делали их мужчины. Из березы, естественный изгиб корня использован для изгиба прядки. Плоская подпрямоугольная рабочая часть внизу под тупым углом переходит в фигурную рукоять. На нижнем основании, переходящем в рукоять, вырезано по три округлых зубца на обеих сторонах. Нижняя часть рукояти подпрямоугольная, на торцах имеется по четыре углубления. Прядка раскрашена красками фабричного производства. Большая часть – темно-красная; круглая часть рукояти, нижняя часть нижнего основания снаружи и отверстия на ее торцах – черные. На внутренней поверхности рабочей части, отступя 2–3 см, черной краской нанесена полоса шириной 2–3 см, вдоль боковой и верхней кромок. На наружной поверхности доски узор сложнее. Основа – темно-красная. В центре по всю ширину концентрические круги шириной 2–3 см: внешний – темно-зеленый, далее внутрь – красный и затем – черный; последний украшен дополнительно черными же кругами диаметром 2 см, расположенными по всему кругу и половиной своей заходящими на основной черный круг.

В центре было покрашено, видимо, зеленым, краска стерлась. У верхнего края два ряда кружков диаметром 3 см, верхний ряд – 7 зеленых с черным пятном в центре; нижний ряд – 6 зеленых и снизу по бокам по черному кругу. Описанные узоры процрапаны и покрашены. На нижнем основании только краской нанесены полосы, повторяющие переход от рукояти к рабочей части, и нанесен узор.
(Пос. Кама. 1975–I. Л. 40–42).

В поселке Кама две русские женщины имеют ткацкие станки. Ткут на них, в основном, дорожки для пола, материал – узкие ленты, наряванные из старой одежды. У Зольниковых ткут очень красивые дорожки из непряденой овечьей шерсти, выкрашенной в яркие цвета (рис. 21). Фон черный, на нем узоры в следующем порядке: темно-зеленый с малиновым в центре; малиновый с лимонным, голубой с желтым, малиновый с голубым, лимонный с красным, малиновый с голубым, голубой с желтым, малиновый с лимонным, темно-зеленый с малиновым.

(Пос. Кама. 1975–I. Л. 45–46).

Распялки для шкур (рис.22). Распялки для выдры *вонтэр саցёт*. Тонкая доска длиной 270 см, сужающаяся к обоим концам. На расстоянии 140 см от верхнего конца в краях сделаны зарубки, до которых натягивается шкура. Другая распялка для шкуры выдры сделана «по-старинному». Верхний конец в виде вытянутого равнобедренного треугольника, у его нижнего основания имеются три выступа: два крайних для натягивания лап и средний – для хвоста. По сведениям А.П. Куняковой, эта распялка для лисы – *вахсары саցёт*.

(Пос. Кельсино. 1975–I. Л. 60–61).

Кожи обрабатывали мужчины, лишь иногда женщины. Шкуру опускали в состав с хлебной закваской, ворс вылезал. Затем кожу дубили. Тальниковую кору мелко рубили и просеивали через сито, такое же, как для табака, получали «дуб». В деревянной бочке клали на дно дуб слоем в 5–6 см, затем кожу в один слой, затем снова дуб и загнутый край кожи. Выдубленную кожу разминали на кожемялке, смазав предварительно рыбьим жиром. Кожемялка – деревянный стержень, укрепленный в основании, на нем перекладина с

зубьями. Кожу брали двумя руками и водили по зубцам (рис. 23). Обработанная кожа была мягкой, как тряпка, и не пропускала (благодаря дублению) воду, даже если в кожаной обуви находились в воде по несколько часов.

Все изделия у нас прошивали только кедровым корнем, черемуховыми лентами не шили. Корни заготовляли мужчины. Выбирали прямой корень, подрезали пластину нужной толщины и оттягивали ее. Затем протягивали пластину под спинкой ножа для удаления сока, очевидно, и для выпрямления. Хранили в воде, чтобы не ломались. Из кедровых корней плели и коробки, внутрь вкладывали черемуховые обручи.

Хлеб пекли в русских печах. Наружных печей не было.

Берестянную утварь делали женщины, поделки из дерева – мужчины.

(*Пос. Кама, Г.Г. Войветкин, А.П. Кунякова. 1975–1. Л. 65–66.*)

По рассказам, огонь хранили и переносили в березовом грибе. Его же варили и крошили для добывания огня. При высечении искры и попадании ее на гриб возгорался огонь.

Ткали на станках, как у русских сейчас есть в Каме, я точно отличие не знаю.

Пила – пилка.

(*Разные информанты*).

4. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Лыжи. Ходили на лыжах, больше на голицах. Ханты делали и подволоки, сейчас в поселке ни у кого нет. Подшивали олеными лапами и даже выдрой. У подшитых лыж носок и задник были одинаково острые и загнутые вверх, он хоть вперед, хоть назад едет. Крепление у подволок и голиц было одинаковое: две черемуховые дужки укреплялись в отверстиях лыж, между ними – петля из кожи для носка. У хозяина голицы из сосны, у них именно такое крепление. Носок острый, пятка подпрямоугольная. В носках – отверстия для бечевок (рис. 26). При продвижении по дороге бечевками тянули лыжи. У голиц на ступательной площадке оставляли бортики, и в них отверстия для петли крепления. Некоторые прибивают к кромкам лыж планки и к ним крепят петлю. Лыжа должна быть такой ширины, чтобы помещалась ступня в бродне.

Палку брали любую. Для установки капканов брали палку-лопатку (*юг сэр*), на нее опирались при ходьбе. Палка хозяина изогнута, конец фигурный, оставляющий отпечаток следа лисы (рис. 27). После установки капкана заметали снег, например, хвостом жеребенка и ставили следы лисы.

(*Пос. Кама, Ф.В. Зольников. 1975–I. Л. 44–45.*)

Лыжи-голицы тэх. Не выгнуты. Носок удлиненно-заостренный, задник обрезан прямо. Длина 250 см, ширина 18 см, длина носка 25 см. На ступательной площадке прибита гвоздями тонкая доска с прямоугольными узкими вырезами по бокам. На месте выемок прибиты гвоздями планки, на ниж-

нем основании которых имеются вырезы, в них вставляется крепление для носка (рис. 29).

(Пос. Кельсино. 1975–I. Л. 61).

Нарты и упряжь. Лошадей все остыки держали, но ездили и на собаках. На собаках быстрее. Из Согома до Самарова на лошадях два дня ехать, а на собаках один. Кормили собак мороженой рыбой. Нарты собачьи, не знаю, у кого есть сейчас, или нет. К середине дуги привязывали веревку, к ней попарно бечевки для собак, на собак – ошейники. Вожак впереди. Запрягали 6–7 собак. Вожак дорогу знает, сам поворачивает. Я не ездил по незнакомой дороге, поэтому не знаю, какими знаками управляют собаками. Пока не сядешь, они не тронутся с места, и где нужно остановиться – вожак тоже знает. Ездили на собаках на запорные речки. Сам тоже можешь сесть, если на нарте 2–3 мешка, встанешь на колени и на пятки сядешь.

(Пос. Кама, Г.Г. Войветкин. 1975–I. Л. 38).

Зимой ханты ездили на лошадях. Не слышал, чтобы по Конде ездили на собаках. В стороне от Конды, по малым рекам ездили на собаках.

(Пос. Кама, Ф.В. Зольников. 1975–I. Л. 44).

Оленей здесь не держали, чумов не строили. На собаках ездили по семь штук, привязывали попарно и на таком расстоянии, чтобы одна не доставала, не кусала другую.

(Пос. Кама, русский старожил. 1975–I. Л. 51).

Герман Войветкин сам много ездили на собаках. В упряжи собаки потяг был из веревки, а ошейник из мережи, сплетенной в 4–5 рядов. Ширина ошейника – в руку у кисти, чтобы собаке не терло шею. Ошейник закреплялся еще двумя вере-

вочками, привязанными к ошейнику на спине. Потяг проходил сбоку, не между ногами (рис. 30). Нарта – амп по^гот.
(Пос. Кама, Г.Г. Войветкин. 1975–I. Л. 64).

Лодки. Плавали на долбленах из осины (рис. 12). Тополь здесь не растет, из кедра тоже не делали. Долбили лодки теслом. В долбленке сидели на беседке, хоть в корме, хоть в середине. Вставали и на колени, когда гребли. Весла сейчас у некоторых такие, как у осяков были. Их делали из кремлевой сосны, если сделаешь из прямого дерева, сразу переломится. Весла были легкие и крепкие, а сейчас тяжелые и ломаются быстро. Большие лодки делали из кедровых досок, смолили их. Гребцов было две пары и рулевой на корме. Быстро ехали, как на моторе. Долбленка – рым. Весло – тун (рис. 31).

(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–I. Л. 35–36).

Долбленки ханты обязательно делали с набойками на бортах для увеличения грузоподъемности. В долбленке человек перевозил до 2 центнеров рыбы. Сейчас даже те, кто ездит на шлюпке (металлической лодке) возят с собой долбленку для разъездов по тем местам, где ставят рыбные ловушки.

(Пос. Кама, Ф.В. Зольников. 1975–I. Л. 44).

На берегу протоки находится всего одна долбленка, принадлежащая Зольниковым. Дно ее довольно плоское, на бортах во всю длину – набойки из доски. Три распорки в основной части и по одной очень короткой распорке в самом носу и корме. Для ездока положена доска на борта долбленки, ниже набоек.

На берегу находится долбленка, изготовленная из толстой жести. Набойки деревянные, узкие доски во всю длину бортов.

(Пос. Кама. 1975–I. Л. 52).

Г.Г. Войветкин рассказал, что дощечки с отверстиями для шпеньков, используемых при изготовлении долбленаок (для определения толщины стенок лодки), имели у хантов Конды и другое назначение – для счета дней. Уходящий в лес человек затыкал шпеньком одно из отверстий доски, висящей дома на стене, и тем отмечал день своего возвращения. Оставшиеся дома каждый день затыкали одно из отверстий этого ряда, начиная сверху. Дойдя до отметки, они знали, что наступает день возвращения охотника. Использовали эти отверстия и просто для счета прожитых дней.

Эти же доски использовались и при изготовлении осиновок (здесь так называют лодки-долбленки). Длина 60 см, ширина 11 см,

А.П. Кунякова говорит, что для счета дней дощечки были меньше, чем для шпеньков. Описанная выше доска – для шпеньков лодки.

(*Пос. Кама, Г.Г. Войветкин, А.П. Кунякова. 1975–I. Л. 62*).

Прибор из двух изогнутых толстых пластин дерева и соединяющих их деревянных втулок. Применялся в качестве зажима для прикрепления набойки к борту долбленки (рис. 32, 33).

(*Пос. Кама. 1975–I. Л. 67*).

5. ПОСТРОЙКИ. ПИЩА. УТВАРЬ.

Постройки. Летом на рыбалке строили шалаш. Сруб из бревен в три венца – по трем сторонам и наклонная крыша из расколотых на доски бревен. Передняя стена открытая, перед ней очаг (рис. 34).

В домах ставили чувалы, я видел их. Глиной обмажут, трубу выведут. Когда прогорит, трубу на крыше закрывали. Чувал ставили в углу, справа или слева у стены с входом (рис. 35).

Для хранения ягод строилась *кортма*, в которой они лежали до зимы. На земле из расколотых надвое бревен рубили стены, пол и потолок-крышу.

Амбары строили на четырех ножках; амбары на двух или на одной ножке – не слышал о таких. Высота стоек была до трех метров, чтобы никакой зверь не залез. Стойки были с утолщением, и под утолщением обрубались (обычный способ у хантов). В лесу в таком амбаре запасали продуктов на год.

(*Пос. Кама, Г.Г. Войвёткин. 1975–I. Л. 39–40.*)

Пос. Кельсино состоит из рубленых домов. Рубка у всех в угол-чашечку. Хозяйственные постройки разрушены, имеются амбары, тоже частично разрушенные (рис. 36, 37, 38, 39). В настоящее время в заброшенном поселке временно обитают сборщики ягод в ягодный сезон; рабочие рыбартели и колхоза во время покоса занимают один из старых заброшенных домов и недавно построенный для них дом. В домах хантов мы нашли предметы их прежнего быта, которые сей-

час, на новых местах проживания уже не используются. Русская печь – с низко расположенным чаем (рис. 40).

(Пос. Кельсино. 1975–I. Л. 59–60).

Пища. Рыбы внутренности вытапливали в котле, поднимающийся кверху жир снимали черпаком (рис. 42); затем еще кипятили, повторяя операцию два–три раза.

Щучью икру толкли и делали из нее лепешки. Толкушка применялась та же, что и для картофеля (рис. 44). Готовили и варку. Для этого рыбий жир кипятили вместе со свежими кишками щуки и язя. Готовили варки на целый год, хранили в деревянных бочках, выдолбленых из колодины, и берестяных туесках. За варкой к нам приезжали из Тобольска. Посуда была из бересты – чуманы, чашки. Чайники были тяжелые, тулинские.

(Пос. Кама, Г.Г. Войветкин, А.П. Кунякова. 1975–I. Л. 64).

Остяки делали муку из рыбы и стряпали лепешки, когда муки не было. Рыбу сушили так: нанизывали ее на тонкие палки (А.К. говорит: «шашлыки»). В землю втыкали четыре стержня с развилками, на них клади палки (сложки), а сверху – палки с рыбой. По краям разводили огонь и коптили рыбу. Потом ее сушили и толкли в железных ступках или в деревянных больших ступках, в которых толкли коноплю. Черемуху у нас не толкли на муку. Ее много было в Нюркоях, где мы жили, а здесь, у Камы – не видно. Из толченого ячменя кашу не заваривали. Ячмень мололи на жерновах, варили из него кисель, делали с солодом.

(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–I. Л. 67).

Чай варили в больших тяжелых чайниках, поставят на нос осиновки и пьют. Сырую воду не пили, только чай, а сейчас не разбираем, что пьем.

Хут верта – рыбу готовить. Из ног дикого оленя варили холодец.

(Разные информанты).

Утварь. Зыбки были только берестяные – *тунто онтёп* (рис.45). В них дети спали ночью и днем. У полосы бересты делают два продольных надреза в ножной части будущей колыбели и два поперечных – в головной. Боковые полосы в ножной части сгибают под прямым углом внутрь колыбели и накладывают одна на другую; средняя полоса сгибается и прикрывает снаружи боковые; все полосы шиваются нитками. В головной части средняя полоса отгибается внутрь под тупым углом и образует спинку колыбели; боковые полосы отгибаются под тупым углом, заходят на среднюю полосу снаружи и пришиваются. На дно колыбели клади высушенный мох (гнилушки не клади), к спинке клади подушечку из утиного пуха. Под задник ребенка постилали тряпочку. Для ребенка шили рубашки из ткани. Колыбель зашнуровывали и подвешивали на бечевках к железному кольцу – *вахлёк*, укрепленному в потолке. Деревянных колыбелей не делали.

Подушки делали квадратные и длинные.

(Пос. Кама, А.П. Кунякова. 1975–1. Л. 49).

Моему свекру старый остяк подарил берестяную коробку, круглую с деревянным дном. На ней были узоры выжжены или выдавлены.

(Пос. Кама, Слинкина, русская. 1975–1. Л. 52).

Хынт – заплечный кузов для переноски ягод, из бересты (рис. 46). На плоских сторонах – из двух слоев бересты, нижние боковые углы отогнуты вверх. У большого кузова вдоль боковых сторон проходит черемуховый прут, пришиптый саргой, у маленького кузова (на 1,5 ведра) этого нет.

Кузов имеет крышку из фанеры; на спинной части она прочно прикреплена к кузову бечевкой (веревкой), на внешней стороне привязывается. Лямки кузова – рыболовная мережа; ее можно сплетать в косу, а можно оставлять в первоначальном виде. При поломке дна кузова его можно обшить кожей.

Рыбу доставали из котла деревянным черпаком *няли*.

Узоров на набирках *вонтип* и кузовах не помнят. Берестяных коробок для рукоделия или продуктов не помнят. Иглы втыкали в подушечки, как у русских. Рыбу соленую хранили в бочках как у русских.

Были берестяные туески для молока. Дно и крышка деревянные. Бока соединены зубцами в «замок» или наложены один на другой и прошиты частым швом.

Набирки – в форме кузова, ручка деревянная. К верхнему краю изнутри пришит черемуховый прут.

Кузов заплечный, хорошей сохранности. На широких сторонах кузова нашиты дополнительно полоски бересты, они соединяются на дне; край одного наложен на край другого и прошит. Все части кузова сшиты саргой. Кузов имеет крышку – берестяную, круглую, с внутренней стороны к ней пришит по окружности обруч из черемухи (рис.47).

(Пос. Кама, А.П. Кунякова, Х.Ф. Кунякова. 1975–1. Л. 53, 54, 56).

Тэвитё песан – для еды стол. Столик на тонких ножках. Выше, чем традиционные столики хантов р. Юган.

Корыто для кормления собак. *Амп керсен*. В деревянной чурке выдолблено продолговатое углубление (рис.48). Были также долбленые корытца для рубки мяса и рыбы.

Туес берестяной *тунтэ туес*. Сейчас в нем хранится соль. Он непроницаем для жидкостей. Внутренний слой стеклок сделан из продольного куска бересты, наружный – из поперечного. Края заходят один за другой и прошиты час-

тым швом нитками. Дно деревянное, диаметр его равен диаметру ведра, но из-за берестяной обшивки оно получается шире ведра и края его выступают. Снизу дно – круг бересты, другая полоса бересты проходит лишь по краю дна; она загибается на нижнюю часть дна и прошивается частым стежком нитками. К верхнему краю изнутри пришит через верх черемуховый прут (рис. 49).

(Пос. Кельсино. 1975–1. Л. 60–61).

Ножны у остяков деревянные, из двух пластинок, обшины кожей.

Веники делали из полыни.

Стул – *омсытэ песан*.

Шкуры олены были постелями.

(Разные информанты).

6. ОДЕЖДА

Женская одежда. Маленькие платки на голове завязывали, сложив углом, и концы завязывали на затылке, выпустив «лепесток» поверх узла. Если повязать платок под подбородком, остается открытым лоб. Большие платки, шали надевали только во время поездок, завязывали сзади на талии, на груди перекрещивались [сейчас у старушки платок повязан на затылке, но поверх лепестка — Н.Л.].

(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–I. Л. 36).

Женщины носили на теле рубахи *ернас*. Из покупной ткани, вырез для рук и головы подрублен; на плече шов, а некоторые шили без шва на плече. Женская рубаха — *неңхаст* *ернас*. Платье называлось по-остяцки *платье*. Его шили со швом на плечах, нагрудный разрез до середины груди, запах налево, застегивался на пуговицы. О завязках на платье не слышала. Платье было широкое и длинное, до щиколоток. На подоле нашивалось три сборки: одна внизу, другая выше и еще одна выше, на середине бедер. Носили платье с поясами из такой же ткани. Поверх платья носили распашные сшитые кофточки с поясами. Платок носили на голове по-разному. Когда были дома, то повязывали на затылке сложенный углом платок, а если шли куда-нибудь на люди — повязывали под подбородком.

Нитки пряли из конопли и льна; не слышала, чтобы делали нитки из сухожилий. Верхней одеждой были жакетки. У одной старухи видела платье с вышивкой у нагрудного разреза и на руках у плеча.

(Пос. Кама, А.П. Кунякова. 1975–I. Л. 47–48).

Женские бродни шили длиной до колен. Кожаные голенища хорошо держались, их не нужно было подвязывать под коленом. Брезентовые тоже можно было не подвязывать, но если они падали – их подвязывали под коленом (рис. 50).

Мужчины привязывали бродни всегда к ремню, «подтяжек» не было.

(Пос. Кама, А.П. Кунякова. 1975–I. Л. 50).

Женщины штанов не носили, только что-то такое носили, название не помню. Зимой поедут за сеном, чулки шерстяные наденут, а штаны – нет. Чулки подвязывали ниточкой или веревочкой.

Носили косы *сэг(в)*. Лентами украшали.

(Пос. Кама, А.П. Кунякова, Х.Ф. Кунякова. 1975–I. Л. 53).

Мужская одежда. Ф.В. Зольникова обут в бродни, целиком сшитые из кожи. Покрой, как у всех, но голенище также из кожи. В таких броднях ходить тяжелее, чем в брезентовых. В брезентовых особенно удобно на рыбалке и зимой.

(Пос. Кама, Ф.В. Зольников. 1975–I. Л. 45).

Мужская рубаха – *ернас, хойхает ернас*. Брюки – *тузим*. Рубахи со швом на плече, с длинным рукавом и манжетой, на манжете иногда была пуговица и петля, иногда не было. Нагрудный разрез до пояса, запах налево, застегивался на пуговицы. Воротник – как сейчас у рубах. Подпоясывали шерстяной опояской с кистями – *ёнтёп* (так же называется женский пояс), завязывали на боку, на каком – не помню. Или носили кожаный ремень – *нюр*. Носили гимнастерки, сами шили, или жакеты (?). На рыбалку надевали *ш'абур*, а дома снимали. Домотканый, со швом на плечах, распашной, воротник, как у телогреек, или делали шалью, отложной.

(Пос. Кама, А.П. Кунякова. 1975–I. Л. 48).

Разные виды одежды. На ногах мужчины и женщины носили бродни, сшитые из кожи (*nirp, protni*). Кожу покупали в магазине, отец купит две–три штуки, потом шьет обувь. Он хороший мастер был. В войну кожи не было в магазине, мяли сами. Наши ездили за покупками в Тобольск зимой. Две–три лошади запряжет, два–три раза съездит и всем обеспечит себя на год. Бродни шили целиком из кожи: подошву, головку и голенище. У головки был один шов сбоку с внутренней стороны ноги, чтобы не натирала пятку. Она сшивалась с подошвой и затем выворачивалась. Голенище пришивалось к головке на уровне щиколоток.

Женские бродни были длиной до колен. На пятонной части головки пришивали полоску кожи – подзапятник, чтобы не стаптывать. Подвязывали обувь к поясу и перевязывали на щиколотке. У данного экземпляра кожаная бечевка имеет на одном конце петлю, в нее затягивается свободный конец и затем обматывается 2–3 раза, конец затыкают за обмотку. Внутрь клали стельку из осоки, мужчины надевали шерстяные вязаные носки и портнянки зимой, женщины – шерстяные вязаные длинные чулки. В броднях ходили на рыбалку и на охоту. Они удобнее резиновых сапог. Сейчас почти все мужчины местные (в Каме) носят бродни, но голенище у них не кожаное, а брезентовок.

Сено возить было удобнее в опущенных черках *пышнэй nirp*. Они тоже из кожи, высотой до щиколотки и имели опушку из ткани. Их носили и зимой, надевали с ними двое–трое шерстяных чулок.

(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–1. Л. 37–38).

Бродни, головка и подошва из кожи, голенище – из брезента. Края подошвы и головки наложены один на другой и прошиты наружным швом, отступая от края 0,5–0,8 см. Между ними проложена полоска кожи для задержания вла-

ги. Наружный шов делали у бродней, если была очень толстая кожа. У головки один шов, сзади на пятке и тоже наружный. На пятонной части головки нашита снаружи полоса кожи шириной 14 см, немного расширяется книзу. На верхнем крае нашивки имеется язычок высотой 4 см, шириной 3 см, в нем две прорези, сквозь которые проходит бечевка. Снаружи язычка и с внутренней стороны она завязана узлами. По бокам головки вшито по кожаной петле для бечевки. Способ затяжки бечевки здесь иной, чем у других бродней. Середина бечевки (здесь это капроновый шнур) закреплена в язычке, концы проходят сквозь петли, перекрециваются спереди на подъеме и завязываются сзади. Голенище из сплошного куска брезента, один шов сзади; длинное, но загнуто и доходит до колена. Носят и в таком виде, не подвязывая к поясу. Внутри – стелька из осоки. На подошве и головке имеются заплаты, нашиты сверху (рис. 52).

(Пос. Кама. 1975–I. Л. 42–43).

Выкройки *нирсаңэт* из фанеры, для хантыйских бродней. Их накладывают на кожу, обводят мелом и вырезают ножом. Кожа лежит на полу (рис. 53)

После пошива бродней в них вставляют колодки *нир юх* для придания правильной и устойчивой формы. Колодки из дерева. Растворка *наташка* (от рус. натяжка) в виде лопатки, вставляется в пятонную часть (рис. 54).

(Пос. Кама, А.П. Кунякова, Х.Ф. Кунякова. 1975–I. Л. 56).

Кисы из оленевых лап – это новая мода (рис. 55). У нас не было такой обуви. Дети и взрослые ходили в броднях и черках. Из ног дикого оленя варили холодец, а шкуры с ног бросали.

(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–I. Л. 69).

Бродни так и по-остяцки называются – *протни*. Их носили мужчины и бабы. Опущенные чарки носили только бабы. Шили бродни мужики.

(Разные информанты).

7. РАЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Звук «*т*» местные ханты произносят не так громко, как восточные, он ближе к «*х*».

Речь местного русского населения, как и везде в Тюменской области, с отчетливым произношением звуков «*о*», «*е*». Кондинцы говорят быстро и неразборчиво, трудно без привычки понимать их речь.

Местные слова и выражения русских. «*По-другими*» (по-другому). *Остятика* (остячка). *Мёшкай ужсо* (подожди). *Спортивные* (спортивные). *Лопоть* (одежда, постель). *Пьяныё*. *Он-от, мешок-от* (частое прибавление «от»). *Неплодная* (бесплодная). *Падера* (сильный ветер, поднимающий валы на воде и песок). *Прядёши, вяжоши*.

(*Пос. Кама. 1975–1. Л. 43*).

Г.Г. Войветкин нарисовал несколько предметов и рассказал об их назначении.

Рис. 38. Стрела для самострела. Оперение орлиное, наконечник металлический с шипами. Применялась для охоты на оленя и медведя.

Рис. 39. Самострел.

Рис. 40. Острога на щуку. Зубцы (заштриховано) с шипами. Рукоять длиной 2–3 см.

Рис. 41. Стрела на утку (хантыйская стрела).

Рис. 42. Лук простой на утку. Тетива веревочная.

Рис. 43. Упряжь собаки.

Рис. 44. Временное жилище – заслон. Жили летом и зимой. Два венца из бревен и задняя стена, боковых нет.

Рис. 45. Дом с чувалом.

Рис. 46. Котел эйем пут для вытапливания жира и черпак для снятия жира.

Рис. 47. Кожемялка.

(Пос. Кама, Г.Г. Войветкин. 1975–1. Л. 63–64, 67).

В берестяных туесах держали муку. Набирки были берестяные, у всех разные рисунки из вырезанной бересты, пришиты. Выезжали ягоду собирать всей семьей. Мать с отцом идут впереди и сзади, а ребятишки в середине. У матери на шее впереди берестяная зыбка, или ребенка в кузове несли. Мог нести и отец. На месте втыкали две палки и шест, на него вешали зыбку. Побольше ребятишек садили в сруб для ягод, чтобы не убегали. Где семья с детьми остановится для сбора ягод, это место считалось их, другие шли дальше. С ребятишками же далеко не пойдешь. Ягоду собирали в посуду или на землю сыпали, в ямы. Ее обдует к зиме, песок весь выдует. Зимой соберут и вместе с рыбой мороженой везут в Тобольск. Оттуда муку, товару всякого, всем валенки поярковые.

Летом переезжали жить на летник, километрах в пяти от зимника. У нас были избушки на летнике. Другие строили шалаши из расколотых плах. Берестяных шалашей не было. На летнике стояла печь из глины или кирпича в виде свода. Под ней была деревянная основа. В этой печи варили и рыбу коптили, и хлеб пекли. Когда нужно было много пищи готовить, например, когда за ягодами собираются ехать, сбегаешь на зимник и там, в русской печи изготавлишь.

У нас не было такой моды, зимой печь хлеб в печи на улице.
(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–1. Л. 68–69).

Змея – вахты войе. У нас под домом змей много было. Другие боялись их, а нас змеи не кусали. Выползут и лежат. Один раз матьглянула, потому что маленький на траве во

дворе плачет, и видит, как змея хвостом возле него виляет. Мальчишка потянеться за хвостом, она уберет, он заплачет, она опять хвостом в его сторону. Играла с ним. Мать закричала ей: «Уходи, поиграла, а теперь хватит». Змея уползла. А может, это змеи были не кусачие.

У нас собака была, всегда у русских из саней калачи воровала. Потом у нас не стали останавливаться, она у одного полполушубка вырвала. Один раз у девчонки кость оленему прямо изо рта выхватила и губу ей прикусила. Та плачет, а собака в лес убежала, испугалась, что ей попадет. Через три дня пришла, отец ей говорит: «Ты кость-то бери, но зачем губу-то укусила? Так не делай». Для собаки строили будки, как сейчас у русских. Некоторые держали их под долбленаами, старую лодку наполовину распилия.

(Пос. Кама, А.К. Сургучева. 1975–1. Л. 69–70).

Названия рыб: окунь – *ee*; карась – *мо̄го*; щука – *сорт*; ерш – *тарэ*; язь – *агэрнэ*; сырок – *сырок*; стерлянь – *стерлянь*; чебак – *кельше*.

Названия зверей. Медведь – *ошникё*. Лось – *войе*. Олень – *ветё*. Лошадь – *тав*. Выдра – *вонтыр*. Ондатра – *ондатр*. Лиса – *вэ́сэр*. Белка – *танки*. Горностай – *горносталь*. Колонок – *полонок*. Утка – *вясёг*. Овечка – *оши*. Свинья – *пурис*. Собака – *амп*. Кость – *тусом*.

Названия растений. Береза – *тунтэ*. Черемуха – *терёмуха*. Ель – *упт'я*. Сосна – *сосна*. Кедр – *тэ́гэ́т*. Брусника – *верте ут*. Черника – *семялпсе*. Морошка – *морошка*. Клюква – *клюква*. Мох – *навот этеп* (белый мох). Голубика – *лянек*.

Болото – *куй*. Ручей – *йэ́дёмал*. Река – *хунтэ* (Конда). Река – *йэ́гэх*. Иртыш – *Иртыш*. Протока – *йэг*. Озеро – *тур*. Гора – *рен*. Яр – *рен*. Бор – *ядам*.

Топор – *тайем*. Нож – *кече*. Пила – *пилка*. Шило – *кеппор*. Бруск – *прус, сют*. Железо – *вэх*.

Корыто для собак – *керсен*.
Пос. Красный Яр называется по-остяцки *Хат-хон*.
Месяц (на небе) – *тылеши*. Месяцы мы по-русски считали, своих не слышала названий.
(*Разные информанты*).

Термины родства. Сын – *пацэм*. Дочь – *эйвем*. Мать – *анкем*. Отец – *тятем*. Брат – *ицпацэм*. Брат старший – энэ *ицпацэм*. Брат младший – *ай ицпацэм*. Сестра – *ицанкём*. Сестра старшая – энэ *ицанкём*. Сестра младшая – *ай ицанкём*. Внук – *хэтем*. Внуки – *хэтитем*. Бабушка – *имём*. Дедушка – *титем*. Племянник – *племянники*. Сродная сестра – *ицанкём*. Сродный брат – *ицпацэм*. Моя дочь – *мён эвим*. Мой сын – *мён пацэм*. Дочь брата – *ицанкём*. Сестра отца – *апы, апэм*.

(*Пос. Кама, А.П. Кунякова. 1975–1. Л. 46*).

Народное искусство. Я видел, как играют на журавле. Кто играет, он и поет, или под него пляшут. Шаль накинут и пляшут. После войны остыки по-русски стали плясать, по-своему тоже умели. Инструмент, как лодка (домбра) не видел, и губной (варган) тоже не видел, только на журавле у нас играли.

(*Пос. Кама, Г.Г. Войветкин. 1975–1. Л. 40*).

Дека музыкального инструмента журавля (А.П. Кунякова назвала его *китара*). Вдоль тонкой доски проходит по средней линии треугольный выступ. В нем выемка и 9 отверстий для струн.

(*Пос. Кама. 1975–1. Л. 66*).

Погребальный обряд. В могилах они [ханты] устраивали над гробом помост на четырех стойках, землю на гроб не

бросали. Над могилой из досок домик, около него весло положат, котел. Крестов не помню на их могилах.

(*Пос. Кама, русский старожил. 1975–I. Л. 51*).

В прошлом году в мае местные русские занимались чисткой кладбищ и выбросили остатки надмогильных домиков. На земле стоял один венец сруба из бревен, над ним дощатый домик. Доски пиленные, сбиты гвоздями. Окошечек не помнят. Крестов у осяцких могил не было.

При нашем посещении кладбища выяснилось, что ни одного намогильного сооружения не сохранилось. Следы могильных ям отчетливо показывают, что они были строго ориентированы в В-З направлении.

Умерли – йоғэты.

Уроненная на пол пища считалась принадлежащей умершим, ее не поднимали.

(*Пос. Кама. 1975–I. Л. 52*).

8. СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Войветкин Герман Георгиевич, 1930 г.р., живет в пос. Кама.
2. Зольников Федор Васильевич, русский, 1897 г.р., живет в пос. Кама с 1932 г.
3. Кунякова Афанасия Поликарповна, 1919 г.р., живет в пос. Кильсино.
4. Кунякова Харитина Фотеевна, 1923 г.р., дочь брата Куняковой Афанасии Поликарповны, живет в пос. Кама.
5. Попова Ираида Иосифовна, русская, живет в пос. Кама.
6. Русский старожил, живет в пос. Кама с 1939 г.
7. Слинкина, русская, живет в Каме с 1935 г.
8. Сургучева Александра Константиновна, 1897 г.р., живет в пос. Кама.

ЧАСТЬ 2. ТРОМЬЁГАН

1. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО

По рассказам, на Тромъёгане живет много семей с Пима и Лямина. Ляминские ханты считаются выходцами с Казыма, поэтому их здесь называют казымцами. С Пима сюда переезжают из-за бедности тех мест. На Тромъёгане сейчас много стоянок экспедиций по разведке и добыче нефти–газа, и ханты покидают эти места, потому что рабочие экспедиций стреляют их оленей и грабят амбары. При мне в сельсовете женщина и ее сын рассказывали, что у них убили оленя, хотя они предупреждали, что здесь ходят их олени, а не дикие.

(Пос. Русскинские. 1975–1. Л. 6).

Ненцы – ярэгэн ях. Зыряне – серян ях. Они живут на севере, слышал о них, но не видел. Слышал о тунгусах.

На Тромъёгане живут ненцы по фамилии Пак и Велла. Многие ненцы уже не отличаются от хантов, переженились с ними.

Хантыйские фамилии Покачевы, Сопочины, Кечимовы, Комтины, Мултановы, Тэвлины.

У хантов не у всех были хантыйские имена, сейчас редко, у кого есть.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 31).

Старинный народ – арэх ях. Они не имели оленей. Жили под землей. Предки хантов воевали с ненцами, оленей ненцы отбирали. Тункис тоже воевали с ненцами, луками стреляли тогда.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 40).

Mox cir – Тайбины. Это пимская сир, с р. Пим. *Nëx cir* – Покачевы, Комтины, Сопочины. *Mumi cir* – Рыскины, Тавлины. Мултановы и Кечимовы, проживающие на Тромъёгане, не относятся ни к одной из *cir*, это чужие.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 41).

В старом поселке Тромъёган находится метеостанция. Все ханты оттуда переехали в новый поселок Юбилейный (он же Тромъёган). Некоторые бросили там старые вещи – наконечники стрел и др.

(Пос. Юбилейный, Кечимов Д., Кечимов В. 1978–1. Л. 6).

На Тромъёгане три *cir*: *nëx cir*, *max cir*, *pupi cir* (или *mumi cir*). В *nëx cir* входят: Сопочины, Ермаковы, Кечимовы, Епаркины, Комтины, Покачевы. *Max cir*: Тэвлины, Короб. (На мой вопрос, почему так мало, ответили, что *max cir* маленький). *Pupi cir*: Усановы, Юмсановы, Мултановы, Лемпины, Итыковы. Проживающие на Тромъёгане Сингеповы – выходцы с Казыма, *казым ях*. Рассматривая фотоснимок, сделанный мною в 1975 в пос. Кочевые, старик сказал об одном из хантов на снимке: это *казым ях*. У него кумыш пушистый и сам черный.

(Юрты Усановы. 1978–1. Л. 48–49).

2. ЗАНЯТИЯ

2.1. Охота. Рыболовство

В день моего приезда в Русскинские у Лидии Ивановны Сопочиной (моей квартирной хозяйки) гостили братья. Они привезли шкурки ондатры, чтобы сдать их в ПОХ (промышленно-охотничье хозяйство) и получить охотничий провиант. Они живут вместе с родителями выше по реке, дальше поселка Кочевые. У родителей около 100 оленей. У них есть зимняя избушка, но они часто переезжают, так как оленям нужно менять место. Зимой они доеzzают до р. Пур, охотятся на диких оленей, затем туда прилетает самолет и забирает туши. Забивают и домашних оленей на мясо, когда есть в этом необходимость. Самое вкусное мясо у оленей, забиваемых в начале зимы (к празднику 7 ноября).

Весной все ханты съезжаются в Русскинские. 1 апреля здесь бывает слет охотников и рыбаков. К нему заранее готовятся в поселке: натягивают флаги, варят много пищи. Ханты приезжают в нарядной одежде, веселые. Это для них праздник весны. Во время слета устраиваются соревнования по прыжкам через нарты, гонки на оленых нартах, бросание аркана. Обязательно варят *рак*: в холодной воде размешивают муку и добавляют ее в бульон, приготовленный из дичи или из оленых костей.

14 октября в поселок приехала семья хантов. Они добыли 400 ондатр.

(*Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 5.*)

У семьи, прибывшей в Кочевые, нет оленей, поэтому они не могут зимой охотиться, а только добывают рыбу. Сейчас они выехали из осенней избушки и поставили чум у

места добычи ондатры. Зимой живут в избушке, летом и весной – в чуме. Зимой они не имеют возможности подвезти продукты из-за отсутствия оленей, поэтому запасают муку сейчас, по воде. Но жалуются, что на зиму муки не хватает, едят одну рыбку.

(Пос. Кочевые. 1975–I. Л. 14).

Лук делали клееный, один слой из березы, другой из изогнутой у корня части сосны. У одного был лук с тетивой из проволоки.

В Русскинских один молодой хант на медведя боялсяходить. Один раз подошел, он спит. Он пошел, другого позвал. Медведя палкой толкает: «Вставай». Разбудил медведя, и убили. По-хантыйски, нельзя спящего медведя убивать, надо разбудить.

(Пос. Юбилейный. 1978–I. Л. 4).

2.2. Оленеводство. Собаководство

Мои два женатых брата живут вместе с родителями. У них большая теплая избушка, и у матери большая семейная печь для хлеба. Многие семьи так живут. У всех общее оленье стадо, одинаковые метки. Когда моя сестра выходила замуж, ей дали оленей и изменили метки на метки ее мужа: у него много оленей, были сильные. Ханты ухаживают за оленями только летом, делают дымокуры. Многие летом держат оленей в изгороди, чтобы они не путались с другими. У зимних жилищ тоже есть изгороди. Оленьи наряды ханты делают без одного гвоздя. Мне кажется, не было бы оленей у хантов, как бы они жили? (На мой вопрос, не слышала ли от стариков, как и когда появились олени у хантов, ответила, что наверно очень давно, потому что в сказках они разъезжают на оленях).

(Пос. Русскинские, Л.И. Сопочина. 1975–I. Л. 9–10).

Летом оленям делаем дым *веди мудэм*. Оленья избушка – *веди кот*, в ней дымокур. Ночью олени пасутся в лесу, а утром приходят и лежат в *веди кот*. У кого много оленей, делают и на улице дымокур, но это хуже, дым относит по сторонам, много мха нужно, в день несколько раз подкладывать. В *веди кот* дым хорошо держится, нужно только один раз в день мох положить.

Колодки *веди коот' юх* (оленя-рука-дерево – перевел он) надеваем на левую или правую руку (т.е. переднюю ногу), забиваем какой-нибудь палкой. Специальных молотков [как на Югане – Н.Л.] нет у нас. Колодки надевали только весной, когда станет неглубокий снег. Делаем так, пока не появится маленький гнус, а когда станет большой гнус, то олени и без колодок никуда не уйдут от дымокуров. Осенью, в это время, олени спариваются, и *кор* не дает стаду разбежаться, держит воженок. Зимой глубокий снег, и мы каждый день ездим на оленях. Утром, только посветлеет, идем в *кайем* (место, где пасутся олени) ловить оленей. Поэтому они далеко не могут уйти.

Изгороди для оленей только у зимних жилищ, и пользуются ими только зимой. В лесу не делают изгородей для содержания оленей, они и так никуда не уйдут.

Собаки применяются для ловли оленей. Их обучают этому. Летом эти собаки не на привязи, но оленей не трогают. Эти же собаки – охотничьи.

(Пос. Кочевые, В. Комтин. 1975–3. Л. 11–12).

Веди кот – срубные избушки с крышами, чтобы не выходил дым. Вход ничем не закрывают. Дымокур обычно внутри, в середине, ближе к входу. Костер огорожен прямоугольной в плане изгородью, высотой с метр. Стенки изгороди – несколько кольев, в одной из стен они вынимаются для подкладывания гнилушек. Внутри дымокура у стен насып-

ная земля, а в центре разводится огонь (рис. 58). Дым получается от гнилушек *пъкэм юх*. Сухое дерево, идущее на дрова *сором юх*. Некоторые не имеют оленевых сараев и делают дымокур на улице. На земле просто разводят огонь и кладут в него гнилушки. Такой дымокур ничем не огораживают. На вопрос, есть ли у хантов дымокуры с высокой оградой [как у энцев и кетов – Н.Л.], ответил отрицательно.

Колодки оленям надевают только весной. Летом и осенью не надевают. «Плохим» оленям (т.е. бегунам) на шею подвешивают тяжелую рогульку *сапэл юх*, она достает почти до земли, и доски *сапэл юх* на уровне колен (рис. 59). Рогульки и доски подвешивают только на веревках, обручи из гибкого дерева [как на Югане – Н.Л.] не делают.

Изгороди для оленей *ооц* делают у зимних жилищ, они небольшие. (Такую изгородь мы видели недалеко от пос. Кочевые. Там стоит остов чума из 15 жердей, две основные жерди связаны. Рядом с чумом – изгородь: 4 ряда жердей прибито гвоздями или привязано проволокой к деревьям и кольям. В плане это многоугольник с поперечником 25–30 м. Имеется два выхода, один под углом к другому. Один из выходов – рядом с чумом).

Некоторые огораживают большие территории с поперечником в несколько километров. В них содержатся олени осенью, когда исчезает гнус. По первому снегу хозяева ловят их внутри изгороди, но это тоже не просто. Другие ищут своих оленей как раз в эти дни в лесу. Колодки осенью не надевают.

Осенью оленей метят. Метки *пёльт* делают только на ушах, вырезая часть уха (рис. 60). Не слышал, чтобы выстригали метки на шерсти. Тряпочки в уши не вдеваются. У отца и сыновей, в том числе, у отделившихся, метки одинаковые.

У разных хозяев олени приручены не одинаково. Хорошо приученные олени по сигналу (крику) хозяина сбиваются в кучу, а другой хозяин крикнет на своих, и они, наоборот, раз-

бегутся. Олени могут уйти к диким, но диких здесь немного. Одичавшего домашнего оленя можно поймать и приручить снова. На мой вопрос, можно ли приручить дикого оленя, ответ был уверененным, что можно. Но ни одного случая такого приручения Григорий не помнит и не слышал об этом. От кого ханты научились держать оленей, он не слышал от стариков и не знает. Считает, что олени были всегда у хантов, от отцов переходили к детям. Не слышал рассказов о том, что научились оленеводству у ненцев.

При загоне оленей используют собак, специально обученных – *веди амп*. Их побуждают к действию криком *кётиц*, *кётиц*. Подманивают оленей, протягивая мешочек с сухой рыбой или хлеб, и произносят *та-ма-та*. Отгоняют разными криками, например: *йэ'-э йэ'-э*.

Для того, чтобы олени не уходили по дороге, некоторые ставят пугало *веди пёлтэп* – на палки надевают кумыш.

Оленя забивают ударом обуха топора по затылку, затем ножом в сердце. Оленя для умершего раньше душили веревкой, а сейчас тоже убивают топором. Домашних оленей не стреляют, их ловят арканом и привязывают, а затем забивают.

При обучении езде оленя запрягают в нарты средним, ставят его между обученными, и он быстро усваивает навыки езды. При обучении оленей используют обычную узду.

Вон веди – дикий олень. *Веди* – домашний. Бык – *тадсң*. Самец-производитель – *хор*. Важенка – *ай веди*. Теленок – *моқ*. Новорожденный – *ай коли*. *Ай коли* – так называют теленка до одного года, а затем зовут быком или важенкой. *Ковтыркә* – яловая важенка. *Веди катэльта* – аркан.
(Пос. Кочевые, Г. Комтин. 1975–3. Л. 16–20).

Раньше дикие и домашние олени держались отдельно. Теперь все перемешались, домашние уходят и становятся дикими. Мы весной ловили маленьких телят диких оленей,

убивали их сразу. Дикого оленя не научишь нарту возить, он сразу умрет. Дикие олени уже, чем домашние, и у них более высокие ноги.

Собаки для охраны оленей не применяются, только помогают ловить. Осенью, когда оленей поймают и приведут к зимнему жилищу, они не разбегутся, собаки им не дадут. С этими же собаками ходим на охоту. Мы знаем *ваха ях*, они на север за оленями ездили, здесь проезжали. Они покупали оленей у северных хантов, у зырян.

Не слышал, от кого научились держать оленей, не слышал, что от ненцев. У нас так ведется: меня отец научил, когда я молодой был, теперь я старый, сыновей учу.

Верхом на оленях ханты не ездили, и сейчас не ездим. Слышал, что другие народы ездят. Нарты ездовые бывают от трех до пяти копыльев. Женские нарты раньше делали со спинкой, сейчас не делают. На нартах ездим и летом. Груз сложим и сами едем. Тогда по шесть оленей запрягаем. Летом олени едят сухое сено, мох на деревьях, а зимой, когда снег глубокий, только мох.

Некоторые держали оленей круглый год в больших *ооч*. У меня нет такого *ооч*, у меня мало оленей – девять.

(*Пос. Кочевые, Н.Г. Комтин и др. 1975–3. Л. 22–24*).

Передового оленя обучаю езде сразу в упряжке. Один день поездит и научится. Учить можно в любом возрасте, начиная со второго года.

В больших стадах во время отела важенок с телятами отделяют от стада и содержат невдалеке отдельно.

У ненцев Тромъёгана оленей столько же, сколько и у хантов. Не обязательно оленей покупают ханты у ненцев, могут и у хантов. Ненцы не делают для оленей сараи с дымокурами, ханты тоже не все их имеют.

(*Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 30–31*).

У многих оленей на шее имеются деревянные «хомуты» *санёл юх*. Черемуховая палка обстругана и изогнута, один ее конец вставляется в отверстие другого конца и «замыкается» короткой бечевкой. Такие хомуты служат для удержания оленей при их ловле. За хомут берут оленя и ведут. Некоторые хомуты с рисунками (рис. 61, 62).

(Подобные хомуты известны на Югане, там к ним подвешивают рогульку, здесь же для такой цели они не используются).

Аркан плетется из четырех бечевок, косточка, как на других реках.

Между двумя оленями на бечевках подвешивают колокольчики, они при езде издают приятный звон.

(*Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 35–36*).

У некоторых оленей на шее надет не деревянный ошейник, а ременной (рис.63).

Хорей встречается здесь с металлическим копьевидным наконечником.

Кастрируют оленей мужчины, зубами или ножом.

Собак подзывают *кё-ёты!* Отгоняют: *кач!* Поощряют к бегу – *пыр'р!*

(*Пос. Кочевые. 1975–3*).

Вечером расспрашиваю Дмитрия Ивановича об оленях. На вопрос о том, каким образом передвигаются ханты в сказках, он ответил, что всегда на оленях. Я привела ему пример с хантами Югана, которые в рассказах об *арэх ях* указывают, что у *арэх ях* не было оленей. Д. И. подумал и сказал, что у местных хантов всегда в сказках упоминаются олени. На вопрос: можно ли приручить дикого оленя, ответил, что можно, но он очень плохо будет ходить в упряжке, не слушается, бросается в сторону. На вопрос, как же получились те олени,

которые хорошо ходят в упряжке, ответил, что, наверное, была такая порода оленей, которая легко приручается. Ханты различают породу домашних и диких животных: различается, например, вкус крови и строение рогов.

Местные ханты надевают на шею оленям *вэли сапэл' юх* – деревянный обруч. По объяснениям Дмитрия, это делают с оленями, которые не подпускают к себе, когда нужно поймать их за шею. А теперь – добавляет Д.И. – стали одевать *сэпэл' юх* для баловства, потому что на них рисунки (рис. 65).

(Юрты Усановы, Д.И. Усанов. 1978–I. Л. 31).

Клички оленей. *Вокы* – лиса. *Лянки вели* – белка. *Тороко* – журавль. *Мохтик* – чебак. *Ковалкы* – жук. *Сэрки* – мизгирий. *Синкэли* – турпан. *Перни* – чирок. *Мэхтүв не*.

Клички собак. *Кунчи* – пушистый. *Ай амп* – маленькая собака. *Вэчи* – не переводится. *Почэк* – не переводится. *Сас ку* – Горностай. *Can ку* (*can* – шея, у собаки на шее белое пятно).

(Пос. Юбилейный. 1978–I. Л. 9–10).

По нашей просьбе Филипп Егорович Усанов свозил нас к оленым избушкам *вели кот*. Поехали с нами бабушка и сын Филиппа. До избушек 6–7 км, вначале по Тромъёгану, а затем по узкой протоке. По берегу мы прошли километра 2 и там же на краю болота увидели олены избушки (рис. 66).

По словам хантов, сейчас на болоте мало гнуса (комар – *куйни*, мошка – *ай войах*), поэтому дымокуры уже не делают, но олени туда иногда приходят. Нам повезло – олени были здесь (рис. 67). Всего их было около 50 голов. Это олени всех Усановых, живущих в юртах. Здесь стоит три *вели кот* и одна жилая постройка *кот пелек*. Олени избушки срублены в угол, крыша из слег, крытых берестой. Высота построек около 200 см, размеры 400 x 500 см. Дверной проем высо-

той 120 см, шириной 150 см. У одной постройки дверной проем забит пятью жердями (рис. 68). Внутри постройки имеется дымокур *лопытна*. Так же называется дымокур, который люди устраивают для защиты себя от гнуса. Дымокур внутри оленьей избушки расположен по срединной линии ближе к входу (рис. 69).

Дымокур в плане представляет круг. По окружности в землю воткнуты палки, в верхней части к ним привязан ве-ревочный обруч из гибкого прута. Со стороны входа в оле-нью избушку находится и вход внутрь загородки дымокура. Он обозначен двумя более толстыми стойками, расстояние между которыми закрыто двумя перекрещивающимися пал-ками. Высота загородки дымокура 1 м. Внутри – остатки сгоревшего мха (рис. 70).

Кроме дымокуров, расположенных внутри *вели кот*, один устроен на улице, внутри изгороди (рис. 71). Все вмес-те это называется *най оч*. Площадка 240 x 140 см, по углам колья высотой 120 см, к ним гвоздями прибито 4 переклади-ны. С одной стороны две пары кольев, и между ними входят задвижные перекладины. Внутри в центре кострище – со-сновые дрова и мох. Придя на осмотр оленей, ханты в пер-вую очередь развели дымокур внутри *най оч*.

Рядом с *най-оч* поленница из коротких сосновых дров и запас мха, хранящийся между двумя соседними пнями (рис. 72).

Мох заготавливают орудием *кеуринтип* или спиливают вдвоем кочку ручной пилой.

Жилищем для пастуха, точнее, для человека, следящего за дымокуром, служит маленькая односкатная постройка *кот пэлэк* (рис. 73). Недалеко от нее расположена прямоугольная в плане изгородь *ооч*, внутри которой находится очаг для приготовления пищи. Эта изгородь предохраняет очаг от оле-ней. Внутри нее таган на двух сошках с развилками.

Недалеко от дороги вблизи жилища во мху выкопано углубление, над ним установлены конусом палки, покрытые мхом. Одна сторона открыта. Невдалеке в болоте имеется подобное же сооружение, покрытое дополнительно толем. Это *кеури* – колодец (рис. 74). На двух растущих рядом деревьях в стволы вбиты клинья, приблизительно на высоте 190 см., на них хранится летом хорей (рис. 75).

(Юрты Усановы, Усанов Ф.Г.. 1978–1. Л. 33–34, 46–47).

2.3. Орудия труда и домашнее производство

Старухи ходят по поселку с ножами и ножом на поясе, они висят на левом боку.

Рыбу чистят, снимают чешую костяной пластинкой *няг-сантип* (*нягсэл* – чистит). Ее вырезает мужчина или женщина ножом из лопатки оленя, ножом же заостряют рабочую часть (рис. 76). Нужно признать, что снимать чешую гораздо удобнее, чем ножом.

(Пос. Русскинские. 1975–1. Л. 10–11).

При изготовлении мозаики из оленьего меха используют образцы из бересты. Их пришивают к шкуре, чтобы она не скользила, и затем вырезают нужный узор.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 6).

Нож мужчины носят справа на бедре, подвесив за оба конца, поперек бедра. Ножны обшиты жестью, с узором. У одного нож подвешен на ремешках, соединенных круглыми костяными пряжками в виде круга.

Мужской нож с рукояткой из рога (рис. 77). Ножны, обшитые кожей, встречаются чаще, чем на других реках. На Тромъёгане преобладают костяные рукоятки ножей, ножны

обычно деревянные или обшиты кожей; оббитые жестью встречаются редко.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 27, 30, 42).

Мездру снимали инструментом *мурэп* или *нёлэксатот*. Это однолезвийный скобель – прямая палка с лезвием в средней части. Камусы скоблят скобелем с меньшим лезвием. Размягчают инструментом *ю́тып юх*. Это изогнутая палка с лезвием во всю длину, к ее концам прикреплена петля из бечевки. Петлю натягивают ногой или привязывают одним концом к палке, воткнутой в землю. Камусом водят по лезвию натянутого скобеля и разминают его. При размягчении шкур скобель берут двумя руками и разминают круговыми движениями.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 40).

Нож мужской *куй кочек*; лезвие из напильника, рукоять из капа (рис. 78, 1; 79). Нож женский *не кочек*. Рукоять была из сплошного куска дерева, лезвие было вбито в него; когда рукоять раскололась, её скрепили проволокой и гвоздиками (рис. 78, 2; 79).

(Пос. Юбилейный, Кечимова Р. 1978–1. Л. 12).

Кечимова Римма обрабатывает шкуры оленей и пушных зверей по заказу местного населения, живущего в поселке. Уверяет, что в отличие от других хантайских женщин, также выполняющих подобные заказы, она никогда не перепродает и не пропивает чужие шкурки. Сейчас она занята выделкой шкуры олененка, забитого осенью, когда ворс густой и крепкий. Шкура очень хорошая, считает она.

На обработку шкуры ушел почти целый день. Вначале она обухом топора разминала и растигивала смоченную теплой водой шкуру. От этого шкура стала больше в размерах и

легче. Это очень трудоемкая работа. Затем шкуру стала сушить, посыпая на мездру комбикормом, смешанный с белой мукой. Этот состав растирает руками или выступающими частями шкуры – хвостом, остатками шкуры с ног. Затем начинает удалять мездру. Садится на скамью, рядом с ней инструменты. Кладет на колени один конец доски, длиной около 1 м, другой упирает в ножку стола. На доску кладет шкуру и инструментом *мурап* скоблит движением от себя. Некоторые кусочки мездры отдирает рукой. Направление движений различное. В основной части шкуры – вдоль, от головы к хвосту, на краях – от центра к самой кромке шкуры. Мастерица говорит, что при удалении мездры скобель нагревается, и шкура тоже. Это хорошо, т.к. просыхает шкура. Особенно хорошо обрабатывать шкуру на солнце, где она быстро сохнет. Во время удаления мездры мастерица некоторые участки шкуры разминает руками. На мой вопрос, будет ли разминать шкуру с помощью инструмента, ответила, что она это уже сделала обухом топора. После удаления мездры посыпает шкуру белой мукой и немного помнет руками.

На вопрос о том, чем мажут шкуры при обработке ханты, живущие в лесу, ответила: выпотленными рыбьими внутренностями, проквашенной икрой окуня, можно ерша и щуки. Печенью оленя не смазывают. Указанными составами смазывают и старые шкурки пушных зверей.

Инструментов для обработки шкур у этой мастерицы три (рис. 80). *Murap* – для обработки камусов; однолезвийный, двуручный в виде палки, в центре которой прорезано отверстие. В него вставлена железная пластинка и закреплена в отверстие пластинкой бересты, свернутой вдвое. Дл. 70, ширина в средней части 2,5 см, к концу сужается. Ширина лезвия 2 см. Этот инструмент Римма сделала сама, вообще же их делают мужчины. Второй инструмент точно такого же устройства, но с более широким лезвием – для обработки

шкур. Как объяснила мастерица, *мурап*, предназначенный для камусов, не годится для обработки шкур, т.к. «дорога узенький, дырка делает». И показала, что при скоблении им шкур остается слишком глубокий след, грозящий перейти в прорез. У мастерицы имеется и еще один инструмент – *летовка*. Это лезвие косы, которой косят траву. Им разминают шкуры пушных зверей – ондатры, выдры, песца. Некоторые ханты удаляют им мездру с оленых шкур, при этом инструмент и шкура сильно нагреваются. С тонких, но старых шкурок мездру также удаляют летовкой.

Двулезвийный скобель имеется у местных хантов, он также применяется для выделки камусов, им удаляют мездру. Он имеет устройство, аналогичное однолезвийному, но называется иначе – *ол*. [Почему два скобеля с одинаковым устройством называются по-разному? Не потому ли, что название однолезвийного восходит к инструменту из оленьей лопатки? – Н.Л.].

Камусы обрезает ножом на доске (рис. 81).
(Пос. Юбилейный, Кечимова Р. 1978–1. Л. 13–15).

Кедровый корень *л’эр* собирают в лесу в любое время года, кроме зимы, когда замерзла земля. Когда идешь по лесу, чувствуешь под ногой упругий корень. Его рубят топором, приносят домой. Держать необработанными можно не более 2–3 недель, пока корень не высох. Из корня нужно удалить сок. Для этого делают бороздку (в бревне?) и протягивают через нее корень, нажимая сверху ножом. После этого корни можно хранить сколько угодно. Перед употреблением их смачивают водой, и они становятся гибкими, крепкими, как проволока. Такими свойствами обладают только корни кедра, березовые или осиновые не годятся. А сам кедр – гнилое дерево. Корни кедра применяются как связующий материал при изготовлении рыболовных ловушек, из

них плетут коробки *л'ер йиниль*. Мужчины держат в них боеприпасы.

Корни готовят женщины. Мужчины используют кедровый корень при изготовлении ловушек для рыбы.

(*Юрты Усановы. 1978–I. Л. 29–30*).

Изготовление обласка. В нашем присутствии старик заканчивал изготовление обласка – укреплял поперечины в бортах (рис. 82). Наш хозяин Дмитрий Иванович в эти дни срубил осину на обласок где-то в лесу и дважды ездил ее обрабатывать. Тесла для изготовления обласка такие же, как у других групп хантов. Видим новое, белое весло. Его лопасть черного цвета, просмолена. Конец лопасти обрезан прямо. На вопрос: зачем? Лиза ответила, что таким веслом легче грести. Веслом с заостренным концом гребут с двух сторон.

(*Юрты Усановы. 1978–I. Л. 30*).

Циновка яккон плетется женщиной. Длинные полосы из травы соединяются в циновку толстыми нитками с помощью станка. Нитки перекидываются через полоску травы, затем в обратную сторону. При плетении лента из травы на кромке перегибается вдвоем, на противоположной кромке тоже вдвоем, и кромка не требует дополнительного закрепления.

Полога шьют из цветной ткани. Обязательно делают вставки из ткани другой расцветки – посередине вдоль крыши или в уголках клинышка.

(*Юрты Усановы. 1978–I. Л. 53–54*).

У хантов односторонняя заточка ножей. Лиза Покачева затачивает свой нож с двух сторон, чем вызывает недовольство мужа. Он уверяет, что она только хуже его делает.

Мужской топор затачивается острее, чем женский.
В юртах Усановых встречено лучковое сверло.
(Юрты Усановы. 1978–I. Л. 54).

Инструментом *мурэп* снимает мездру с оленьих шкур и камусов. Инструментом *ол* тоже удаляют мездру. Инструмент *летовка* (коса) используется в двух положениях. *Летовку* ставят вертикально, и об ее лезвие разминают камусы и шкурки мелких зверей, проводя их поперек лезвия взад-вперед. Оленью шкуру тоже разминают *летовкой*, шкуру кладут на колени и, захватывая ее небольшую часть, делают круговое движение инструментом.

Изготовление сухожильных ниток *пона*. Самые лучшие нитки получаются из сухожилий оленя, используются также сухожилия лося. Для сшивания тонких шкурок делают тонкие нитки, для толстых – толстые. Тонкая шкура «не терпит» толстые нитки – говорит женщина. Нитки гораздо крепче шкур, и когда сгнивает изделие, нитки еще целы. Некоторые могут сделать в день 100 ниток, переплетают их и хранят на косточке из-под языка лося, прикрепленной к игольнику или отдельно. Наперсток на игольнике удерживается с помощью косточки из ноги выдры.

Перед изготовлением ниток нужно хорошо вымыть руки, тогда нитки будут белыми. Высохшее сухожилие разбивают молотком или обухом топора на пне. Раздирает руками на две части, затем пальцами – на более тонкие пучки. Ленточку волокна пропускает через рот, смачивая и выравнивая. Разделяет на более тонкие волокна, еще и еще, пока не получит волокно нужной толщины. Держит его во рту. Отдирает еще такое же. Нужно соединить несколько коротких волокон для получения определенной длины. Одно волокно держит в левой руке между указательным и большим пальцем. Другое волокно держит в правой руке между указа-

тельным и большим пальцами, кончик волокна выходит между указательным и средним. Накладывает концы волокон один на другой и скручивает их движением большого пальца к себе. Готовый конец волокна держит во рту, к нему описанным выше способом присоединяет новые волокна. Получив нитку нужной длины, вешает ее на левое ухо. Соединяет из волокон еще одну нить. Укладывает одну нить рядом с другой, кладет в рот, выпустив кончик. Ссучивает кончик ладонями, левая идет вниз, правая — вверх. Постепенно выпускает через рот всю нитку и ссучивает. Затем с силой протягивает нитку через рот и повторяет сущение еще раз. Снова с силой протягивает через рот. Нитка мокрая, но скоро высохнет.

(Юрты Усановы, Усанова Е. 1978–I. Л. 55–57).

3. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

3.1. Лыжи

Лыжи подшитые носят мужчины, иногда и женщины-охотницы. Лыжи не прогибают, они равны по ширине во всех точках, носок и пятка округло заостренные. Некоторые пятку заостряют сильнее. Подшивают конской шкурой или камусами. Имеется защитный мешок для ноги. Женщины ходят на неподшитых лыжах такой же формы (рис. 84).

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 42).

Лыжи, подклейенные лосиной шкурой. Дл. 190 см, ширина во всех точках 19 см. Носок и задник загнуты. Под ступательной площадкой небольшой прогиб. Крепление состоит из трех ремней. Два ремня концами укреплены в лыже: вставлены в отверстие и забиты деревянными шпеньками. Перекрещиваясь, эти ремни создают петлю для носка. Немного отступая в сторону задника, таким же способом укреплена ременная петля. Первые два ремня пришиты к этой петле бечевками. На свободных концах ремней имеются прорези для закрепления. Ступательная площадка обита узкой полоской кожи с помощью гвоздей. Здесь был прикреплен мешок для защиты ноги от снега. На кончике носка – отверстие для прикрепления веревочки. На лыжах ходят без посоха (рис. 85).

(Юрты Усановы. 1978–1. Л. 53).

3.2. Нарты и упряжь

В лесу сейчас (начало октября) уже можно ездить на оленях, скоро ханты приедут из леса в поселок, в магазин. Недалеко живет Виктор Комтев, у него немного оленей. (На мой вопрос): У нас на собаках не ездят и не возят, их не запрягают в нарту, дрова возим на маленькой нарте сами.

В некоторых хозяйствах в нарту запрягают собак. На них только возят груз, люди не ездят.

(Пос. Кочевые, Г. Кечимова. 1975–3. Л. 1).

По уверениям Таи, виденная нами на Пиме упряжь оленей, у которой пояс – аппликации из сукна (см. материалы экспедиции 1973 г.) – пимская мода. Мы видели ее в упряжке хантов, приехавших с Тромъёгана, на Пиме же таких не встречали.

(Пос. Кочевые, Т. Ермакова. 1975–3. Л. 10).

В уздечке передового оленя нет нащечных пластин, и левая налобная пластина прямая (рис. 86). С ее помощью дают команды оленю для поворотов и остановок. Для ускорения бега дергают сильно вожжу, бьют хореем и тихо произносят *ки-ки*. На левом боку пояса передового оленя – металлическое кольцо или костяной крючок для подергивания вожжи. Пристяжные олени имеют нащечные пластины, изогнутые налобные пластины, пояс и подгрудную лямку. На передке нарт висит несколько блоков для пристегивания дополнительных оленей. В остальном упряжь не отличается от ваховской.

Пояс передового оленя застегнут круглой костяной пряжкой с выемками по краям. Хорей *валдех* без металлического копья, шишечки деревянные.

(Пос. Кочевые, Н.Г. Комтин и др. 1975–3. Л. 12).

У женских нарт делают до семи пар копыльев, чем больше копыльев, тем считается красивее (рис. 87). Семикопыльные нарты, шестикопыльные встречаются часто; говорят, делают даже десятикопыльную (на двух полозьях по 10 копыльев).

Грузовые упряжки привязывают сзади к ездовым нартам. В такой упряжке обычно два оленя. У них на шее веревки, которыми они привязаны к впереди идущим нартам. Уздечек на них нет, упряжь состоит из подгрудного ремня и тяжа – одного из двух оленей. Тяж проходит не через блоки, а за соединением нашепа и полоза (рис. 88). Это пространство ограничено палочкой, прибитой одним концом к нашепу, а другим к полозу.

Грузовая нарта имеет три пары копыльев (рис. 89). От грузовых нарт с дощатым дном отличаются нарты, вообще не имеющие дна. Это нарты для перевозки шестов чума – *кот юхви мис*. На ней же перевозят, например, мешки с мукой, при этом делают временное дно – из тонких коротких сосенок. По рассказам, для перевозки одежды при каслании употребляется *нирми мис* – грузовая нарта, дно которой изготовлено из тонких березок, переплетенных веревками. На этой же нарте перевозят доски, огораживающие очаг. На такую нарту помещают много груза и запрягают в нее самых сильных быков.

Домашнего духа (куклу) перевозят на отдельной нарте *дуунк авул* или *кот мул авул*. На этой нарте нельзя никому ехать, особенно женщине. Когда останавливаются в пути ночевать, эту нарту ставят так, чтобы спать головой к ней.

У ненцев нарты «плохие», т.е. грубо сделаны.
(*Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 34–35*).

При остановке упряжки вожжу привязывают к первому копылу нарты (а не к передку, как на Baxe).

У некоторых на пояс олена ниже крючка для вожжи прикрепляются ажурные металлические бляшки (рис. 90)
(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 37).

Передовой олень – *сарэ веди*. Пристяжной – *пелёк веди*, средний (третий) – *кутэм веди*, средний (четвертый) – *нил'л'от веди*. Караван нарт – *вингагут анас*.

Уздечка – *оцулинэн*. Налобные пластины – *сэм локутэ*. Нащечные пластины – *пулем локутэ*. Кисточки на узде – *rossитэ*. Повод – *ноллет нюр*. Крючок для вожжи – *соллэ лоц*. Тяж – *ыляк-нюр*. Пояс – *солла*. Нагрудный ремень – *уляк тос*. Застежки упряжи – *соллэ ники лоц*. Блоки – *лонки*. Цепочка, соединяющая два оленя – *пелёк нюр*.

Ездовая нарта – *дяден авул*. Нарта грузовая – *винт авул*. Нарта с ящиком – *перт авул*. Мужская и женская нарта специального названия не имеют.

Передок нарты – *авул сар*. Приподнятая часть передка нарты (нос) – *авул нюл*. Полоз – *авул од*. Копыл – *авул кур*. Нащеп – *авул воцул*. Перекладина, соединяющая копылья – *авул ыллы*. Кузов – *авул пытэ перт* (имеется в виду дно). Спинка кузова – *авул сар перген пучы перген*. Боковые стенки кузова – *авул комон пацол*. Поперечина, соединяющая полозья в носу нарты – *ацэн юх*.

На поясе передового олена часто можно видеть вместе кольцо металлическое (или ременную петлю) и костяной крючок (рис. 91). Встречается и что-либо одно. В петлю или кольцо вожжу вдевают при ночной езде, чтобы она не выпала и олень на нее не наступил. Подвыпившему человеку привязывают вожжу к руке, чтобы он ее не выронил и не потерял управление оленями. В упряжи некоторых оленей имеется дополнение – кожаный ошейник, украшенный костяным пряжками и фигурными вырезами. *Канджсан лох* – ажурная пряжка из кости.
(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 38–40).

На одной из упряжек наблюдала пояс из сукна, выполненный техникой аппликации. Это женская упряжка. На черном фоне красные узоры.

Хореи на Тромъёгане всегда ставят вертикально – втыкают в снег и прислоняют к столбу, нарте и т.п.

(*Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 42.*)

В ряде случаев вижу у передового олена левую налобную пластину не прямую, а изогнутую.

(*Пос. Кочевые. 1975–3.*)

Комплект оленьей упряжи и схема его элементов в разложенном виде (рис. 94, 95).

Способ присоединения деталей оленьей упряжи – ременных кисточек к нащечной пластине (рис. 96). С одной стороны пластины (а) выходят одна кисточка (б), с другой – три. Каждая кисточка сплетена из четырех ремней, образованных из двух перегнутых ремней. Одиночная кисточка продета перегнутым концом в отверстие пластины. Здесь в ее конец продеты три пары ремешков, которые, будучи перегнуты, создают четыре конца; они сплелены в кисточки. Для того чтобы одиночная кисточка не проскользнула в отверстие пластины, у отверстия маленьким кусочком ремешка сделан узелок (в),держивающий одиночную кисточку. На кисточках с другой стороны пластины имеются разветвления: в переплетение, приблизительно на середине кисточки, вставлены и перегнуты два ремешка, сплетенные в кисточку. На концах кисточки ремешки скреплены попарно: в каждой паре в одном ремешке прорезано отверстие, в него продет конец другого ремешка.

Способ соединения нащечной (а) и налобной (б) пластин (рис. 97). В отверстие той и другой продета кожаная бечевка (в), концы ее связаны простым узлом. В эти же отвер-

стия продеты и связаны кисточки (г). В петлю, образованную кожаной бечевкой, соединяющей пластины, продета другая кожаная бечевка (д), один конец которой заострен, а другой обрезан под прямым углом. Они соединены сложным способом между собой и включают в это соединение конец лицевого ремня (е), украшенного ажурными роговыми пряжками (рис. 98).

Способ соединения нащечных пластин оленьей упряжи (рис. 99). В концах пластин (а, б) имеется по два отверстия. Через перемычку, соединяющую отверстия, перекинута ременная бечевка. Ее концы выходят с обратной стороны пластины и входят в отверстия другой пластины. С обратной стороны второй пластины концы бечевки завязаны даже не простым узлом, а просто на один раз. Цепочка (г), в которую продета бечевка, прикрепленная к поясу олена.

Соединение налобных пластин олена (рис. 100). Обе пластины (а, б) изогнуты. В концах пластин имеются отверстия, через которые проходит сплетенный из четырех бечевок ремешок (в). Его концы сплетены с другими бечевками и образуют кисточки для украшения (г). Через петлю, образованную сплетенным ремешком, соединяющим пластины, перекинут также сплетенный ремешок (д). Он раздваивается и образует кисточки (е). На нижнюю часть петли (в) прикреплено два ремешка (ж) и (з). Их концы перекинуты через ремень петли, а другой конец продет в отверстие на перекинутом конце ремешка. Между этими двумя ремешками прикреплен широкий ремень (и). Его конец перекинут через ремешок петли и прикреплен здесь же к ремню бечевкой (к). Бечевка прикрепляется здесь же ажурную роговую пряжку (л) к ремню (и). Другой конец ремня (и) уходит к месту соединения налобной и нащечной пластин.

(Пос. Юбилейный. 1978–I. Л. 9–12).

Соединение нащечных пластин в упряжи пристяжного оленя (рис. 101). Через перемычку в правой пластине (б) перекинут сложенный вдвое ремень. Один его конец, более длинный и заостренный на конце, перекинут через перемычку левой пластины (а), продет в прорезь на другом конце ремня и завязан. К сложенному вдвое ремню (в) прикреплен ремень (г), идущий к поясу (другого оленя?). Конец этого ремня (г) сложен вдвое и захлестнут петлей на ремне (в). Короткий его конец (д) более узкий, чем основная часть. После образования петли он накладывается на широкую часть этого же ремня и прикрепляется тонкой бечевкой. Бечевка сложена вдвое, ее концы прошиты по основной части ремня (г). К ремню (в) прикреплен и лицевой ремень (ж) с ажурными костяными пряжками. Конец ремня (ж) перекинут через ремень (в) и закреплен через отверстия бечевкой, завязанной узлом. Другой конец бечевки прикрепляет пряжки к ремню, для этого ее продевают в отверстия в пряжках и ремне.

Соединение металлического кольца с поясом оленей упряжи пристяжного оленя (рис. 102). Кольцо (а) дважды захлестнуто серединой бечевки (б). Ее концы проходят сквозь отверстия в поясе. Самые кончики бечевки остаются не завязанными.

Прикрепление крючка для прохождения вожжи к поясу передового оленя (рис. 103). Костяной крючок (А – вид сверху, Б – вид сбоку) одним концом прилегает непосредственно к поясу. Через отверстие на этом конце и отверстие в поясе продета бечевка (в), ее концы уходят на обратную сторону пояса. Здесь один конец вдается в отверстие на другом конце (г). Выступы (д, е) крючка тоже прилегают непосредственно к поясу. Сквозь отверстия в них проходит бечевка (и), концы которой проходят сквозь отверстия в ремне и остаются на его обратной стороне не завязанными.

Соединение пояса с подгрудным ремнем оленьей упряжи (рис. 104, 106). На закругленном конце пояса (а) имеется отверстие. В него проходит бечевка (б), идущая от подгрудного ремня. Ее конец вдет в ажурную костяную пряжку (в) и заканчивается двойным узлом (г), удерживающим пряжку на поясе. По кромке ремня и вокруг отверстия – прошивка из бечевки.

Прикрепление цепочки пристяжного ремня к поясу передового (рис. 105). С изнаночной стороны пояса пришита бечевкой полоска кожи (а). На нее наложена пластина из кости (б) с четырьмя отверстиями – два по краям и два в средней части. Через средние отверстия проходит бечевка (в), уходящая на наружную сторону. Здесь ее концы связаны, но узел не прилегает вплотную к поясу, а немного отстоит от него. Здесь к бечевке (в) прикреплена цепочка (г) от пристяжного оленя, а с другого конца привязана бечевка (д). С помощью последней цепочка может укорачиваться или удлиняться, если ее привязывают к бечевке (в) за одно из звеньев.

Соединение подгрудного ремня с поясом олена (рис. 106, 104). Бечевка (а), идущая от пояса, входит с наружной стороны в отверстие на конце подгрудного ремня. Вокруг отверстия имеется прошивка из бечевки (б). Бечевка (а) петлей захлестнута вокруг роговой пластинки (в), затем проходит в отверстие и закреплена на ней еще одной петлей.

Застежка для присоединения шейно-затылочного ремня к подгрудному (рис. 107). В кромке подгрудного ремня (а) имеется два отверстия, сквозь них проходят концы бечевки (б). На один конец бечевки надета прямоугольная роговая пряжка (в), далее в бечевке имеется отверстие, в которое продет самый кончик бечевки. На другом конце бечевки надета удлиненная роговая пластина (г), конец бечевки закреплен так же, как после пластиинки (в).

(Пос. Юбилейный. 1978–I. Л. 16–19).

4. ЖИЛИЩЕ И ДРУГИЕ ПОСТРОЙКИ

В пути от пос. Русскинские к пос. Кочевые. На берегу видели чум, покрытый брезентом, и избушку. Позднее выяснилось, что это осенние поселения.

В поселке Кочевые, построенном когда-то для хантов (по типу пос. Корлики и др.), в настоящее время ни одна семья хантов постоянно не живет. В поселке размещается метеостанция и сейсмопартия, есть магазин. Почта и медпункт отсутствуют. Сейчас ханты редко появляются в поселке, привозят сдавать бруслику. Вчера (6 октября) приехала семья, живущая в осенней избушке на берегу *Торум-яцуна*.

(Пос. Кочевые. 1975–I. Л. 13).

Я родилась в этом поселке в 1950 г. Здесь жили ханты, когда был колхоз. Сейчас все уехали и живут на болоте.

(Пос. Кочевые, Г. Кечимова. 1975–З. Л. I).

Василий имеет зимнюю и летнюю избушку. Летом и осенью живет в чуме. В летнюю избушку переезжает, когда приходит время установки дымокуров для оленей. В зимнюю избушку переезжает на днях, там у него чугунная печь. Чувалы редко встречаются.

(Пос. Кочевые, В. Комтин. 1975–З. Л. 13).

Старик Н.Г. Комтин живет в избушке, рядом в чуме живет его сын с семьей. Другая семья молодых хантов живет круглый год в чуме. Они живут на болоте, где нет выхода к реке. У них нет моторной лодки, продукты они привозят

только на оленьих нартах. Здесь же присутствует хант, который сейчас живет с семьей в чуме в 40 км от Кочевых, но на днях переезжает в избушку, на 30 км от чума. Чум – *нюником*.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 24).

По пути в юрты Усановы из пос. Юбилейный видели на берегу остов односкатного шалаша. В другом месте была летняя стоянка, здесь осталось два остова чума. Чумы небольшие – из 16 жердей. Две основные жерди связаны веревкой, к ним прислоняют остальные (рис. 111).

(Пос. Юбилейный – юрты Усановы. 1978–1. Л. 20–21).

По приезде в юрты Усановы (20 км от пос. Юбилейный) я обратила в первую очередь внимание на изготовление хлебной печи *нянь кер*. Ее строили две женщины – Соня Покачева и мать ее мужа. По словам Сони, она делает это впервые, а старуха прожила в этих юртах всю жизнь и строит уже четвертую печь. Старую печь нынче весной смыво водой.

Женщины вкапывали опорные столбы, которые прежде служили опорами для лабаза и имели углубления в верхней части. Выкопав углубления, поставили в них столбы, засыпали песком и утрамбовали песок палками. Стали готовить бревна для сруба – всего четыре, в один венец. Измерили необходимую длину бревен, положив прут на развилики столбов и отрубив от него нужную длину. С прутом и палкой сходили в лес и принесли бревна нужной длины. На сруб в один венец настелили доски в продольном направлении. На доски накладывают слой глины, хорошо перемешанной с сухой травой, которую разорвали на мелкие части руками (рис. 112). Глину предварительно привезла Соня и ее муж Дмитрий на моторной лодке. На глину насыпали слой песка.

В края площадки с внутренней стороны бревен воткнули чевемуховые прутья, перегнули их и воткнули другими концами с противоположной стороны площадки. Поперек прикрепили планки или прутья, в местах перекрещивания перевязали веревочками (рис. 113). Ширину будущего пода печи измерили, поставив рядом три сковороды. В целом площадка должна вмещать все имеющиеся в доме сковороды. Их вынесли и поставили на площадку перед изготовлением остова. После изготовления каркаса внутрь него насыпают лопатой песок, по краям площадки его утрамбовывают, прижимая прутья остова. Далее через каркас наливают ковшом слой глины на под печи, разравнивают ее руками. Глину для наружной стороны каркаса перемешивают с травой, не разрывая ее на части. В чело вставляют вертикально тонкий столбик, подпирающий каркас. Вверху печи оставляют круглое отверстие. После первой обмазки тонким слоем глины внутри печи, раскладывают по всей площади огонь и дают печи просохнуть (рис. 114). В процессе сгорания этих дров сгорает и столбик, вставленный в чело печи. После просушки печь и площадку перед ней обмазывают толстым слоем глины, затем заглаживают рукой, побрызгав на печь предварительно водой. Снова разводят огонь и дают печи просохнуть. Подошедшие из соседних домов женщины хвалят печь. Нам она тоже кажется красивой. Все работы заняли три дня.

(Юрты Усановы. 1978–I. Л. 21–23).

В юртах стоят три летних бревенчатых жилища. Было четвертое, но сгорело, когда в нем проживали строители железной дороги Сургут–Нижневартовск, проходящей неподалеку. В первой, самой большой избе живет Дмитрий Иванович Усанов с женой, тремя детьми от этого брака и матерью. (Дети его жены Сони от первого мужа живут в сосед-

них юртах – Покачевых, у ее матери). Далее идет сгоревшая изба, а за ней небольшая избушка. В ней живет Филипп Егорович Усанов с женой Катей и тремя детьми. Здесь же живет сестра Филиппа Нина с сыном, ее муж утонул полтора месяца назад. Между этими домами ставят палатку (вместо сгоревшего дома) брат Филипп с женой и детьми. Теперь они в отъезде. Далее за избушкой Филиппа стоит домик его отца Егора и матери. С родителями живет сын Роман с женой и детьми. Летом он был пастухом оленьего стада рыбучастка, а остальные сдают рыбу в рыбучасток. Егор Усанов – брат отца Дмитрия Усанова.

Каждая семья имеет амбарчик, есть в поселении и небольшие склады. Рядом с амбарчиком Дмитрия стоит *вотл'* – двускатная постройка, крытая берестой. *Вотл'* служит обычно жилищем, но здесь используется в качестве склада (рис. 115). Перед жилищем Дмитрия – очаг и печь для хлеба. Два других дома имеют общий очаг. На кострище две палки с развиликами, на них таган. В лесу делают коленчатый таган. На краю поселения стоит хлебная печь. Она принадлежит отсутствующей семье, но пользуются ею семьи Филиппа и Егора. Соня за целое лето только однажды испекла в ней хлеб, а в остальное время пекла на сковороде на костре лепешки. Она сказала также мне потихоньку, что хозяйка печи сильно любит ругаться и будет недовольна, что женщины пользовались ее печью, да еще сломали заслонку. Хлеб заводят в кадушких, на дрожжах.

Все три жилых дома относятся к одному типу построек – срубные, в угол, с двускатной крышей, дверью и небольшими окнами. Крыша: слеги, обрешетины, береста. У стены против входа нары, высотой 50 см., во всю ширину избы. У Дмитрия слева на нарах полог его семьи, справа – полог матери. Нас поместили в среднюю часть. В избушках стоят железные печи. Ханты считают, что с ними теплее, чем

с чувалом. В доме стоит круглый стол на высоких ножках. Дмитрий с женой и гости едят за этим столом. Старуха ест на нарах за низеньким хантыйским столиком. Еще меньше столик, за которым едят дети до 5–6 лет. Он стоит на полу, а самому маленькому (2 года) тарелку ставят на пол.

В юртах встретила хозяйственную постройку, ранее не виденную мною ни у одной группы восточных хантов. Это чай *кот*, находится у очага на улице. Четыре тонких столбика: передняя пара высотой 120 см, задняя – 100 см. Верхняя треть столбов закрыта по бокам и сзади стенками из тонких и узких дощечек, крыша также сделана односкатная, и пол. В этом шкафчике стоит разнообразная посуда, используемая при приготовлении пищи. Под шкафчиком, между стойками стоит перевернутый котел, ведро и пр.

(*Юрты Усановы. 1978–I. Л. 23–25*).

5. ПИЩА. УТВАРЬ

5.1. Пища

Тромъёганские ханты, так же как и пимские, готовят щуку следующим образом: очищенную от шкуры рыбу слегка обжаривают у огня чувала, всего несколько минут, затем едят.

В нашем присутствии женщины готовят сушеную рыбу *сель*, местное русское население называет её *чомах*.

Вечером хозяин привез свежей рыбы, главным образом, чебака. Женщины сняли с нее чешую инструментом *няксантин*, изготовленным из лопатки оленя (рис. 76). *Няксантин* умеет изготавливать мать Дмитрия. Затем из рыбы удаляют внутренности, отделяя от них печень и икру. Позднее их вытопили, получилась *варка*. Рыбу надрезали, нанизали на деревянные вертела и повесили на сушила (рис. 119, 120). День она подвяливалась на солнце (рис. 121). Вечером ее перенесли на место, где разводят костер, и снова поместили на перекладины над огнем. Огонь поддерживается ровный, небольшой, жгут талину, от нее много дыма. У женщины приготовлена вода, и если где-то поднимается сильное пламя, она брызгает водой из деревянного черпака. Попутно рассказывает, что *чомах* трудно готовить летом в жару, когда жарко и от солнца, и от костра. Нередко за костром следят девочки. Чтобы было не так жарко, они искупаются в платье и затем следят за костром.

(Юрты Усановы. 1978–1. Л. 25–26).

Состав из табака и золы сосут постоянно почти все, но встречаются и старые ханты, не употребляющие его. Все в один голос заверяют, что употребление состава помогает от зубной боли, и те, у кого раньше болели зубы, теперь этого не ощущают. На тех, кто употребляет его впервые, состав оказывает опьяняющее действие, бывает рвота, головная боль.

(*Юрты Усановы. 1978–I. Л. 27*).

Местные ханты едят *няр кул* – слегка поджаренную, вернее, подогретую у огня щуку. В сыром виде едят щуку, чебака, окуня – вообще любую рыбу, кроме сороги. Ее едят обязательно вареной.

(*Юрты Усановы. 1978–I. Л. 49*).

5.2. Утварь

Намёт – игольник (рис. 126). Одна сторона из полосок сукна с нашитыми пуговицами и бисером, по краям – полоска из шкуры выдры. К одному краю петлей из бечевки присоединена крепилка для хранения сухожильных нитей – косточка из предплечья гагары. На данном игольнике простая косточка, обычно же используют двойную косточку из предплечья гагары, реже лебедя или гуся. Используют и подъязычную кость лося или оленя. Пучок ниток захлестывают серединой за косточку (на данном экземпляре). На углу петля из красной тряпки, на ней наперсток. Игольник хранят, свернув трубочкой.

Крепилка для ниток – *панасэсэттё лог*(в). Петля для наперстка – *луй йирти со*.

Йинтылуй кырэд. Женская сумка для рукоделья (рис. 127). По верхнему краю проходит широкая полоса ровдуги, затем полоса темного оленевого меха, далее вставка – полоска зеленого сукна. Боковую поверхность и дно составляет широкая полоса некрашеной ровдуги; передняя и задняя стенки сшиты из

кусочков белого меха (он на рисунке не закрашен) и темного меха – из камусов и лбов оленя. Между кусочками меха про-кладки из узких полосок цветных сукон. Сумка на вздержке.

На другом экземпляре подобной сумки много подвесок-колокольчиков и пробок от флакончиков.

На некоторых сумках боковая поверхность украшена мозаикой из ровдуги.

(Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 3–4).

В моем присутствии Лидии Ивановне привезли коробку, сплетенную из кедровых корней (рис. 128). Узор вплетен из полос, окрашенных лиственничной корой. Коробку подарили дочери Л.И. – Юле для детских игрушек. Впервые вижу совершенно новый корневатик. Он белый, а не желтый, как старые. По обычаю, вещь нельзя дарить одну, поэтому в коробку был положен карандаш. У Л.И. есть другой корневатик, подаренный этой же женщиной, тоже сделанный совсем недавно. Видно, здесь это искусство еще известно многим и не является редкостью, как на других реках.

(Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 6).

Кынт – заплечный кузов. С лямками из веревок и на-кладной крышкой.

Набирка *вонт’еп*. По форме напоминает *кынт*, но меньших размеров. На одной из широких стен вверху петля из ткани, на косточке из ноги птицы. Косточку затыкают за пояс, набирка висит на бедре.

Ложка – *пён’*. Чашка – *вэг анёд*. Чайник – *чай пут*. Блюдце – *чай анёд*. Ножницы – *оптэйт вэг*. Кольцо – *луй вэг*.

По хантыйскому обычаю гости не уезжают, пока хозяйка не уберет столик с пищей.

(Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 10).

У 80-летней бабушки Л.И. Сапочиной хранится круглая, с крышкой коробка, сплетенная ее сестрой из очень тонких лент кедрового корня. Она вдевала их в иглу и плела. Размеры: высота 12, диаметр 10 см. Старушка хранит в ней тряпочки, шкурку зверя (*пыллэс вайах*), название которого по-русски не знает. На просьбы внучки отдать ей эту коробочку она отвечает отказом: вот умру, тогда возьмете. Та же картина и в случае с другой женщиной. Она продает мне некоторые вещи для музея, но на предложение продать сумку для швейных принадлежностей отказ: это от бабушки, может, мы другую такую не найдем.

(Пос. Русскинские. 1975–1. Л. 12).

Игольник круглый, обшит чехлом выдры. Сочетание полос цветных сукон, обшитых рядами бисера. В центре крест, выполненный так же, как на многих других игольниках. Крепилка для сухожильных ниток – пластиинка с прорезями. Мешочек для запасных наперстков из шкуры с полового органа самца выдры. Игольник и крепилка изготовила ее тетя, живущая на Агане.

(Пос. Кочевые, Г. Ермакова. 1975–3. Л. 6).

Колыбель деревянная, маленькая, для новорожденного (рис. 129). Спинка и дно из одной доски. По линии сгиба вырезано углубление, благодаря чему доска при сгибе надломилась, но не переломилась. Боковые стены из одной изогнутой доски, концы вставлены в отверстия в спинке и на другой стороне спинки стянуты полукруглой палочкой. Стенки прикреплены ко дну саргой. Ременные петли закреплены в отверстиях в стенках и в спинке.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 13).

Колыбель дневная *онтеп* (рис. 130). Дно и нижняя часть спинки покрыты *онтеп кор* – куском однотонной хлопчато-

бумажной ткани со свисающими краями, которыми закрывают ребенка в колыбели, а сверху еще зашнуривают ремнем. На верхней части спинки – оленья шкура, на которую ребенок опирается головой. На дно поставлен берестяной вкладыш с оленьей шерстью – *онтеп мун саңун*. Ноги сидящего ребенка прикрыты куском бересты, обшитой по краям темной тканью. Его размер 20 x 17 см, называется *кур тонтох*. Поверх ребенок прикрывается одеялом из заячьих шкур, простеганным с подкладкой из хлопчатобумажной ткани. Одеяло – *линк*. У колыбели две дужки *коссэ*, через которые перекинуты *коссэ сиңэр* – несколько низок крупных бус, побрякушек, колокольчик, цепочки. Платок с кистями, который женщины обычно носят на голове, завязывается над дужками, оставляя открытое пространство для лица, но лицо ребенка находится в глубине, не у отверстия. Ночью ребенок спит в берестяной колыбели *кор саңун*.

Выбивался снега в виде слегка изогнутой лопатки. Ее возят с собой на нарте.

(*Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 26–27*).

Почти все ханты пользуются для хранения состава из табака и золы табакерками, овальными в плане, изготовленными из жести от консервных банок. Крышка деревянная, кожаный ремешок. Внутри банки берестяная пластина. Встречаются даже табакерки из банок от сгущенного молока, для них изготавливают крышку. Прежде табакерки делали из бересты, но они недолговечны, поэтому сейчас предпочитают костяные.

(*Юрты Усановы. 1978–1. Л. 27*).

Берестяная чашка *сахвун*. Пластина бересты с завернутыми углами. Под них подложена пластинка дерева, средняя часть которой входит в перегнутую вдвое берестяную плас-

тинку. Планка прошита кедровым корнем, углы также прихвачены. На дне – высокобленный узор (рис. 135).

В юртах вижу несколько ложек-черпаков, у которых на конце рукояти имеется петелька, выступающая треугольником за плоскость рукояти.

(Юрты Усановы. 1978–I. Л. 29, 32).

В лабазе старуха хранит берестяную коробку с детскими игрушками. В ней, наряду с покупными пластмассовыми игрушками, тетрадями с записями песен и с хантыйскими орнаментами, хранится маленький кусочек циновки-игрушки. Циновка состоит из пяти полос, каждая из которых сплетена из шести полосок травы. По краям циновка обшита полоской темной ткани (рис. 139).

(Юрты Усановы. 1978–I. Л. 30).

Пойлан – веер или опахало из крыльев гагары. Гагара – *л'ор вайах*. Применяется для раздувания огня и отгона комаров. При нас бабушка чистила рыбу на улице и попросила внучку обмахивать ее дымом от дымокура. *Пойлан* изготавливают из двух крыльев гагары, гуся. Основания крыльев переплетают кедровым корнем. Выше крылья соединяют с помощью деревянной пластинки, проткнутой в крылья. Еще выше перья связывают веревочкой, вероятно раньше – сухожильной ниткой.

Другой экземпляр *пойлан* отличается от первого способом соединения крыльев – более упрощенным. В самом низу, у основания крыльев, они просто связаны веревочкой, так же они соединены и немного выше. Поверх наложена деревянная пластинка, привязанная ниткой, такая же пластинка имеется и чуть выше. Кроме того, средняя часть крыльев сшита через край нитками.

(Юрты Усановы. 1978–I. Л. 31–32).

Сумочка для рукоделья, на вздержке – ременной бечевке. Вытянутой формы, расширяется книзу. Передняя и задняя стенки из шкур с оленевых лбов. На одной стороне использована белая шкурка оленевого лба, из нее вырезан кусочек в нижней части и вставлен в это же место на обратной стороне сумки, где использована темная шкурка оленевого лба. Бока, дно и верхняя часть сумки из некрашенной ровдуги. По рассказам, ханты окрашивают ее акварельными красками. Сумочка украшена кисточками и полосками сукна, вшитыми в швы (рис. 140).

Женская сумочка из камусов. Основная часть выполнена техникой мозаики из белых и коричневых камусов. Темный рисунок на одной стороне повторяется в светлом рисунке на противоположной стороне. На боковой части также имеется орнамент в виде ряда одинаковых фигур. В верхней части сумочки – ровдуга, имеется вздержка (рис. 141).

Мужская сумочка *качим*. Из шкуры с шеи лося. В виде клапана, перегнутого вдвое. На верхней кромке пришиты две петельки, в них продевают ремень. Верхний клапан привязывается к нижнему основанию сумочки (рис. 142).

(Юрты Усановы. 1978–I. Л. 47–48).

Кур тонтох. Кусок бересты овальной формы, кромка обшита тканью. Накладывают на ноги мальчику, находящемуся в колыбели. Береста предохраняет одежду от мочи.

(Юрты Усановы. 1978–I. Л. 55).

6. ОДЕЖДА

6.1. Женская одежда

Детали платья. Перед – *йернас кэн*. Спинка – *йернас поч*. Клин в боку – *лунк*. Ластовица – *коцыл*. Рукав – *лыт*. Манжета – *лытоң*. Пуговица – *кызын*. Петля – *выс*. Полка нагрудного разреза – *мс(в)ул*. Воротник – *рок*. Ворот – *рок выс*. Пройма – *лыт выс*. Сборки – *домәл*. Оборки на подоле – *йернас саатып*. Нашивки выше оборки – *йечип*. Подол – нет названия. Полоса на подоле – *йернас пучи*.

(Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 8).

Ниц нир – женская длинная обувь из камусов (рис. 145). Покрой такой же, как на Вахе, Пиме и других реках.

Две полосы выше подошвы, охватывающие ступню по бокам и сзади. Передняя часть голенища – *ойсл*, средняя полоса впереди – *йенык*, полоса сзади – *савэнч*. Небольшие вставки (две) по бокам подъема – *нюл пуңыл*. Голенище – *нир вэй*. Поперечные полоски на подъеме – нет названия. Головка – нет названия. Полоса мехом внутрь на верхней кромке голенища – нет названия. Завязки на голенищах – *нир котл*. Вязки под коленом – *chan йиньл*. Подошва – *пыты*.

Мужчины и женщины завязывают эту обувь под коленом, обертывают вязку два раза и завязывают спереди.

(Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 9).

У женщин в боковом шве платья, справа под мышкой имеется внутренний карман для спичек.

В настоящее время женщины стремятся делать нашивные полосы выше оборки на платье из узкой покупной тесьмы. Оборка вообще у всех платьев довольно широкая, пришивается на середине бедра (на Васюгане оборка намного уже). Платье дома носят без пояса. На улице без саха не появляются. Одевают по два–три платья. Если хотят принарядиться, то лучшее платье просто надевают поверх остальных.

(*Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 11*).

У женщин на пальцах по несколько белых колец, предпочтительно на указательном, среднем и безымянном. Кольца делают из алюминиевых ложек, из монет в 1 руб., из стоек раскладушки.

(*Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 11*).

Платок – *суминьтах*. Платки здесь украшают так же, как на Пиме: к куску хлопчатобумажной ткани призывают полосы иной расцветки и делают кисти из ниток.

Еще не видела в поселке ни одной женщины в традиционной обуви. Все ходят в резиновых сапогах. Некоторые надевают внутрь чулки или носки, большинство же надевает их на босу ногу.

(*Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 12*).

На женщине сах, перешитый из болоньевого плаща. Полы, подол и рукава с нашивкой из красной ткани, ластовица вшита под мышкой, на плече вставлен клин из красного вельвета расширением к шее. Пришит *пынт* из нарезанной проволочной изоляции. Платок – кусок хлопчатобумажной ткани, не обшит. Подпоясана цветной хлопчатобумажной лентой. На ногах резиновые сапоги.

(*Пос. Кочевые. 1975–I. Л. 13–14*).

У женской длинной обуви из камусов подвязки под коленом, оборачиваются сбоку с наружной стороны. Использован фитиль для керосиновой лампы.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 25).

На женщинах, одетых в зимние шубы с верхним саходом из ткани, надеты широкие в 10 см пояса, расшитые бисером. Застигиваются на пряжку, подвесок не имеют. Часто встречается пояс в виде полосы красного сукна шириной 12 см., концы проходят сквозь пряжку и свободно свисают впереди до уровня колен, не обшит и не расшит бисером (рис. 146).

Женская зимняя обувь – длинная, целиком из камусов. На подъеме поперечные полоски. У женщин только этот вид зимней обуви.

На женщине три платья.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 28–29).

Женщины зимой повязывают один платок на плечи, перекрещивают на груди и завязывают на спине (рис. 147), а другой платок – на голове и завязывают сзади на шее. В уголок платка завязывают мелкие вещи. Получив от меня наперстки без дна, нанизывают их на конец платка.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 32).

Женщины не носят толстые платки при езде на нартах из-за того, что в них не повернуть головы.

Шапки женщины Тромъёгана не носят, только платки.

На одной женской шубе плечевой шов украшен двумя полосками – красного и синего сукна, концы их свисают с плеч (рис. 148) (слабое подобие «эполет» на Бахе). У другой на плече вшита темная полоса, от нее свисают ленточки сукна.

На женщине пояс – полоса красного сукна, не обшит, погвзян, как на Югане. Местные ханты говорят, что такая мода

на Агане, а здесь встречается редко. Беременные женщины носят сак без пояса.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 36–37).

Внутренняя часть двойной шубы имеет такой же покрой, как наружная, но без украшений.

На женской шубе вертикальные вставки мозаики из меха имеются не только на стане, но и на рукавах, выше манжет.

Основной шов на тканях (частая живая нитка) – *йинк ёл*. Шов через край (для сшивания шкур) – *вели соғ ёл*.

Вышивает бисером – *сукам литом верли*.

На женских поясах, на подоле платья и на обшлагах часто встречаются узоры, расшитые бисером. Ткань зашивается не полностью, а фигурками креста, каждый крестик из 5 бусинок.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 38, 42).

Платье женское, из зеленого в цветах сатина (рис. 150). Покрой туникообразный, на кокетке, с широкой оборкой на подоле. Выше оборки нашиты полоски синей и красной ткани. К кромке подола пришита полоса разовой ткани с подкладкой, расшитая бисером. Воротник-стойка. Застежка с планкой, две петли на правой полке, на левой пуговицы. Ластовицы из этой же ткани, но с изнаночной стороны. Ханты делают так часто. Обшлаг из синего сатина с подкладкой из серой ткани, расшит бисером.

(Пос. Юбилейный. 1978–I. Л. 6).

У всех женщин в юртах платья одного покроя (рис. 151). Туникообразные, рукава под прямым углом, ластовицы из ткани наизнанку, нагрудный разрез с тремя пуговицами, воротник-стойка. На подоле широкая оборка, выше нее полосы яркой ткани. На рукавах обшлага, расшитые бисером.

У всех платьев по спине и груди, на плечах проходит по две складки. На вопрос, зачем складки, получен ответ, что для уменьшения ширины платья в плечах, чтобы оно выглядело аккуратнее. Спрашиваю далее, почему сразу не делает выкройку по ширине плеч, ясного ответа не получено.

У одной молодой женщины платье из однотонной черной шерстяной ткани. Это резко отличается от обычных платьев, сшитых обязательно из цветастых тканей. Покрой, как на рис. 150.

Женщины предпочитают шить домашние платья из тканей с темным фоном — «черных», как они говорят. Недовольны, что в магазине чаще бывают «белые», т.е. светлой расцветки ткани.

На старухе два платья, оба не подпоясаны. Ее сноха носит платье с поясом — длинная полоса цветной ткани, не подшиита. Обернут пояс три раза вокруг талии и завязан сзади (рис. 152).

Платки носят, сложив углом вдвое и завязав под подбородком. Платок напущен на лицо. Внутри помещения, когда не нужно прятать лицо, женщины завязывают платок углами на затылке, или просто закидывают туда углы.

(Юрты Усановы. 1978—I. Л. 27—28).

Женщины раньше носили *ворып* — пояс-повязку. Основную часть шили из темной ткани, а пояс из белой. К концам пояса пришивали завязки. Основную часть пристегивали к поясу на пуговицу (рис. 153). Штанов хантыйские женщины не носили, только *ворып*. Теперь носят покупные штаны.

(Юрты Усановы, Усанова Е. 1978—I. Л. 57).

6.2. Мужская одежда

Ной-куныши. Одежда из серого дешевого сукна. Носят мужчины в сырую погоду, надевают поверх малицы или другой одежды. Женщины не носят. (Замечание женщины: «Это у ненцев не разбирают, носят малицу и мужчины, и женщины»). Рукав цельнокройный, покрой туникообразный. Впереди по бокам клинья, перед короче спинки. На груди полуovalная вставка из того же материала. Это не тромъёганская мода. Опушка на вздержке, так же делают обычно и концы рукавов (на резинке), но в данном экземпляре этого нет. На спинке часть капюшона выкроена вместе со станом (рис. 158). Стан – *конэл*. Передок – *конэл*. Спинка – *по чэл*. Рукав – *лытэл*. Клин в стане – *дункэл*. Капюшон – *мил*. Вздержка – *венч мағол чонч* (лицо круг веревка).

(Пос. Русскинские. 1975–1. Л. 2).

На Н.Г. Комтине поршневидная обувь *нюр нир*, которая сейчас редко встречается, т.к. вытеснена резиновыми сапогами. Это обувь для сырой погоды, для весны и осени. Она лучше, по мнению хантов, чем резиновые сапоги, так как легче. Подошва – поршень из шкуры со лба дикого оленя. Голенище из тонкого брезента. Три пары петель, через них проходит бечевка, оборачивается два раза вокруг подъема, перекрецивается на заднике и завязывается спереди. Кроме того, обувь завязывается под коленом и еще имеет вязки вверху для подвязывания к поясу (у Комтина сейчас обувь вверху не привязана).

Длинная обувь из камусов называется *нир*. Ее завязывают под коленом. У четырех мужчин-хантов, виденных мною сегодня, для этой цели использованы ремешки с пряжками. Они обернуты один раз и застегнуты сбоку, с наружной стороны ноги.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 24–25).

Малицы носят в большинстве с навершицей, откинув капюшон (рис. 159). Они имеют по две нашитые полосы красного цвета на подоле и на концах рукавов. Ворот навершицы (маличной рубахи) обычно обшит цветастой тканью (рис. 160). В некоторых случаях поверх малицы с навершицей надевается суконный кумыш с капюшоном, который обычно носят в сухую погоду (рис. 161). На рукавах и подоле навершицы по две широкие полосы красной ткани. Ворот обшит обычной полосой разноцветной ткани (в цветах, полоску, клеточку).

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 25, 27).

Мужская зимняя обувь *поцы*. Подошва из щеток с копыт оленя, далее идет полоса, огибающая ступню в виде поршня, на пальцах и передней части ступни вставка. Голенище из длинных полос камуса, длиной, как у *nir*. Под коленом закреплены ремешком, на верхней кромке завязки для прикрепления к поясу (рис. 162).

Подошва у обуви всех типов имеет направление ворса вперед. У зимней обуви подошва – из щеток с ног оленя.

На мужчине обувь *nir* (кисы), но нет никаких украшений. Встречается часто.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 28–30).

Мужчины, подвязывающие зимнюю обувь под коленом фитильной лентой, завязывают узел сбоку снаружи. Внутри носят чулки из оленьей шкуры – *кинч*. Некоторые имеют *кинч* из овчины, с них меньше выпадает ворс. Те и другие одинаково теплые.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 32).

У многих мужчин сзади на поясе подвешен зуб медведя. На поясе сзади висит кожаный мешочек для точила *дистан*

кырәг и сбоку слева кожаный мешочек для винтовочных патронов и для спичек – таң(в)ут кырәг. Таң(в)ут – огонь. На мужских поясах бечевками пришивались роговые ажурные пряжки.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 32, 36).

Кумыш – куныш. Капюшон кумыша – куныш мил'. Кисточки на спине – расит, манжеты – лытонна. У кумыша делают на спине поперечный изогнутый шов, часть спинки выше шва делают из темной шкуры. Опушку сағарыл кумыша обязательно делают белой (рис. 163, 164, 165).

Най куныш из белой ткани носят на охоте.

Мужчины носят поверх рубах он пиң(в)ул. Это две ременные петли, надеваются через плечо таким образом, что перекрещиваются на груди и спине. Внизу петли заканчиваются бечевками с кольцом на конце. К кольцу привязывается длинная обувь из камусов (рис. 167).

Внутрь обуви кладут стельку из травы. Меховой чулок кинч шьется, как нюр нир, но без петель и бечевки.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 37–38).

Мужские штаны кроили без клина между штанинами и без гуртика, глухими. На поясе делали вздержку из веревочки или резинки (рис. 168).

Мужчины летом носят на голове платок. В дождливые дни носят *най куныш*.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 41).

У дедушки сохранилась единственная рубаха старинного покроя, а не купленная в магазине. Рубаха была надета, поэтому удалось сделать только ее описание. Туникаобразная, без кокетки, с нагрудным разрезом и тремя пуговицами.

(Юрты Усановы. 1978–1. Л. 47).

По нашей просьбе старая хантыйка делает выкройку мужских штанов. Отрывает две полосы ткани на штанины (*куруп*). Они слишком широки. От одной отрывает лишнюю полосу, прикладывает полосу нужной ширины к другой полосе и также обрывает лишнее. Отрывает короткую полосу для вставки между штанинами. Отгибаet угол в верхней части штанины, отрезает его. Прикладывает вставку, у которой тоже отогнуты и отрезаны углы. Отрывает полосу для пояса. Разрезает гуртик, прикладывает к нему ленту ткани, обрывает по его длине. По совету двух сидящих здесь же женщин немного сужает штанины книзу от вставки. Непосредственно вниз от вставки вставляются еще небольшие клинышки, расширяющие штанины. Старушка рассказала, что гуртик застегивается на три пуговицы, а на поясе собираются складки (рис. 169).

Траву, употребляемую на стельки в обувь, не расчесывают.

(Юрты Усановы, Усанова Е. 1978–I. Л. 57–58).

6.3. Детская одежда

Неврям сак. Шубка девочки, домашняя. Шуба для езды зимой шьется целиком из оленых шкур – как верх, так и низ. Внутренняя часть этой шубы сшита из кусков оленьей шкуры, лебяжьих и гагарых шкурок, низ из оленьей шкуры. Наружная часть из зеленого вельвета, ластовицы из синего в цветах вельвета. По низу правой полы, рукавов, подола проходит полоса из шкуры выдры, выше – полоса из красного сатина, по ее кромке белые пуговицы. На левой поле также нашита полоса красной ткани, но более узкая и без пуговиц. Еще выше полоса из нарезанной проволочной изоляции (заменитель бисера), уголок на правой поле зашит белыми пуговицами. На плечах вдоль – вставки из синего сукна, вшиты

между передком и спинкой. Верх шубки пришит к меховой подбивке на полах и подоле, на рукавах – нет. Рукава подбивки заканчиваются рукавицами из камусов. Воротник из светлой оленьей шкуры, узкий. У него имеется подкладка, но она пришита только к вороту, а не к воротнику; получается, как бы, два воротника: внутренний – из хлопчатобумажной ткани и наружный – из шкуры. Имеется четыре пары вязок: одна на воротнике, две на груди и одна на подоле.

(Пос. Русскинские. 1975–I. Л. 2–3).

Ернас. Платье, сшитое девочкой 13 лет (Сашей Покачевой), покупаю для музея. Она продала вещь сама в присутствии матери, та сказала, что вещь девочки, пусть сама продаёт. Все швы выполнены вручную. Из голубого ситца. Туникообразное, на кокетке, с широкой оборкой на подоле, имеется нагрудный разрез с двумя петлями и пуговицами, воротник-стойка, пришивная манжета длинного рукава застегивается на одну пуговицу. Ластовицы из цветной ткани (белой с сиреневым рисунком). Основные швы выполнены «на живую нитку», очень частыми стежками. Полки нагрудного разреза и воротник внутри подшиты швом, как подшивают подол. Ниже кокетки идут сборки, так же, как на оборке внизу (рис. 170).

Платье смотрится очень нарядно благодаря украшениям на кокетке, выше оборки, на манжетах и по кромке подола. На манжетах и выше оборки нашито несколько рядов полосок из однотонных тканей. На кокетке они сочетаются с рядами зубчиков из белой ткани; все это нашито на полосу красной ткани, которая вшита в стан. Эта полоса окаймлена стебельчатым швом, выполненным черной нитью. Вышивка нитками – не традиционное украшение, ее придумала девочка. К низу подола пришита полоса красного сатина с подкладкой из цветастой хлопчатобумажной ткани. Полоса ук-

рашена двумя полосками ткани и крестообразными фигурами из бисера. Эта полоса также не традиционна для тромъёганских хантов, ее стали пришивать недавно, в подражание хантам, приехавшим с Лямина (их называют здесь казымцами).

(Пос. Русскинские. 1975–1. Л. 7–8).

Приехала женщина с ребенком в колыбели. Ребенку один год. На нем (это мальчик) рубашка, поверх нее малица с чехлом (рис. 171). Малицу мать сшила и стала надевать, когда ему было только 5 дней. Они живут в чуме, где очень холодно. На ногах у мальчика *nevrem kinch* – чулки из оленьего меха, ворсом внутрь. Сшит как бы носок с круглой вставкой на пятке, к нему пришито длинное голенище. Оно подвернуто и в таком виде не достает до колен (рис. 172). Поверх – *nir* обычного для Тромъёгана покроя, по верху голенища имеется продержка, концы ее завязываются чуть выше колена, а не привязываются к поясу (рис. 173).

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 26).

Мальчики (маленькие и подростки) летом носят рубахи с капюшоном, сшитые из хлопчатобумажной ткани. У девочек такие рубахи носят только самые маленькие.

Зимой на девочке надет платок: основная часть из зеленого сатина, по кромкам пришита полоса красного сатина, на ее кромках полоса зеленого сатина. Сак у девочек из шкур лебедей, на подоле полоса из оленьей шкуры. У ее матери также сак с подкладкой, у которой верх не из ткани, а из оленьих шкур – частично из лебедя.

У девочки пояс без подвесок, жесткий, бисером не расшит, завязывается бечевками впереди.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 29–30).

Шубка девочки (рис. 174, 1, 2, 3, 4, 5, 6). Подкладка и верх из оленевых шкур. Швы проходят по полам, подолу, концам рукавов. Покрой внутренней и наружной частей одинаков, но на наружной части сочетается мех разных цветов и имеются орнаментированные полосы, а также ленточки цветного сукна. Бока, спинка и рукава сделаны из шкурки неблюя, по кромке полы – узкая полоса из темной гладкой шкуры; из такой же шкуры (летней) широкая пришивная полоса на подоле. Внутренняя часть из зимней шкуры серого оленя; на полах ближе к боковому шву три вставки: вверху и внизу квадратные вставки из шкурки гагары, между ними квадрат белой оленьей шкуры.

Украшена шуба следующим образом. По самой кромке пол и подола проходит узкая полоса белого меха, далее узкая полоса красного сукна. Далее по полам – полосы из темной гладкой шкуры шириной 5 см. Далее по полам и выше широкой полосы, пришитой на подоле, проходят орнаментированные полосы – мозаика темного и светлого меха. Короткие вертикальные вставки – из мозаики отходят вверх от широкой полосы на подоле до уровня подмышек и две вставки на спине. Впереди на полах в нескольких местах нашиты ленточки из цветного сукна и цепочки.

На концах рукавов пришиты по порядку (начиная от рукава) полоска красного сукна, полоска синего сукна, более широкая полоска из темной шкуры, полоска красного сукна. К рукавам пришиты рукавицы из шкур с оленевых лбов.

Воротник отложной из неширокой полосы оленьей шкуры, без подкладки. Из шести пар завязок одна пришита внутри воротника.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 32–34).

На мальчике лет 5 малицы чехол из грубого сукна, с капюшоном. Его обувь *nir* (кисы) перевязана на щиколотках бечевками два раза и завязана сбоку снаружи.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 37).

На поясе мальчика подвешены цепочки и металлические бляшки, какие на Бахе подвешивают на пояс женщины.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 41).

Детский сах (*неврятм сах, ай сах*) для девочки (рис. 176). Внутренняя часть сшита из шкурок турпана. Обе полы имеют надставки из полос оленевых шкур, для прочности. Из оленьей же шкуры и воротничок. Сах из шкурок турпана – *синк сах*. Воротник – *рок*. Рукав – *лыт*. Спинка – *поч*. Полы – *кимэл*. Завязка – *кыцэн*. Наружная часть саха из синего вельвета. Правая пола опущена шкуркой выдры. Покрой, как у внутренней части, но без воротника. Обе части – наружная и внутренняя называется одинаково – *sах*.

(Пос. Юбилейный. 1978–1. Л. 5).

6.4. Разные виды одежды

Мужчина и мальчик одеты в старые малицы, у мужчины малица с навершицей, у мальчика – нет. На мужчине малица с капюшоном, подпоясана ремнем. На груди шва нет, но многие делают шов, с ним красивее. На ребенке 3 лет малица с чехлом, без штанов, Обувь поршневидная, подошва из кожи, голенище из серого грубого сукна.

У мужчины волосы подстрижены в кружок. Так носят волосы многие местные ханты.

(Пос. Кочевые. 1975–1. Л. 13–14).

Мужчины у нас не носят саки, как на Пиме и Югане. Когда тепло, носят старые малицы (*молэлсы*) без волоса, а зи-

мой теплые. Мужчины зимой носят кумыш. Подпоясываются ремнями, к ним разное подвешивают. Женщины зимой подпоясывают шубы узкими поясами, расшитыми бисером, они без подвесок. Летом подпоясывают сак какой-нибудь тряпкой. Некоторые изредка подпоясываются зимой или летом широким поясом из сукна, завязывают его сзади (см. Аган). Так делают в низовьях Тромъёгана, а у нас редко.

Полоса из бисера по низу подола платьев для девочек – казымская мода. У хозяйки и ее дочери платки – просто куски ситца, не подшитые и без надставлений полос.

(Пос. Кочевые. Г. Кечимова. 1975–3. Л. 1–2).

У женщины сак вообще не подпоясан. Покрой сака на Тромъёгане такой же, как на Агане и Пиме. У детских саков чаще всего ворот сшит из оленьей шкуры с длинным ворсом.

На маличных рубахах мужчин и мальчиков нашивают по одной или по две красных полосы на подоле и на концах рукавов (рис. 184).

Женщины подпоясывают саки из тканей или меховые, с верхом из ткани. просто полоской ткани. Перехватывают талию два раза и завязывают спереди.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 2, 9).

На фотографии, сделанной в 1950-х годах, две женщины сняты в летней обуви *локэн нир*. Это поршневидная обувь с подошвой из покупной магазинной кожи. На подъеме клин из ровдуги, голенище длинное, ровдужное. На головке имеются 10 петель, сквозь которые проходит бечевка, перекрещивается выше пятки и завязывается на подъеме. Мужчины подвязывают обувь под коленом, а женщины привязывают к нательному поясу-веревочке. Носили такую обувь мужчины и женщины, и дети. Сейчас она заменена покупными сапогами.

Длинную зимнюю обувь из камусов мужчины и женщины подвязывают под коленом. Раньше подвязки были плетеными, а теперь просто тряпочки. Мужчины подвязывают длинную обувь к брючному ремню, а женщины к нательному поясу-веревочке.

(Пос. Кочевые, Т. Ермакова. 1975–3. Л. 9–10).

Света Кечимова (20 лет) приехала из лесу с девочкой 1,5 года. На ней малица с рубахой-навершицей, на ногах поршневидная обувь: подошва из кожи, голенище из ткани. На мой вопрос, почему девочка, а в малице, ее отец ответил: «Кого она понимает, так теплее». Сама Света в саке, украшенном бисером, и в резиновых сапогах. Ее муж Иосиф одет полностью в покупную одежду. Сейчас уезжают в лес надолго, так как по их маленькой речке скоро будет не проехать, обмелела.

(Пос. Юбилейный. 1978–I. Л. 5).

Обувь *nir* чаще всего носят, лишь подвязав под коленом, к поясу привязывать не обязательно.

Обувь нового образца, длиной до колен, называется *пурка* (от русского: бурки). Такую обувь носят в поселке, в лесу же носят длинную обувь – *nir*.

(Пос. Юбилейный. 1978–I. Л. 5).

Женская, детская и мужская обувь *нюр nir* из ровдуги (рис. 185). Поршневидная, поршень из кожи-ровдуги. У взрослой обуви голенище тоже из ровдуги, а у детской из сукна. Внутри стельки из нечесаной травы. Детские *нюр nir*, голенище сшито частым швом «на живую нитку». К поршню голенище пришито так: сложены их кромки и прошиты в два ряда частым швом на живую нитку.

(Юрты Усановы. 1978–I. Л. 26–27).

7. ОРНАМЕНТ¹

16 августа 1978 года. Сегодня мы беседовали с хантыйской девочкой Любой Сенгеповой, которая перешла в восьмой класс. Учится она в с. Ляmino, расположенным на р. Обь, а родители ее живут в лесу, в юртах. По нашей просьбе Люба показала нам предметы, которые она сама расшила бисером. Среди них было удивительное по красоте шейно-нагрудное украшение, сплетенное из бисера трех цветов: зеленый, белый, красный. Рисунок заимствован из журнала «Крестьянка», но цветовое решение выполнено девочкой самостоятельно (рис. 187). Увидели мы и две полосы, сплетенные из бисера и предназначенные для украшения полы *пынт* женского саха. Одну из них выполнила сама Люба (рис. 188), а другую прислали ее матери из с. Русскинские. На руке у девочки был браслет для часов, сплетенный из бисера. Узор на нем аналогичен узору на шейно-нагрудном украшении, но фон не зеленый, а фиолетовый. Красный и белый цвета сохранены.

Показан Любой (но сделан не ею) и игольник из сукна, украшенный бисерной вышивкой и отороченный мехом выдры. На вопрос, какого цвета бисер она предпочитает для работы, девочка ответила, что голубой, и показала данный цвет на изготовленной ею бисерной полосе. Относительно времени изготовления изделий девочка заметила, что шейно-нагрудное украшение может сделать за один день. Названий орнаментов Люба, по ее словам, не

¹ Записи в данном разделе и рисунки, на которые даны сноски в тексте, выполнены О.М. Рындиной.

знает. Но об орнаменте (рис. 188) она сказала по-хантыйски «заячий уши», хотя и неуверенно. У Любы есть целая тетрадь с рисунками орнаментов, но она может плести и по памяти. Из рассказов девочки мы узнали, что в школе-интернате, где она учится, многие девочки увлекаются плетением бисера, и у многих из них есть тетрадь с орнаментами. Мы попросили Любу срисовать и прислать нам орнаменты, и она обещала.

17 августа. Сегодня к нам пришла в гости Люба. Мы ей очень обрадовались: она славная девочка, правда, немного застенчивая. Мы попросили девочку зарисовать в нашу тетрадь орнаменты, которые она помнит. Люба уверенно рисовала цветными карандашами хорошо знакомые ей узоры (рис. 189; 190; 191). Но когда мы попросили девочку назвать цвета по-хантыйски, она ответила: «Я их не знаю» и потупила глаза. Мы, однако, убедили девочку, что это ценная информация, и она некоторые названия цветов дала, припомнив их не сразу.

«Не знаю», – так ответила Люба, робко улыбаясь, на наш вопрос, знает ли она названия орнаментов, рисуемых ею. А затем добавила: «Да это, наверное, не так нужно, как узоры». Мы объяснили, что для нас все важно, но Люба опять сказала, что не знает, хотя в беседе упоминала, что слышала названия из уст матери и подружек по школе-интернату. Тогда мы попросили вспомнить эти названия. Девочка нахмурщила лоб, напряженно вспоминая: ей, видимо, очень хотелось помочь нам. И два названия она вспомнила и перевела: *вилонт* (оленни рога), *сопырхи* (лягушка, вроде). Но зарисовать эти узоры по памяти Люба не могла.

К концу встречи девочка разговорилась, и мы решили узнать ее фамилию. Люба немного смущенно ответила: «Сенгепова». Она рассказала, что у нее два брата и сестренка, которая перешла в 4-й класс и которая у мамы научилась

тоже немного плести бисером. Мама Любы умеет делать мозаику из меха (в основном, оленьего) на унтах, которые изготавливаются и на продажу. Отправляя Любку в интернат, она просит ее сплести то-то и то-то (обычно это полосы для саха). У любиной мамы два саха, из красного и синего сукна. У Любы тоже есть сах, но в школу она ходит лишь в пальто, купленном в магазине. На вопрос, продает ли она (Люба) свои поделки, она отрицательно покачала головой.

(Записано в пос. Юбилейный от Л. Ермаковой. 1978–2. Л. 1–4).

Какой удачный сегодня день! Вечером к нам в гости пришли хантыйские ребята. Они рассказали нам много интересного. Была среди них и Наташа Кечимова, окончившая в этом году 8 классов и поступившая в этом году на дошкольное отделение в Ханты-Мансийское педучилище. Она привнесла с собой красивые сплетения из бисера: два браслета под часы и полосу для саха. Узоры мы сразу же занесли в альбом (рис.192; 193).

Вместе с Наташей пришел и ее младший брат Степан, которому, по его словам, лет 10–12, он перешел в 5-й класс, учится в Рускинских. Брату и сестре я предложила цветовую гамму. Наташа мало знает названий цветов по-хантыйски, а по-русски называет их все. «Что мы за ханты, даже цветов по-хантыйски не знаем», – сказала она. Степа намного хуже сестры знает русские названия цветов, и поэтому информацию его было интереснее слушать. Но инициативу в разговоре захватила Наташа, которая отвечала и за себя, и за брата: «Да не знаем мы; Степка, чего ты думаешь – все равно, ведь, не знаешь!» И Степа покорно соглашался: «Не знаю». Думается, что Наташа в таких случаях не всегда была права, и Степа мог вспомнить еще кое-что. Когда беседовали о цветах и Наташа в очередной раз сказала: «Не знаю», – между мною и ею произошел следующий разговор:

— А если ты купила материал на платье именно такого цвета и тебе очень хочется похвастаться им перед подружкой, то как ты назовешь цвет материала?

— Я назову его по-русски.

— А если подружка не понимает по-русски?

— Тогда я покажу ей материал.

— А если у тебя не будет такой возможности, если ты лишь переписываешься с подружкой?

— А я вышлю ей в письме кусочек материала. Да. Я купила себе материал на платье и кусочек послала маме, чтобы она знала, что я купила.

Мы узнали следующие названия цветов по-хантыйски. Белый — *неви*. Красный — *выртэ*. Бордовый — *йемат выртэ* (темно-красный, сильно красный). Фиолетовый, разные оттенки — не знают. Голубой — *востэ* (синий, голубой). Темно-синий — *йемат востэ*. Зеленый — *востэ, йемат нярых пум* (темно-зеленая трава). Светло-зеленый — *нярых пом* (молодая зеленая трава). Сочно-зеленая — *нярых пом*. Темно-серый — *темпойкар* (осиновая кора). Коричневый — *ёмкар*. Темно-фиолетовый — *пьцтэ*. Черный — *пьцтэ*.

Мы спросили у Наташи названия орнаментов на принесенных ею предметах, и услышали уже привычное: «Не знаю». Тогда мы немножко схитрили: «А как бы твоя мама назвала их?» — и Наташа ответила: «Заячий уши» (рис. 188; 194); *сопырхи* — лягушка и *ай сопырхи* — маленькая лягушка (рис. 192). На вопрос, есть ли здесь узор с именем «оленни рога — вилонт», Наташа указала на узор Любы Сенгеповой (рис. 190) и сказала: «Похож, но что-то не так». Еще из разговора мы узнали, что полосу для саха (рис. 192) Наташа сплела за две недели, работая лишь вечерами. Свои изделия она на продажу не делает, но если девочки попросят сплести ремешок для часов, то она выполняет эти просьбы.

(Записано в пос. Юбилейный от Н. Кечимовой. 1978–2. Л. 4–6).

23–25 августа. Нам определенно повезло: сегодня первый день стоит чудесная погода, и мы получили приглашение посетить юрты от самих же хантов.

Сборы были недолгими, и мы уже к полудню оказались в Усановских юртах. Здесь мы собрали много материала, здесь мы «открыли глаза и уши». Я начала собирать материал несколько необычно. Познакомившись с жителями юрт, я возвращалась к домику, в котором мы остановились. Вдруг мой взгляд упал на какую-то тряпицу у входа в один из домиков. Мое внимание привлекла вышивка на бисере, выглядывавшая из-под тряпицы. Когда я приподняла заинтересованную меня вещь, то оказалось, что это было женское платье, украшенное бисерной вышивкой. Я присела на корточки и стала наносить узор в блокнот (рис. 195). За этим «странным» занятием меня и застала бабушка Героида. Она внимательно посмотрела на меня, потом на блокнот, понимающе хмыкнула и ушла в соседний домик. А через несколько минут появилась снова, держа в руках великолепный *пынт'*, расшитый бисером и тем самым оказавшийся очень любопытным, ведь раньше *пынт'* плели из бисера. Я попросила разрешения снять узор с *пынта*, а подошедшая дочь бабушки – Нина сказала, что бабушка затем и принесла вышивку, чтобы ее зарисовали.

Я стала показывать бабушке ранее нарисованные орнаменты, бабушка стала их называть, а Нина переводила мне (рис. 190; 191; 196; 197). Затем бабушка и Нина занялись своими хозяйственными делами, а я начала зарисовывать *пынт'* для подола женского саха, расшитый бисером на розовой ткани (рис. 198). Через несколько минут, когда моя работа подходила к концу, ко мне снова подошла бабушка Героида, посмотрела на *пынт'*, на мой рисунок, одобрительно кивнула головой и вновь скрылась в своем домике. Но вскоре она появилась опять, держа на сей раз в руках два просто велико-

лепных пояса: один из них был побольше, а другой – поменьше. Оба были расшиты бисером. Особенно хорош был женский пояс: на материал темно-болотного цвета были нашиты белые бисеринки (по шесть штук в пучке) и оранжевые (по пять штук в пучке). Пояс казался ярким и строгим. Детский пояс для девочки, был из оранжевой ткани, меньше в размерах и нежнее по расцветке: тона были подобраны более мягкие (рис. 199). Я рисовала пояса, а бабушка время от времени подходила и смотрела, как идут у меня дела.

Только я закончила работу с поясами и поблагодарила бабушку, как подошла Надежда Васильевна и сказала, что наши хозяева показали нам берестяную коробочку с орнаментом (рис. 200). Коробочка тоже была очень красивая. А мне пришлось изрядно потрудиться, прежде чем орнамент лег на бумагу. Дело в том, что каждый из мотивов орнамента был по-своему индивидуален, при внешнем сильном их сходстве. Узор никак не укладывался в клетку. Пришлось рисовать орнамент полностью, отказавшись от «помощи» клеточек. Буквально до захода солнца я провозилась с орнаментом. А на берегу наша хозяйка Лиза разложила костер, и от него приятно потянуло дымом и запахом готовившегося ужина...

Утром меня ждала работа: бабушка Героида приготовила для меня новый, сплетенный из бисера *пынт'*, а жена ее сына – Катя – принесла свой *сах*. *Пынт* был очень хорош: на ярко-желтом фоне нарядно смотрелись фигуры, выполненные из голубого, фиолетового, красного и зеленого бисера (рис. 201). Да и узоры на *сахе* были тоже замечательные, яркие и нарядные. Когда эти узоры были сняты на бумагу, бабушка принесла еще один *пынт'*, а когда я спросила: “Как он называется?”, имея в виду орнамент, бабушка ответила: «*Ам логоль*». Это означает «собачья лапа». Катя убежала в дом и вынесла оттуда шерстяное платье малинового цвета,

на манжете которого был чудесный узор, расшитый бисером.

Когда я вернулась в дом Лизы, то и здесь меня ждали орнаменты: Лиза утром достала их из амбарчика. Два тонких *пынта* похожи на уже виденный нами *пынт* (рис. 189). Сплетен один из бисера: желтый фон, голубой крест и оранжевые квадраты. Второй сплетен из нарезанной изоляции от провода: белый фон, синий крест и зеленые квадраты. Но особый интерес вызвал *пынт*, сплетенный самой Лизой. Интересна история этого изделия: мама Лизы сплела ей *пынт*, но из-за нехватки бисера узор сделала из двух цветов: белого и голубого. Лизе это очень не понравилось: «Узор из разных цветов. Что это за *пынт*? Как я его пришью к саху? Ведь стыдно будет надеть такой сах. Срам, а не *пынт*» – говорит она. Руководствуясь такими соображениями, Лиза распустила *пынт* и сама сплела заново, делая узор весь поочередно то голубым, то синим. А до этого Лиза не плела бисером, да и сейчас этим не увлечена. Узор, по ее мнению, напоминает русскую букву «х» (рис. 202). Но *пынт* у Лизы получился очень пестрый, и очень трудно определить, где фон, а где узор. Лизе свой *пынт* нравится

Бабушка Лизы показала мне игольник – *намёт*. Я, конечно, зарисовала его (рис. 203). Украшен мозаикой по ткани, расшит бисером. Интересная деталь: в центре *намёта* пришит круг из металлической фольги. Такие блестящие кружочки продают в целлофановой упаковке в магазине. Ими расшивают костюмы, платья. Но на хантыйской одежде украшений из таких кружочков мы за все время экспедиции не встречали.

В этот день на рыбалку уезжал сын бабушки Героиды. Бабушка дала ему в дорогу берестяной кузовок. А пока сын собирался, я перерисовала узор в тетрадь. Он (узор) очень строгий, мотивы одинаковы, без всяких отклонений, и поэтому его удобно было «укладывать в клетку». Вскоре мы пое-

хали смотреть стойбища оленей, а бабушка Героида заметила наш интерес к узорам и на бересте, и когда мы вернулись, она вынесла еще один берестяной кузовок. Он был украшен красивым орнаментом, но интересно отметить, что орнамент был нанесен на бересту акварельными красками, а между мотивами появилась волнообразная полоса, по обе стороны от которой были поставлены точки. Орнамент вверху и внизу окаймляли фигурки, выполненные резьбой по коре черемухи. Они расположились в ряд и тоже составляли орнамент.

Утром третьего дня Лизина бабушка на минуту оказалась свободной, и мы с Надеждой Васильевной сразу же решили использовать это время для выяснения названий орнамента. Бабушка дала названия не всем орнаментам, но все же мы получили интересную информацию. Названия записаны в альбоме, но на некоторых из них необходимо остановиться особо. Узор (рис. 187) снят девочкой из журнала «Крестьянка», но бабушка, не задумываясь ни на минуту, дала ему название. Одному узору бабушка дала название «*пирна*» – крест. А когда мы сказали, что не видим здесь никакого креста, то бабушка показала нам на зеленый фон, действительно имеющий форму креста. Видимо, фон она имела в виду, давая названия и в некоторых других случаях. Узор (рис. 204) она назвала *сорт пенк* ‘щучьи зубы’. Относительно двух узоров (рис. 191; 205) бабушка уверенно сказала: «*чесур пэль*» – заячий уши. А когда мы заметили, что узор намного сложнее названного, то она отсекла пальцем остальную часть рисунка, оставив лишь действительно «заячий уши» и настойчиво повторила «*чесур пэль*».

Сразу же после беседы бабушка пошла к амбарчику и достала удивительную по красоте берестяную коробку (рис. 206). Особую прелесть коробочке придавал ажурный орнамент, опоясывающий ее. Орнамент был нанесен растительной краской. Необычными нам показались черные пятныш-

ки, подчеркивающие узор. В верхней части коробки красовались три оленя, нарисованные тоже растительной краской; повернув коробку, мы обнаружили еще одного оленя. В этой коробке бабушка хранит игрушки, которыми играли ее дети, а также тетрадь, в которую они наклеивали картинки и в которой рисовали цветными карандашами.

У Кати в этот день мы заметили *намёт* (Катя что-то мастерила с помощью иглы) и перерисовали его (рис. 207). Сам *намёт* выполнен из ткани техникой мозаики, а вот крест нашит на ткань в центре, то есть, это уже аппликация из ткани. Катя сшила этот игольник сама.

Мы подумали, нарисовав данный *намёт*, что работа окончена, но ошиблись: бабушка Героида «раскрыла еще не все сундуки». Напоследок она показал свой очень нарядный и строгий сах. Он был сшит из темно-коричневого вельвета. Цвета бисера и нарезанной изоляции от провода были подобраны строгие и четкие. Интересно, что узенькая полоса сплетена из бисера, широкая – выполнена нашиванием. Широкий орнамент бабушки названа «*коронэт*» – олени рога, а узкий (черную полосу) – «*соп пэнк*» – щучьи зубы. Эти самые «щучьи зубы» мы никак не могли изобразить на бумаге. Мне мерещились какие-то синие и черные звездочки, а Надежде Васильевне – Т-образные фигуры. На бумаге же не получалось ровным счетом ничего. К нам подошла бабушка, мы сказали: «Хитрый», – и показали на узор. Тогда бабушка пальцем показала нам ломаную черную линию, и мы поняли, что именно это – рисунок, а все остальное – фон. Когда рисунок узора был готов, мы показали его бабушке, та одобрительно кивнула головой и протянула: «Угу».

Когда мы отъехали от юрт, начал накрапывать дождик, и я подумала: «Какая удачна поездка и в смысле материала, и в смысле впечатлений, и в смысле погоды».

(Записано в юртах Усановых. 1978–2. Л. 6–14).

1 сентября. Еще в начале экспедиции мы побывали у Усановой Насти. (Настя молодая женщина, ей 26 лет). Она сказала, что умеет плести бисером и «знает имена» узоров. Сегодня я побывала у нее, прихватив с собою два уже оформленных альбома. Настя с интересом рассматривала рисунки, спрашивая объяснения, если ей что-либо не понятно. Но «имена» узоров она знала лишь в первом альбоме (рис. 188; 194). В узоре (рис. 189) название *ам лёдоль* – собачья лапа – Настя распространяет не на фон, а на крестики. Узор (рис. 190) *ай корон* – рога. Узоры (рис. 192; 193) *комэлки* – жук. Разглядывая остальные узоры, Настя говорила, что знает их имена.

(Записано в пос. Юбилейный. 1978–I. Л. 14).

8. ТЕРМИНЫ РОДСТВА

Мать – аңки.

Младший брат матери (старше меня) – җәки. Жена младшего брата матери – җәкопи. Сын младшего брата матери (старше меня) – ай җәки. Дочь младшего брата матери (старше меня) – айинки (?).

Младший брат матери (моложе меня) – җәки. Жена младшего брата (моложе меня) – җәки. Сын младшего брата матери (моложе меня) – җәки. Дочь младшего брата матери (моложе меня) – җәки.

Младшая сестра матери (старше меня) – айиңки. Муж младшей сестры матери (старше меня) – йиңлыш.

Старшая сестра матери – ими. Муж старшей сестры матери – ики. Сын старшей сестры матери (старше меня) – ёспәг. Дочь старшей сестры матери (старше меня) – ёсәғви.

Мать матери – аңки аңки. Младшая сестра матери матери – ай аңки аңки. Брат матери матери – ики.

Отец матери – ҹечи. Сестра отца матери – ҹечопи. Брат отца матери – ики.

Отец (зват. форма) – ачи, ачем.

Младший брат отца (старше меня) – ҹейи. Жена младшего брата отца (старше меня) – ҹанкәм. Сын младшего брата отца (старше меня) – мони. Дочь младшего брата отца (старше меня) – ниңи.

Младшая сестра отца (старше меня) – опи. Муж младшей сестры отца (старше меня) – киды. Сын младшей сестры отца (старше меня) – дес(в). Дочь младшей сестры отца (старше меня) – очиды.

Старшая сестра отца – чечоли. Муж старшей сестры отца – чечоли ики. Сын старшей сестры отца (старше меня) – дес(в). Дочь старшей сестры отца (старше меня) – очилды.

Старший брат отца – ики. Жена старшего брата отца – ими. Сын старшего брата отца (старше меня) – йейи. Дочь старшего брата отца (старше меня) – опи.

Отец отца – чечечи. Младший брат отца отца – ики. Сестра отца отца – ими.

Мать отца – аңки чечи. Сестра матери отца – ими (старшая), айиңки (младшая). Брат матери отца – ики (старший), җәки (младший).

Старший брат – йейи. Жена старшего брата – ёниқы. Сын старшего брата (старше меня) – йейи. Сын старшего брата (моложе меня) – мони. Дочь старшего брата (старше меня) – опи. Дочь старшего брата (моложе меня) – ниңы.

Младший брат – мони. Жена младшего брата – мән. Сын младшего брата – колоғ. Дочь младшего брата – колоғ.

Старшая сестра – опи. Муж старшей сестры – килт’и. Сын старшей сестры (старше меня) – дес(в). Сын старшей сестры (моложе меня) – дес(в). Дочь старшей сестры (старше меня) – очилды. Дочь старшей сестры (моложе меня) – очилды.

Младшая сестра – ниңы. Муж младшей сестры – килт’и. Сын младшей сестры – колоғ. Дочь младшей сестры – колоғ.

Сын – пәг. Жена сына – мәң. Отец жены сына – кәнәм ики. Мать жены сына – кәнәм ими.

Жена – ими. Отец жены – упәм. Мать жены – онпәм.

Старшая сестра жены – кидем. Муж старшей сестры жены – кидем. Сын старшей сестры жены – десвәм. Дочь старшей сестры жены – ултем.

Младшая сестра жены – килт’и. Муж младшей сестры жены – килт’и. Сын младшей сестры жены – десвәм. Дочь младшей сестры жены – ултем.

Старший брат жены – воуэм. Жена старшего брата жены – онпэм. Сын старшего брата жены – упэм. Дочь старшего брата жены – кидил.

Младший брат жены – воуэм. Жена младшего брата жены – онпэм. Сын младшего брата жены – упэм. Дочь младшего брата жены – кидил.

Муж – икем. Мать мужа – онпэм. Отец мужа – упэм.

Старшая сестра мужа – онпэм ими. Муж старшей сестры мужа – упэм ики. Сын старшей сестры мужа – ледвэм. Дочь ст. сестры мужа – ултем.

Младшая сестра мужа – ултем. Муж младшей сестры мужа – воуэм. Сын младшей сестры мужа – колодлэм.

Старший брат мужа – оплэм. Жена старшего брата мужа – онпэм. Сын старшего брата мужа – олтим. Дочь старшего брата мужа – ледвэм.

Младший брат мужа – ледвэм. Жена младшего брата мужа – меням. Сын младшего брата мужа – колодлэм. Дочь младшего брата мужа – колодлэм.

Мачеха (назывная и звательная формы) – айинкем.

Отчим (назывная и звательная формы) – иглынэм.

Падчерица (для отца и для матери, назыв. и зват. формы) – аг(в)улнэм.

Пасынок (для отца и для матери, назыв. и зват. формы) – пацлынэм.

Родной – рагэм. Родня – рагэм ёгодэм. Сводный брат, сводная сестра – так же, как родные. Родня по мужу – ики-рэгэм ко. Родня по жене – имирэгэм ко. Близкая родня – ванмыг рэгэм ко. Дальняя родня – ильчекпытэм рэгэм ко (сродный). Сродный – илпоуңелрэгэм ко.

Родители – аңкииңлэм атииңлэм.

Дитя, ребенок – ай неврям

Женщина – ими. Мужчина – ики.

Старик – пэрэс ики. Старуха – пэрэс ими.

Девочка, девушка – *е̄ви*. Мальчик, юноша – *пэг*.

Холостой – *имиљыцко*. Холостая – *икиљыцне*.

Женатый – *имивыемко*. Жениться – *имивыемко* (?).

Выходить замуж – *икиютамён*. **Невеста** – *икистамнтайс*.

Вдова – *икиљыцне*. Вдовец – *имиљыцко*.

Сват – *урко*

(Пос. Рускинские. Разные информанты 1975-1. Приложение на отдельных листах).

9. ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

Верования. Л.И. Сопочина упомянула, что у пос. Юбилейный есть высокое место, называется Эвут-ики. Там на бугре много всего было наложено (т.е. пожертвовано). Подробностей выяснить не удалось.

(Пос. Русскинские. 1975–1. Л. 13).

Все звери и люди на земле появились от Торума. Медведь сначала жил на небе, но он вредный, его Торум сюда прогнал, на землю. Здесь он тоже вредный, нынче летом у меня оленя-быка убил и бросил. На медведя охотятся, в берлоге его убивают. Дырочку сделают, палкой туда.

(Пос. Кочевые, Г. Комтин. 1975–3. Л. 20–21).

На мои расспросы об амбарчике Эвут ики, о котором нам говорили в 1974 г. на р. Юган, мальчики сообщили, что он находится в старом пос. Тромъёган. Там есть барабан (бу-бен – Н.Л.) и сабля.

(Пос. Юбилейный, Кечимов Д., Кечимов В. 1978–1. Л. 6).

Амбарчик Эвут ики находится в старом пос. Тромъёган, на Шаманском мысу. Лиза Покачева, жена Д.И. Усанова, шепнула мне, что она как раз оттуда. Эвут ики мог пройти через любую преграду, превращаться в разных животных и насекомых. Даже когда поставили запор из планок в плотную друг к другу, он прошел и через него. Дочь Эвут ики увезли к себе угутские, это Эвут ими. На противоположной стороне реки, напротив Эвут ики живет Кули ко.

(Юрты Усановы, Усанов Д.И. 1978–1. Л. 54).

Погребальный обряд. Рядом с пос. Кочевым, где раньше жили ханты, имеется кладбище. Оно расположено к востоку от поселка в бору, прилегающем к урье. Строгая ориентировка могил отсутствует, они иногда расположены под прямым углом друг к другу. У рядом стоящих могил палка или крест могут стоять в противоположных концах. На кладбище оставлено несколько оленевых нарт в разном положении: на полозьях, на боку, вверх полозьями. У некоторых могил видны костяки оленей, забитых на поминках.

Могила № 1. Боковые стенки надмогильного домика из одной доски; у торцевых стен нижняя доска прямоугольная, верхняя – треугольная. Крыша двускатная из двух досок, конек прикрыт двумя узкими досками, сбитыми под углом. Небольшое окошечко 3x3 см расположено под крышей в боковой стене. Постройка сбита гвоздями.

Могила № 2. Надмогильный домик в виде сруба, два венца из тонких бревен, расколотых пополам. Крыша – коньковая жердь, на ней берестяное полотнище, придавленное расколотыми надвое бревнами. Окошечко 5x5 см в боковой стене под крышей. Длина постройки 250 см, ширина 110. (Рис. 219).

Могила № 3. Каждая стена домика из одной доски, крыша из трех досок, всё сбито гвоздями. Окошечко небольшое в торцовой стене под крышей. У торцовой стены, обращенной к Ю-З (в сторону Тромъёгана) поставлена тонкая прямоугольная в плане палка с тремя зарубками наверху. Рядом валяется небольшой крест грубой работы. Одна из досок крыши сорвана, и виден намогильный холм. У окошечка лежит спичечный коробок и рассыпаны спички. Всю поверхность холма закрывают остатки какой-то одежды из оленевых шкур. Дальше лежат чашка и котелок, перевернутый вверх дном. В конце стоит корневатик с приоткрытой крышкой. (Рис. 220).

На кладбище стоит трёхкопыльная оленья ездовая нарта, под ней остатки оленевой упряжи (рис. 221).

Могила № 4. Домик сбит из досок и покрыт листовым железом, прибитым к постройке гвоздями. В торце стоит березовый кол с неотделённой берестой. Около него кучка мелко нарубленных дров.

Могила № 5. Детская. Стены и крыша из досок, сбитых гвоздями, поверх – kleenka. Небольшой крест грубой работы поставлен в торце.

На одной из сосен подвешен узелок и женское платье, теперь уже истлевшее. Рядом на тонкой сосне повязаны три полосы хлопчатобумажной ткани, одна над другой. Свисающие концы верхней полосы привязаны к стволу полосой, расположенной ниже. К какой могиле относятся даные вещи, определить трудно.

На некоторых могилах, на палках укреплены деревянные птички, грубо обработанные (рис. 222). Это детские могилы, птичек делают, чтобы дети не плакали в том мире.

У одной из могил поставлена боком оленья нарта, дно ее кузова из нескольких палок. Очевидно, грузовая нарта.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 6–9).

10. РАЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Местное население – ханты и русские – называют свою реку Тром-Аган, а по-хантыйски, *Тором йагун*. Очевидно, правильнее называть ее в официальных документах так, как ее зовет местное население, а не Тром-Юган или Тромъеган (так на картах).

(*Пос. Русскинские. 1975–1. Л. 8.*)

Родители Таи Ермаковой – оба с Тромъёгана. Имеют 20 оленей. Она не живет с родителями с тех пор как начала учиться в школе. Иногда ездит в гости к ним в чум. Умеет шить изделия из меха, изготавливать полосы из бисера, но шьет только себе бурки (короткая до колен обувь из камуса, вошедшая в моду у хантов и русских, живущих в поселках). По моей просьбе делает образцы узоров из бисера для музея.

Гая Кечимова закрывает лицо в присутствии мужа дочери ее старшей двоюродной сестры (близкой сродной – сказала Гая).

(*Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 2.*)

Г. Кечимова рассказала не совсем ясно историю о том, как один мужик заснул и у него ушел глаз, подошел к дыре в земле и спустился туда. Хозяин глаза видел об этом сон, а другой мужик видел, что от него уходил глаз.

(*Пос. Кочевые. Т. Ермакова. 1975–3. Л. 9.*)

Сегодня (17 октября) беседовали с Василием Комтиным, живущим в 15 км от поселка. Несколько дней назад он пое-

хал в Рускинские, чтобы сдать 300 шкурок ондатры. Был намерен купить мотор к лодке, но сегодня на вопрос, купил ли мотор? ответил, что сейчас зима и мотор не нужен. Его старенький мотор отказал на полпути, и домой его вез Кечимов.

В эти дни многие семьи переезжают из осенних чумов в зимние избушки.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 10–11).

Вчера (23 октября) прибыл в поселок хант Комтин Григорий необычным способом. У него кончилась мука, попасть в поселок ему нужно из-за реки. Река встала только сутки назад. Он приехал на оленях до берега реки и привез с собой обласок. На обласке, отталкиваясь палками ото льда, он перебрался через реку. Сегодня утром он намерен таким же способом перебраться с мукою назад. Он живет с женой и двумя детьми примерно в 60 км от поселка, на р. Перт'я. У него зимняя избушка. Говорит, что у некоторых есть *мыц'ком* ‘землянка’. Бревенчатое зимнее жилище – *певур ком*. Чувал – *чювал*.

Многие ханты живут не на берегу Тромъёгана, а на болотах у маленьких речек.

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 13–14).

По моим наблюдениям, ханты всегда делают очень мелкий рисунок, когда их просят что-нибудь нарисовать. Вот и сегодня прошу Григория Комтина нарисовать метки оленей и даю образец – ухо оленя. Он рядом с моим рисунком рисует очень маленькие уши с метками, такие же маленькие доски на шею и др. Дымокур он тоже нарисовал крошечным, зато дым занят остальное свободное место (рис. 58–60).

(Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 21).

При встрече некоторые ханты, в том числе и мужчины, целуют друг друга, другие жмут руку. Жена и муж окликают друг друга громким «эй!» Обращаясь к русскому мужчине, говорят: *пырэс ики* (старик). *Пырэс ими* – старуха.

Ребенка забавляют булькающим звуком (как на других реках).

(*Пос. Кочевые. 1975–3. Л. 29*).

Топонимы: *Перт'я* – маленькая река, перевести на русский не могут. *Акун-яхун* – быстрая река. На Пиме тоже есть Акун-яхун, ее тромъёганские называют *Пим-ех-акун-яхун*. *Донтип-яхун* – снежная река. *Саку-яхун*. *Нядинкан-яхун*.

Север – *йил пелэк*. Юг – *мэлэц мыц*. Восток – *кэтлэты пелэк*. Запад – *кэтлэнты пелэк*.

Луна – *тылес*. Месяц (отрезок времени) – *тылес*. Сейчас (октябрь) *поты тылес* – замерзает.

Донт – гусь. *Котон* – лебедь. *Вонтэр* – выдра. *Кучкур* – бурундук.

Рука – *коот'*. Голова – *од(в)*. Лоб – *вяняч*. Нос – *нёл*. Рот – *дул*. Шея – *сапёл*. Палец – *дуй*. Ноготь – *конч*. Нога – *кур*. Глаз – *сем*. Волосы – *опёт'*. Язык – *нялём*. Ухо – *пёл*. Щека – *пудём*. Губа – *дуй пэч*.

Ипритор – ефрейтор. *Пряжска* – бражка. *Йэм сэрки* – мизгиры.

Пешком сидим – (т.е. нет оленей, и зимой не ездим).

В сказках рассказывают, что раньше на лосях ездили.

(*Разные информанты*).

11. СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Ермакова Тая, живет в пос. Кочевые, родители живут в лесу.
2. Кечимов Виктор, 1963 г.р., живет в пос. Юбилейный.
3. Кечимов Дмитрий, 1962 г.р., живет в пос. Юбилейный.
4. Кечимов Иосиф, живет на стойбище, недалеко от пос. Юбилейный.
5. Кечимова Галина, 1950 г.р., живет в пос. Кочевые.
6. Кечимова Наталья, 1959 г.р., живет в пос. Юбилейный.
7. Кечимова Римма, 1938 г.р., живет в пос. Юбилейный.
8. Кечимова Светлана, 1958 г.р. – жена Кечимова И., живет на стойбище, недалеко от пос. Юбилейный.
9. Комтин Василий, 1940 г.р., живет в 15 км от пос. Кочевые.
10. Комтин Григорий, живет в 60 км от пос. Кочевые, на р. Перг'я.
11. Комтин Никита Григорьевич, 1910 г.р., живет в лесу у пос. Кочевые.
12. Покачева Елизавета, жена Усанова Д.И., живет в юртах Усановых.
13. Сенгепова Любовь, 1963 г.р., живет в пос. Юбилейный.
14. Сопочина Лидия Ивановна, живет в пос. Русскинские.
15. Усанов Дмитрий Иванович, 1938 г.р., живет в юртах Усановых.
16. Усанов Филипп Егорович, живет в юртах Усановых.
17. Усанова Анастасия, 1952 г.р., живет в пос. Юбилейный.
18. Усанова Героида, живет в юртах Усановых.
19. Усанова Екатерина – жена сына Усановой Г., живет в юртах Усановых.
20. Усанова Нина – дочь Усановой Г., живет в юртах Усановых.

ЧАСТЬ 3. ЛЯМИН

1. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ИСТОРИЯ

В поселке Сытомино основное население – русские. Судя по похозяйственным книгам, здесь проживает около 100 хантов, переселившихся с р. Лямин, главным образом, из пос. Горшково. Этот поселок теперь заброшен, но еще в 1973 г. там жили ханты. Несколько семей охотников-хантов живет в лесу (так обозначено в похозяйственных книгах), у них имеются олени, до 20 голов на хозяйство.

Живущие в Сытомино ханты называют себя «горшковскими», а не «ляминскими»; последнее слово ассоциируется у них не с рекой Лямин, а с пос. Ляmino, где хантов сейчас нет. Все они считают себя выходцами с р. Казым и относят себя к березовским хантам. Они утверждают, что после переселения на р. Лямин их язык немного изменился и теперь отличается от казымского. С березовскими они могут говорить, но с некоторыми затруднениями. Проживающая здесь временно хантыйка с р. Вах Н.Н. Камина не может разговаривать с местными хантами.

В поселке проживает несколько семей ненцев с фамилиями Вело, Ничу, Айваседа.

(Пос. Сытомино. 1977–I. Л. 4–6).

Хорова Мария Петровна приехала на р. Лямин с Казыма 50 лет назад, когда вышла замуж. Здесь же, в пос. Сытомино живет ее младшая сестра. Они считают себя казымскими по языку и культуре. Тогда многие семьи переехали на р. Лямин с Казыма. На Лямине в то время жили таежные ненцы, их сейчас несколько семей в поселке. Таежных ненцев ханты

называют *юрэн*, а тундровых ненцев *увус*, т.е. северные. Теперь ненцев на Лямине не стало. Манси – *сакут*. Зыряне – *сэрён*.

(Пос. Сытомино, М.П. Хорова. 1977–I. Л. 8).

Присутствующий при разговоре Николай Хоров, 20-ти лет, сын Марии Петровны, считает, что казымские ханты – самые главные. У них хранилась главная богиня *Казым ими*, а пимские, тромъёганские, аганские ханты ездили ей поклоняться. *Казым ими* была такая тяжелая, что ее поднимали 7 человек, на двух самолетах ее куда-то увезли, теперь никто не знает, где она. Теперь казымские ханты – самые культурные во всем Ханты-Мансийском национальном округе. На медвежьем празднике у них были специальные халаты, вышитые рукавицы и шапки с бахромой. Они не ели утку-крякву, поклонялись кошке и змее.

(Пос. Сытомино, Н. Хоров. 1977–I. Л. 9).

Матвеева Евдокия Васильевна родилась в пос. Горшково на р. Лямин (сестра Е.В. Вандымова – председателя сельсовета в пос. Пим).

Мой отец приехал с Казыма и мать тоже казымская. В Горшково жили и ненцы, их называли ляминские ненцы. В последнее время ненцы в Горшково стали одеваться похантыйски.

(Пос. Сытомино, Е.В. Матвеева. 1977–I. Л. 13).

Мария Петровна рассказывает, как они переселились на р. Лямин с Казымом. Верховья Лямина близко подходит к Казыму. Казымские ханты знали, что в верховьях Лямина хорошие озера, много корма для оленей, много белки. Они переселились в эти места, но считали это переселение временным. Когда началась война в 1941 г., казымцев объедини-

нили с другими и сделали один колхоз, поселили их на месте Горшково. Ханты сами строили дома, бревна возили из леса на оленях, лошадей не было. Готовили лес и строили дома только с помощью топоров. У хантов тогда было по 40 оленей.

Когда ханты жили еще на Казыме, многие уезжали на летние рыбалки ниже Салехарда. Плыли на дощатых лодках, а обратно тянули их бечевой. Больших осетров ловили в длинные морды.

(Пос. Сытомино, Хоровы: Мария Петровна, Николай, Вера. 1977–I. Л. 16–17).

Родители Волгиной Марфы Григорьевны и родители ее мужа – казымские ханты. Жили в Кышике, потом год жили в Горшково, а пять лет назад переехали в Сытомино. Ее муж – двоюродный брат Марии Петровны Хоровой. В Кышике живут ханты с Большого Вара, с Назыма, с Казыма.

(Пос. Сытомино, М.Г. Волгина. 1977–I. Л. 28).

Ханты, приехавшие в Сытомино с озера Нум-то, говорят, что они березовские, из *Сумат вои*.

Ляминские ханты называют тромъёганских *сёрхант*.

(Разные информанты)

2. ЗАНЯТИЯ

2.1. Охота

Лоси на Ляме появились в 40-х годах, раньше не было охоты на них. Тогда же появилась и ондатра. С появлением лосей головки обуви *nir* стали шить из лосиных камусов.

На охоту ходили на лыжах. Лыжи подшитые *нимэл*.

Голицы *лох* (рис. 224). Из сосны, без прогиба. Длина 187 см; ширина, равная во всех точках – 16 см. Носок заострен слабо, задник закруглен. Подшиты шкурой жеребенка. На скользящей поверхности хозяин прибил во всю ширину фанерную дощечку, чтобы лыжи не сломались. Обычно лыжи под ступней делали толще. Раньше были лыжи «с каблуком» *по́дом*, возвышающимся на два пальца. С каблуком были только охотничьи лыжи, на них могли ходить и женщины. На лыжах с каблуком ремень для носка пропускали сквозь каблук, был ремень и для пятки. Сейчас на лыжах делают защитный мешок *нимэл хур*. Крепление *ваткел* трехпетельное. В старину были и лыжи с «фигурным» задником. Задник – *нимэл тюшип*, носок – *нимэл нёл*.

(Пос. Сытомино. 1977–I. Л. 27).

2.2. Оленеводство. Собаководство

У семьи Е.П. Вандымовой есть несколько оленей. Летом они находятся в стаде ненцев-рыбаков, живущих в лесу.

Оленей подкармливали только зимой. Ближе к весне этого не делали. Кормили сухой рыбой, кусочками хлеба из специальных мешочеков, сшитых из оленевой шкуры. Подзывали оленей звуками: *та-та-та* и *т-т-т*. Для хорошо прирученных оленей варили уху, рыбу, вынимали, удаляли кости, мясо измельчали и опускали в уху. Уху разливали на снег на краю селения.

На руку оленям надевали *ёши юх* – палку с развиликой. Эти колодки были разных размеров, в зависимости от того, какому оленю они предназначались: быку, воженке, теленку или пешке. На штырях, замыкающих колодки, вырезали знаки, например: I, II, III, IX. Хозяин помнил, что колодка со знаком I предназначена, например, для воженок, на других оленей их не надевали. Штыри забивали в колодку палочкой с отходящим в сторону заостренным сучком – *ёши юх*, *сянты юх*. Рукоять сужалась к концу. Описанные выше знаки ставили всегда на одной стороне штырька и по ним ориентировались, забивается или выбивается штырь. Штырь сужался к одному концу.

Колодки надевали воженкам перед отелом, когда они стремятся уйти подальше, чтобы спрятать теленка. Надевали и зимой; когда приедешь в гости и, чтобы олени не ушли далеко, наденешь колодки. На шею оленям подвешивали на веревке крестовину – *пярна*, чтобы она болталась между ногами и не давала далеко уйти. Крестовина мешает оленям кориться, некоторые могли сдвинуть ее в сторону, тогда она и мешает есть. Доски не привязывали. Надевали на шею развилики

На шее у оленей были ошейники из черемухового прута. На них наносили метки, по которым хозяин узнавал своих оленей. (Как выглядели метки, выяснить не удалось).

Летом мало прирученных оленей привязывали к кольям *нивищта* выли *йирты анкал щоп* – «необученного оленя

привязывать пень». Колья высотой 40–50 см расширялись кверху, и веревочная петля с них не могла сняться, только вращалась. Олень пасся, привязанный к колу. Зимой в поселке, например, в Горшково, было несколько высоких кольев *вылий иирта анкал* – «оленя привязать пень», без украшений. К ним привязывали оленей, запряженных в нарты.

Пойманного оленя вели к нарте и привязывали либо крепко к нарте, либо к дереву. Хорошо прирученных оленей можно вести по несколько голов на одном аркане.

Собаки помогали загонять оленей. Использовались и охотничьи собаки, и специальные оленегонные, последние были очень хорошими помощниками. Такую собаку называли только по кличке и даже не всегда показывали рукой, куда бежать, они и так знали. Собаки только подгоняли оленей лаем, но не кусали их.

Метки оленям наносили только на уши. Сейчас в рыбкоопе выстригают также на шерсти.

Кастрировали оленей мужчины, перерезали ножом жилки, весной. Отпугивают оленей взмахами рук и звуком *ишиши*. У пастухов разные звуки и команды, мне их не произнести.

Аркан *тынчах* плетут из пяти ремней: один в середине, его оплетают четырьмя. Плетется в круговую назад. (Образец плетения сдан в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ).

Арканы плетут мужчины, а кисточки для украшения упряжи – женщины. Кисточки – *русы* плетутся такой же техникой, как арканы. После изготовления аркана его привязывают к дереву и вытягивают, чтобы он стал длиннее. О приборах для выравнивания аркана Дуся не слышала, но знает, что ремни из лосиных шкур, идущие на изготовление упряжи, протягивали через лосинный рог.

Летом оленям устраивали дымокуры *выли пёсан*. Их делали слева и справа перед входом в олений дом *выли хот*

или по четырем углам на таком расстоянии, чтобы дом не загорелся. Клали гнилушки, сырое дерево, сверху мох. Дымокур огораживали изгородью из горизонтально расположенных жердей в несколько рядов, чтобы в дымокур не проникли телята. Изгородь высотой до двух метров. *Выли кот* имел две стены из горизонтально расположенных бревен, а две из вертикально поставленных, расколотых надвое бревен. Крыша плоская, закидана ветками.

Мох для дымокуров заготавливали орудием *тук выты юх* (мох брать дерево). Это сук с частью дерева в виде мотыги, длина рабочей части 10–15 см. Твердый мох вначале вырубали топором, а затем этим орудием. Мох переносили за спиной, привязав веревками через плечи. Так же носили дрова.

(Пос. Сытомино, Е.В. Матвеева. 1977–I. Л. 20–24).

Горшковские ханты сохраняли умерших собак для подкормки песцам. Старую собаку могли повесить и затем хранить для подкормки. Если собака погибала летом, ее уносили в лес, клали на землю и закидывали ветками.

Кати – кошка.

(Пос. Сытомино, Матвеева Е.В. 1977–I. Л. 30–31).

Беседа с ненцами. Они считают себя смешанными с хантами и первоначально на вопрос о ненецком оленеводстве сообщили, что у них «все так же, как у хантов». Далее на вопросы ответили так.

На руку оленям надевают колодки с развиликами – *тыпя*. Штырь в колодку забивают любой палкой, молотком или обухом топора. Специальных молотков для забивания штырей не знают.

На шею оленям подвешивают рогульки *талканя* и доски. Оленей подманивают звуком *т-т-т* и протягивают руку с хлебом. Подкармливают только из рук, сумки, как у хан-

тов, не используются. Подзывают оленей и по кличкам. *Авка* – хорошо прирученный олень, охотно подходит к человеку, таких оленей ловят за шею руками и ведут к нарте. Спокойных оленей можно поймать арканом и вести по несколько штук на одном аркане. Отгоняют оленей звуком *хэть!* или *эхэй!* Когда олени бегут следом за нартой, их поощряют следовать за человеком звуком *х-о-ок!* *х-о-ок!*

Оленей помогает загонять собака *тывыйка*. Не знают, держат ли специальных собак, или это охотничьи. В некоторых семьях, где мало оленей, собаки вообще не используются в их загоне. В корале *тыцват* держат весной, летом и осенью. Кораль расположен у жилища. Для оленей строят из бревен дома *тымят*, с плоской крышей и без передней стены. По обеим сторонам перед входом в олений дом устраивают дымокуры *тытуват*. Их огораживают, как огород, горизонтальными рядами жердей. Олений дом стоит в корале, утром олени заходят в него и отдыхают. Мух для дымокуров заготавливают с помощью орудия *йомпуот* – соснового или берескового сучка с небольшой лопаточкой, вырезанной из ствола дерева у сучка.

(Пос. Сытомино, местные ненцы. 1977–I. Л. 31–32).

2.3. Орудия труда и домашнее производство

При изготовлении орнаментированных полос из оленых камусов накладывают светлый камус на темный (или наоборот), на верхнем нарисован узор. Сейчас рисуют шариковой ручкой. Полосы шшиваются нитками, затем ножом вырезают узор сразу на двух полосах. На верхней полосе кожа прорезается целиком, а на нижней получаются только надрезы. Режут ножом на любой доске, возможно – это отклонение от традиций, так как в поселке пришлось отказаться от многих традиций.

Мастерицы хранят готовые орнаментированные полосы для будущей обуви.

(*Пос. Сытомино, Т. Тарлина. 1977–I. Л. 6.*).

Старик в доме М.П. Хоровой обрабатывает шкуры. Поскольку он слепой, ему сделали специальное приспособление. Кусок косы привязали к кровати с помощью распорок. Коса расположена перпендикулярно полу и параллельно ножке кровати.

Подобным образом устроен и скобель в сенях дома Е.П. Вандымовой, но он прикреплен к стене. Этот скобель применяется для размягчения шкур и камусов, а мездру удаляют однолезвийным двуручным скобелем *нулстом*. (Присутствующая при разговоре хантыйка с р. Вах Н. Камина говорит, что у них скобель для удаления мездры называют так же).

При удалении мездры шкуру помещают на доску, поставленную наклонно. Доска называется *нулста соот*.

Сухожильные нитки хранят на косточке из крыла глухаря – *панасоц*, захлестывая нить петлей на середине

Изготовление сухожильных нитей. Высшенное сухожилие разрывают пальцами и зубами на тонкие пучки. Один пучок волокон держат во рту, а свободный конец скручивает кончиками большого и указательного пальцев, движением к себе; скрученный конец проходит между указательным и средним пальцами. Таким же образом прикручивает одну нитку к другой, удлиняя ее. Нитку нужной длины вешает на ухо и берется за другую. Затем две нитки берет за середину губами, тонкий конец держит на ладони правой руки, а левой скручивает движением к себе. Присутствующая при этом Н. Камина (с р. Вах) отмечает с удивлением два момента, отличающие местных хантов от ваховских: готовую нитку вешает на ухо и ссучивает нити в одну не на бедре, а на ладони.

Сухожильные нити старушка готовит, видимо, только для себя, так как бурки и орнаментированные полосы к ним, изготовленные на продажу, сшиты капроновой леской.

Йонгэстэ -луй – наперсток.

(Пос. Сытомино. 1977–1. Л. 9–10).

Ханты хорошо разбирались в свойствах разных сортов железа: одно железо порежет – рана сразу заживет, от другого рана гноится. Стрелы из одного сорта железа сразу убивают зверя, даже выдру (ее трудно убить, даже собаки не могут с ней справиться), а другого всего изранишь, и все не погибает. Наконечники стрел самострела старались делать из старых шомпольных ружей, от него зверь сразу погибает. Также и на лезвия скобелей для обработки шкур выбирали подходящее железо, чтобы мездра к нему не прилипала.

(Пос. Сытомино, Хоровы: Николай, Вера, Мария Петровна. 1977–1. Л. 18).

Скобели были однолезвийными и двулезвийными. Лучше были двулезвийные: одно лезвие, менее загнутое, использовалось для более грубой работы (первичного удаления мездры с мокрой шкуры); вторым, менее загнутым, выполняли более тонкую работу. У Марии Петровны есть такой двулезвийный скобель, но она им сейчас не пользуется, а работает однолезвийным, хотя по ее же признанию, он хуже. У станичного двулезвийного скобеля деревянная пластинка,держивающая лезвие на рукояти, приклеена осетровым клеем. У однолезвийного скобеля пластинка прибита гвоздями.

(Пос. Сытомино, М.П. Хорова. 1977–1. Л. 18).

Хантыйские женщины, чтобы не терять попусту время в пути, мяли в руках шкурки. И сейчас в Сытомино старухи по пути в гости минут шкурку. В детстве, – вспоминает

Дуся, — идешь из туалета, а мать крикнет: «Что зря идешь, дров прихвати». Туалеты были в определенных местах, огорожены сосенками.

(Пос. Сытомино, Е.В. Матвеева. 1977–I. Л. 24).

3. УТВАРЬ

У зырян казымские ханты выменивали *тайас* – овальные коробки из берескового дерева, с крышкой (рис. 226). На такой коробке можно сидеть, в ней хранятся швейные принадлежности. Раньше коробки окрашивали в коричневый цвет и рисовали на них узоры. Одна такая коробка есть у бабушки, она стоит в квартире, окрашена масляной краской в зеленый цвет. Теперь она некрасивая, – считают ханты. Коробка сделана без одного гвоздя, стенки соединены с помощью деревянных шкантов. На внутренней поверхности и стенок, и крышки сделано по 41 нарезу, чтобы можно было согнуть полосу бересты.

(Пос. Сытомино, М.П. Хорова. 1977–I. Л. 8).

У женщин были большие сумки *юран хур*, стягивающиеся вверху. В них хранили камусы, заготовки для одежды и обуви и др. Широкие стороны сумки были из оленьей шкуры, здесь вшивали (техникой мозаики) изображение журавля, также из шкуры. Узкие стороны и верхний край сумки были из ровдуги, на боках рисовали тоже журавля или другие узоры. Рисовали отваром коры черемухи.

Люльки были берестяные, со спинкой. На спинке выскабливали изображение глухаря и другие узоры, например, косой крест, на стенках люльки тоже были узоры. По краю стенок люльки или берестяных коробок пришивали полосу расщепленного черемухового прута, на нем вырезали узоры ножом.

Крепилка для сухожильных ниток из косточки глухариного крыла, на ней сплетены в косу три пучка нитей.

(Пос. Сытомино, Е.В. Матвеева. 1977–I. Л. 14).

У бабушки был игольник *йинтуп хот* (иголок дом) из лебяжьей косточки – полой с обеих сторон. Иглы в таком игольнике хранили в черной муке, чтобы не ржавели. Сейчас некоторые хранят иглы в пузырьках из-под лекарств. Другие игольники – из сукна, они называются *намат*, такой есть у Е.П. Вандымовой. У женщин были небольшие сумочки *йонас хыр*, сшитые из ровдуги. По кромке накладывали 2–3 ряда подшейного волоса и пришивали сухожильными нитками (Дуся говорит: жилками). Такая сумочка была у матери Дуси.

(Пос. Сытомино, Е.В. Матвеева. 1977–I. Л. 20).

Игольник *намат*. Сшит Е.В. Матвеевой Из зеленого сукна, в центре крест – аппликация из серой ткани, по нему золотистый стеклярус. Линии по кромке – желтые, по полю – красные и зеленые, выполнены парами бисеринок. По углам красные пуговицы. Окаймление мехом выдры. Мешочек для наперстка также из зеленого сукна, сплошь зашит бисерными крестами. Эта манера украшения бисером придумана Дусей, она исполняет ее и на бурках. К другому краю игольника пришита полоска, сплетенная из бисера. К ее концу пришивают поперек косточку,держивающую наперсток. С внутренней стороны к одной из кромок прикрепляют крепилку для сухожильных ниток.

(Пос. Сытомино, Е.В. Матвеева. 1977–I. Л. 26).

Детская дневная люлька, в ней выросли трое старших детей Волгиной Марфы Григорьевны, а недавно родившийся сын спит в деревянной кроватке русского образца.

На чердаке хранится берестяная люлька, изготовленная в 1962 г. матерью Марфы Григорьевны (рис. 227). Черемуховые прутья и рисунки на них сделаны самой М.Г., а узоры выскоублены теткой М.Г. – хантыйкой с р. Назым.

Дно, стенки и спинка люльки из бересты. По краям стенок и спинки проходят черемуховые прутья, расщепленные надвое, они пришиты через верх сухожильными нитками. Стенки разделены отрезками черемухового прута на зоны, в каждой зоне свой рисунок. Прутья пришиты сухожильными нитками, шов виден на внутренней стороне стенок и спинки. Рисунки на левой и правой стенках повторяются, впереди другой рисунок. Спинка также разделена на зоны с перекрещивающимися и параллельными прутьями черемухи, в нескольких зонах выскооблены различающиеся рисунки. На черемуховых прутьях узор вырезан ножом. Ремни для ременной шнурówki начинаются на уровне середины спинки, у краев. Дужка для накидывания платка прикреплена ременными петлями, где сходятся стенки и спинка, у кромки. К верхнему краю спинки пришита тесемка, ею подвязывали подушечку (раньше – кусок оленьей шкуры) в изголовье ребенка.

Другая люлька, меньше размером и без орнамента. На черемуховом пруте, проходящем снаружи по кромке стенок и спинки, натянутые шелковые коричневые нитки имитируют узор, который на первой люльке вырезан на коре черемухи в виде поперечных и перекрещивающихся линий.

Ночные берестянные люльки имели спинку, но пониже, и тоже были украшены снаружи стенки и спинка.

(Пос. Сытомино, М.Г. Волгина. 1977–1. Л. 28–30).

У местного русского населения встречаются самотканые дорожки с узором – как зарисовано мною на р. Конде в 1975 г. Эта мода появилась недавно.

4. ОДЕЖДА

Женская одежда. Из национальной одежды Татьяна Тарлина имеет платье, подаренное ей хантыйкой с р. Казым, и *sах* собственного изготовления. Платье носит, а *sах* нет. Один украшенный *sах* она отдала на похороны снохи, у которой не оказалось *sаха*, а одеть нужно было в хантыйскую одежду. Другой *sах* положила (или надела? – непонятно) умершему мужу. У некоторых женщин в Сытомино есть национальная одежда.

(Пос. Сытомино, Т. Тарлина. 1977–I. Л. 5).

М.П. Хорова имеет зимнюю меховую шубу, несколько национальных платьев и халатов *sах*, богато украшенных аппликациями из тканей и бисером (рис. 230, 231). Носит их только по праздникам, в остальные дни они хранятся в шифоньере, даже висят на плечиках. В обычные дни ходит в платьях хантыйского покроя, в фартуке, на голове платок, но *sах* не носит. Праздничные платья все однотонные, а будничные из цветных тканей.

Платье спереди и сзади выглядит одинаково, спереди есть нагрудный разрез. Кокетка имеет подкладку из цветной ткани. На этом платье отсутствует, а на других есть внутренний карман для спичек с продольным разрезом левее груди. Карман застегивается на одну пуговицу, пришитую в середине разреза. Платье из желтой хлопчатобумажной ткани, воротник-стойка из зеленой ткани, обшивка нагрудного разреза из синей ткани. Ниже кокетки идут складки, сильно расширяющие платье. Нагрудный разрез застегивается на

четыре пуговицы, обшлага – на две пуговицы. На одном платье в нагрудный разрез вшита молния. Ластовица из ткани основного цвета. Оборка на подоле ниже полосы с аппликациями тоже имеет сборки. На обшлагах, по линии кокетки, вокруг нагрудного разреза и выше оборки на подоле нашито большое количество полосок из тканей разных цветов в сочетании с уголками, зигзагами и другими простыми узорами. На нижней кромке подола нашиты крестообразные фигуры из бисера разных цветов (рис. 232).

(Пос. Сытомино, М.П. Хорова. 1977–I. Л. 7–8).

К самому низу подола платья пришивают полосу ткани с узором, расшитым бисером. Чаще всего это четыре креста, расположенные также крестообразно. Дуся придумала узор, которым сплошь заполняется полоска ткани, а пространство, остающееся между крестами из бисера при традиционной технике, она заполняет такими же по размеру крестами. Эти узоры выполнены ею для бурок. В одном случае полоса, расшитая бисером, расположена по верхнему краю бурок, в другом – вертикально на голенище. На вопрос о вышивке нитками ответила отрицательно.

(Пос. Сытомино, Е.В. Матвеева. 1977–I. Л. 14).

Е.П. Вандымова имеет шубу из оленевых шкур с подкладкой из шкур лебедей (рис. 237). Шесть пар завязок, в плечевой шов вшиты синяя и красная полосы сукна шириной 3 см, свисают по 5 см с плеч. Шуба сшита давно, сейчас используется только при поездках в лес, но и эти поездки очень короткие, чтобы съездить на кормежку оленей. Шуба с подкладкой из лебяжьих шкур считается теплее, чем с подкладкой из шкур оленя, так как они прилипают к телу, а оленя шкура грубая и стоит колом. Внизу подкладка имеет широкую полосу из оленевых шкур. По ней хорошо стекает вода, а в лебяжьей шкурке влага задерживается.

Женщины в Горшкове носили шубы не подпоясанными или подпоясывали какой-нибудь веревочкой, полоской ткани шириной 5–6 см. Обычай пимских и тромъеганских женщин носить обязательно пояс кажется местным хантам ненужным. Евдокия П. считает, что без пояса теплее ехать на нарте зимой, шубу можно натянуть на ноги, а если она подпоясана, то этого не сделаешь.

Во время дождя можно накрыть вещи оленьей шкурой, но так, чтобы ворс смотрел вниз, по нему стекает вода, внутрь ворса не попадет.

Рисунки на шубах можно делать любые. Не было такого, что одна фамилия или поселок рисует такие узоры, а другие их не могут. Когда из других юрт приезжали люди, смотришь на их узоры, и какой понравится, себе зарисуешь. Мы рисовали карандашами, а чем раньше – не помню. На бересту наносили узоры небольшой палочкой, как делали краску – не знаю.

(Пос. Сытомино, Е.П. Вандыкова. 1977–1. Л. 15–16).

По рассказам старых женщин, раньше шили рубахи и платья из оленьей замши. На рукавах и подоле рисовали узоры краской. Об одежде из рыбьих кож не слышала, из них шили мешки.

На Тромъёгане ханты носят сахи из сукна, а сахи из оленевых шкур они научились делать у казымцев, переехавших на Тромъёган. Там много хантов с Казыма. Ненки носили только платья, сахи переняли у хантов. Платья ненки стали украшать тоже по хантыйской моде.

Нитками ханты ничего не вышивали.

(Пос. Сытомино, Е.В. Матвеева. 1977–1. Л. 19–20).

Сах из красного сатина. Тарлина Татьяна Николаевна получила его в подарок от казымской хантыйки. Сах был ей

слишком длинным, и она укоротила его следующим образом. На линии подмышек сделала поперечную складку на полах и спине, отчего создается впечатление, что сделана кокетка. Под мышками, где имеется по несколько складок, поперечную складку сделать невозможно, поэтому здесь просто отрезала несколько сантиметров. Узкие полоски из цветных хлопчатобумажных тканей на подоле выполнены на этом саhe ненкой. Ненецкие женщины учатся у хантов украшать одежду. Орнаментированные полосы с аппликациями из тканей выполняются отдельно и затем нашиваются на сах. Их можно срезать с одного халата и перешить на другой, как это делают с полосами из бисера у восточных хантов. Халат без шва на плечах.

Местные ханты носили и сахи, крытые сукном с орнаментированными полосами, сплетенными из бисера и нарезанной проволочной изоляции.

(Пос. Сытомино, Т.Н. Тарлина. 1977–I. Л. 25–26).

Мужская одежда. У Е.П. Матвеевой (Вадымовой) есть мужская малица. Малица сшила недавно из множества кусков разнородного меха, и покрой ее установить невозможно. Капюшон из шкуры выдры (такой же капюшон и на новой малице), рукавицы из оленых камусов и ушек. Опушка на подоле должна быть из меха выдры («черная» – сказала Дуся о цвете). К нижнему краю опушки пришивали еще одну полосу, сшитую из кусочков белых камусов. Сочетание белого и черного меха считалось очень красивым. Швы малицы шили с прокладкой узких полосок цветного сукна, в шов между опушкой из выдры и станом вставляли широкие полосы сукна. Красивым считалось сочетание красного и желтого сукна. Поверх малицы носят рубаху-чехол из ткани без капюшона. Осенью носили рубаху-чехол из сукна, с капюшоном.

(Пос. Сытомино, Е.П. Матвеева. 1977–I. Л. 27–28).

Разные виды одежды. Здесь распространено изготовление «бурок» – обуви длиной до колен (рис. 240–242). По хантыйски ее называют *вей щоп*. В ней ходят живущие в поселке ханты – женщины и дети, а также местные русские. Ханты-ки занимаются изготовлением обуви на продажу. В лесу ханты такую обувь не используют – «колени замерзнут». Наружную часть обуви комбинируют из камусов коров, жеребят, с включением полос из оленевых камусов с узорами в технике мозаики. Обычное сочетание – белый и коричневый или белый и черный мех. Узоры, как правило, имеют названия, на одной обуви могут быть три разных узора. Внутрь надевают чулок из овечьей шерсти. Подошву делают из щеток с ног оленя, ворсом вперед. Татьяна объясняет, что ненцы шьют подошву зимней обуви из шкур со лба оленя и направляют ворс назад, а ханты из таких же лбов, но ворсом вперед.

(Пос. Сытомино, Т. Тарлина. 1977–I. Л. 5–6).

На мужской длинной обуви *вей* ниже колена вшивают 3–4 поперечные полоски и украшают их полосками сукна, вырезанными в виде зубчиков (рис. 243). На женской тоже вшивают 3–4 полоски, определенного числа для тех и других нет. Украшали обувь и таким образом (рис. 242). Сейчас шьют бурки из камусов собаки, теленка, коровы, оленя, овцы, все комбинируют. У обуви обычно первой изнашивается подошва, ее заменяют новой. Голенища же долго смотрятся, как новые. Сейчас Е.П. шьет мужские бурки по заказу русских и жалуется, что шить большие размеры ей непривычно и неудобно. Раньше национальную обувь женщины шили очень мелким стежком, а сейчас шьют бурки крупным. «Как будто не я шила» – говорит Е.П.

(Пос. Сытомино, Е.П. Вандымова. 1977–I. Л. 15–16).

На охоту носили обувь *nirp* с головками из оленьих камусов, выше лодыжки, и суконным голенищем. Обувь *vей* носили и носят только во время поездок, если ее одевают с лыжами, то сотрется мех на головке. Внутрь надевают чулок *kenч*, мехом внутрь, высотой до колен. Если сделать чулок выше колена, то он мешает – считают ханты. Под чулок на подошву клади стельку из травы, она вбирает влагу, и чулок не мокнет. Обувь *vей* подвязывали к поясу, «подтяжки» не носили, это известно у пимских и тромъёганских хантов. Обувь под коленом мужчины подвязывали подвязками с кистями, кисти с наружной стороны сбоку. Верхнюю одежду мужчины подпоясывали суконным кушаком или твердыми поясами, на которых были нашиты бляшки (по рассказам, это такие же бляшки, как на поясах у хантов Ваха).

(Пос. Сытомино, Хоровы: Николай, Вера, Мария Петровна. 1977–1. Л. 18–19).

5. РАЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ

В Сытомино ханты живут в стандартных домах, и у каждой семьи есть огородик. Они выращивают картофель, морковь, лук, бобы, цветы и разную зелень. Коров ни у одной семьи нет. Их содержат только русские. Ханты редко одеваются в национальную одежду, хотя у некоторых женщин она есть и иногда используется. Дети и мужчины ходят в покупной одежде. Работают в рыбцехе, как обычно, на простых работах, некоторые мужчины – рыбаки рыбцеха.

(*Пос. Сытомино. 1977–I. Л. 4.*)

С.Д. Кондакова много лет жила в Горшково, начиная с 1941 г. Отец ее работал продавцом, она приемщицей пушнины. Ей приходилось много бывать с хантами и наблюдать их быт.

Местных хантов она называет «подгородчиной», «лентяями» и бедными людьми, в отличие от казымских хантов и зырян – богатых оленями и настоящих мастеров. Местные (т.е. горшковские) сколько наловят рыбы, все съедят или пропьют. Летом они ездили на дощатых лодках, в лодках помещались берестяные полотнища для чумов, которые устанавливались на остановках. Зимой чумы покрывали меховыми покрышками. С.Д. приходилось ездить с хантами и зимой. Ездили они на нартах, запряженных в три оленя. Верхом на оленях не ездили. Зимой на остановке на снег клади ветки, а на них или прямо на снег стелили оленьи шкуры. Мужчины носили малицу с капюшоном и рукавицами и гусь, а женщины распашную шубу из оленьих шкур. На

шубах были вшиты орнаментированные полосы, как сейчас шьют для бурок. Мужчины и женщины носили длинную обувь из оленых камусов. Ее украшали тремя поперечными полосками сукна: у мужчин – под коленом, у женщин – на подъеме; у женщин полоски были разной длины: самая длинная вверху, а каждая следующая короче предыдущей. С.Д. считает, что местные ханты шьют бурки очень плохо, а хорошие бурки шьют зыряне. Зыряне вообще отличные мастера на разные поделки.

В избах у хантов Горшково стояли чувалы, у стены против входа. В том доме, где ей пришлось видеть чувал, на поперечной перекладине висела сковорода на проволоке, прикрепленной в нескольких местах к стенкам сковороды. На ней хантыйка пекла лепешку из густо замешанного и раскатанного теста. На лепешке хозяйка пальцем вдавила в нескольких местах по кругу. Пекли ханты лепешки и у костра. В кромку лепешки по направлению к центру втыкали три палочки.

У женщин в Горшково видела деревянные колыбели с наклонной спинкой и такие же берестяные. На спинках берестяных люлек рисунков не видела, а на спинках деревянных вырезали ножом узоры. [Информация о колыбелях не подтвердилась в беседах с хантами – Н.Л.]. Ножом высекали узоры на набирках, подвешиваемых на шею, а также на берестяных коробках.

Столики у хантов были на высоких ножках. Очаг внутри чума имел таган на двух сошках с развиликами.

Ханты Горшково хоронили умерших в яме, сидя. В яму складывали все имущество умершего, яму не закапывали. [Ханты эти сведения не подтверждают – Н.Л.]. Ханты никогда не ходили на места захоронений и не любили вспоминать об умерших. Если заведешь с ними разговор об умершем, они отворачивались и уходили.

Сытомино возникло в первые годы нашего века, хантов здесь, на месте села, тогда не было.

(Пос. Сытомино, С.Д. Кондакова. 1977–I. Л. 11–13).

Мы переселились из Горшково в Сытомино. Там жили в рубленом доме, имели огород. Пользовались национальной утварью, имели берестяные люльки, посуду, носили национальную одежду и обувь. Сейчас в доме у Вандымовых обстановка не имеет никаких хантыйских предметов.

(Пос. Сытомино, Е.П. Вандымова. 1977–I. Л. 15).

Хантыйских имен у нас не было. Это у ненцев и пимских есть какие-то имена, а у нас только русские, но произносили их по-другому: Евгения (Женя) – Йеня, Федосья – Петосья, Кирилл – Кириша, Иван – Юван, Татьяна – Татва. На мой вопрос, как обращались к незнакомым людям, Е.П. ответила, что просто спрашивали, откуда они, кто их родители. Вообще к незнакомым людям старались не обращаться, не окликали их. Если было много чужих людей, просто ходили, смотрели, но не стремились заговорить с ними.

Вуся – здравствуй.

(Пос. Сытомино, Е.П. Вандымова. 1977–I. Л. 16–17).

На вопросы о национальных именах Марфа Григорьевна ответила, что такие имена есть у ненцев, а у хантов нет. Не помнит и о существовании прозвищных имен. Знает, что в семье и с другими родственниками употреблялись термины родства. На вопрос: как обращались к дочерям, если были старшая и младшая, М.Г. ответила: «Так и скажут: старшая дочь, младшая дочь». Русские имена сейчас дают родители, но бывают и исключения. Недавно родившегося сына они с мужем хотели назвать Алексеем или Андреем, но их пятилетний сын настоял, чтобы назвали Женей.

(Пос. Сытомино, М.Г. Волгина. 1977–I. Л. 30–31).

В детстве у меня была кошечка, она погибла, и я хотела ее выбросить. Сноха не разрешила этого делать, завернула в тряпку и унесла в лес.

(Пос. Сытомино, Е.В. Матвеева. 1977–I. Л. 14).

На местном кладбище в северной стороне расположены могилы хантов. Ориентация различная: у одних крест или памятник стоит в южной стороне, у других в западной.

Большая могила (рис. 248). Песчаный холм вытянут с юга на север, в южной стороне крест. Над холмом построен домик из досок, оббит гвоздями. Поперек северной короткой стены прибита доска. Крыша двускатная, со слабым скатом, вначале положен один ряд досок, затем на местах их соединения – другой ряд. На правом скате лежит заготовка для весла. В южной стенке вверху, откуда начинаются скаты, сделано небольшое углубление, как будто для тонкой коньковой жерди, которую не положили. На соседней могиле такого же типа коньковая жердь есть. В западной стене имеется отверстие, заткнутое деревянной втулкой. По сведениям хантов, отверстие открывали, когда приходили на поминки. Внутри домика рядом с отверстием лежит клетчатый платок. Рядом с отверстием снаружи стоят две кружки и бокал. У южной стены домика поставлен крест без надписи, на нем венок из хвои и бумажных цветов. Могила не огорожена.

Другая могила подобного типа, но покрыта тремя листами железа. Доски, железо и оградка окрашены в зеленый цвет. Ориентирована могила с востока на запад, крест стоит у западной стены. В северной стене имеется отверстие, оно прикрыто дощечками и бревнышками. У ограды в углу перевернуто верх дном закопченное ведро.

(Пос. Сытомино. 1977–I. Л. 24–25).

6. СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Вандымова Евгения Петровна, 1922 г.р., переехала из пос. Горшково, живет в Сытомино.
2. Волгина Марфа Григорьевна, 1932 г.р., переехала из пос. Горшково, живет в Сытомино.
3. Кондакова Софья Дмитриевна, 1927 г.р., русская, переехала из пос. Горшково, живет в Сытомино.
4. Матвеева (по отцу Вандымова) Евдокия Васильевна, 1942 г.р., переехала из пос. Горшково, живет в Сытомино.
5. Тарлина Татьяна Николаевна, 1911 г.р., переехала из пос. Горшково, живет в Сытомино.
6. Хоров Николай, 1957 г.р., сын Хоровой Марии Петровны, живет в Сытомино.
7. Хорова Мария Петровна, 1911 г.р., переехала из пос. Горшково, живет в Сытомино.

ЧАСТЬ 4. КАЗЫМ

1. ДНЕВНИК

1 августа 1990 года. Выезжаю из Томска в Сургут. Это моя 20-я экспедиция к хантам, она несколько необычная. Еду не только для сбора полевых материалов по традиционной культуре хантов, но и для обучения немецкому языку Татьяны Александровны Молдановой. Я руководитель ее кандидатской диссертации, но нужно подготовить ее также к сдаче кандидатского экзамена по немецкому языку. Мы решили совместить это с поездкой к ее родственникам – казымским хантам. Дела ждут меня и в Ханты-Мансийске, поэтому перед отъездом на Казым проживу здесь более 10 дней. Нынешнее положение дел в экономике страны наложило свой отпечаток на организацию поездки: продукты нужно купить по талонам в Томске и переслать их в Казым – там на меня нормы продуктов нет. В таких нелепых условиях ездить куда-то вообще не хочется.

В Сургуте меня встретила Элеонора Петровна – сотрудница отдела народов Севера при Сургутском райисполкоме. Проводила меня в гостиницу «Нефтяник», но сначала мы заехали в райисполком. Там произошло знакомство с Василием Ивановичем Шульгиным – бывшим зав. отделом народов Севера при Ханты-Мансийском окрисполкоме, а ныне работающим в аппарате окружкома партии. Он произвел на меня такое же впечатление, как и хант Камин из Шурышкарского райкома партии (экспедиция 1988 г.). Какая-то новая порода людей из народов Севера – они хорошо знают ранги, преданы своему чиновниччьему долгу и слишком серьезно к нему относятся.

Гостиница «Нефтяник» – помпезная, в коврах, даже администраторы приходят на работу в вычурных платьях из дорогих тканей. По неписаному правилу, в ней поселяют по разнарядке «сверху», а приезжих «снизу» – в гостиницу «Обь».

2 августа. Еду утром на «Метеоре» из Сургута в Ханты-Мансийск. Решила проплыть по реке этот участок, чтобы закрыть пробел; на остальных отрезках от впадения Томи в Обь я плавала в прежних экспедициях. В Ханты-Мансийске меня встретили Татьяна Александровна Молданова и Эмиль Павлович Косполов – сын Анны Митрофановны Коньковой, мансийской сказительницы. Живу в гостинице «Югра», где уже не впервые, и где ни разу не застала горячей воды. На меня обрушивается масса новостей. В этой же гостинице живут Карина Соловьева и Ирина Карапетова из Государственного музея этнографии (Ленинград). Они едут за экспонатами на Юган. Беседуем с ними о том, что наступило время, которое не подходит для экспедиций по многим причинам. Приходим к согласию, что нужно пока приостановить поездки. У меня это уже созревшее решение, но и они склоняются к тому же. Они рассказали, что на р. Пим хантов прогнали с их угодий (о чем мне уже известно), и только один Яков Нимперов нашел силы и способ противостоять «покорителям севера» – нефтяникам. Он предупредил, что будет стрелять, если кто-нибудь зайдет на его угодья возле дома. Постоянно обходит угодья с ружьем. Нефтяники (или дорожники – кто их разберет?) перегородили дамбой ручей, что питал речку в его угодьях. Он заставил провести под дамбой трубу. И нефтяники его боятся, не решаются подходить. «Но он только один такой», – заключают свой рассказ девушки.

Забегая вперед, расскажу о новостях, которые привез тоже с р. Пим Александр Георгиевич Бардин. Он ездил для

обследования условий жизни в пос. Лянторский. Поселок построили для того, чтобы селить в него хантов, изгнанных со своих угодий. Для этого намыли из песка площадку (природных участков не хватает!). И по другим показателям поселок построен неудачно, ханты в нем жить не хотят. Бардин привез несколько официальных справок о том, что «такой-то (хант) не имеет зарплаты полгода, год». Им негде работать! Таких около ста человек. Я вспомнила Никиту Востокина, в чьем новом большом доме в лесу мы жили в 1973 г., и какая у него была работающая жена. А. Бардин рассказал, что он встретил Никиту, живущего теперь в палатке. Его согнали на новое место уже в третий раз. Дом он не строит, так как не знает, где будет жить зимой – может быть, и отсюда сгонят. Тот дом, где мы были, нефтяники снесли, уплатив компенсацию 3 тыс. рублей. Одну тысячу Никита пропил, а две у него украли. – В этой ситуации примечательно и еще одно. По словам Т.А. Молдановой, А. Бардин только сейчас воочию убедился, что делается с его народом. А ведь работал до этого в отделе Севера окрисполкома.

Еще по пути в гостиницу Татьяна рассказала мне о фольклорном фестивале, что был в июне в Ханты-Мансийске. Это было необычно! Впервые власти разрешили провести медвежьи игрища, даже с жертвоприношением теленка. Во-вторых, разрешили приехать иностранцам. Из Венгрии приехала Рита Майер (Министерство культуры и образования) и Ева Шмидт. Был и венгерский посланник в СССР, с женой. Венграм все очень понравилось. Организовали и провели фестиваль сотрудники окружного дома творчества народов Севера.

Ева Шмидт покорила всех стариков своим знанием хантыйских песен, в том числе сакральных. Таня: «Этим ухом слушают – правильно поет, тем ухом слушают – правильно поет». Е. Шмидт еще много записала нового. Фестиваль проводили на Семи Холмах, в Музее под открытым небом.

За несколько дней до моего приезда через Ханты-Мансийск проплыла на пароходе советско-канадская группа. С советской стороны руководителем был Владимир Иванович Бойко из Сибирского отделения АН. В группе был и Асен Баликси – канадский этнограф, руководитель международной ассоциации визуальной антропологии. Его замечательный фильм об эскимосах был показан на I Международном кинофестивале этнографических фильмов (визуальная антропология) в г. Пярну (Эстонская ССР) в 1987 г. Там мы и познакомились. А. Баликси произвел тогда на всех большое впечатление, на меня тоже. В нем чувствовался настоящий этнограф-гуманист. Сейчас он находится у хантов на р. Казым, куда едем и мы. Надеюсь там встретиться.

3 августа. Встречи в доме творчества народов Севера. Рассказ А.Г. Бардина (см. выше).

Меня пригласили в краеведческий музей. Директор Вера Юрьевна Лыткина выражает желание, чтобы научные сотрудники музея занимались научной работой.

1. М. Кайгородова – окончила заочно отделение искусствоведения в УрГУ. Тема дипломного сочинения – орнамент обских угров, хотела бы продолжить эту тему. Через три дня мы встретились с ней снова. Подумав за эти дни, я сказала, что пока не могу предложить ей темы именно по орнаменту, учитывая уже разрабатываемые в Томском университете и в Ханты-Мансийске. Здесь готовит диссертацию Татьяна А. Молданова, и в такой ситуации вряд ли М. Кайгородова (русская) найдет сейчас новое направление. Она согласилась. Я предложила ей заняться искусством местного русского населения.

2. Л.В. Купченко. У нее интерес к проблеме современного возрождения национальной культуры хантов и манси. Это исторический или социологический аспект, я посоветовала ей прикрепиться к Владимиру Иосифовичу Бакштановскому.

З. Л. Родионова (по одной линии – манси Конды). Ее ближайшая задача – подготовка экспозиции по традиционной культуре хантов и манси, затем может перейти к научной работе. Предложила ей готовиться к всестороннему описанию манси Конды.

В этой же день смотрела выставку работ Геннадия Райшева. Она подготовлена недавно. Приезжал ее готовить и сам Г. Райшев. Пришлось все вынести на своих плечах трем молодым женщинам (М. Кайгородова, Н. Федорова – из Тюмени, Т. Молданова) и самому Райшеву. На открытии выставки чиновники из окрисполкома гордились: «Мы организовали». После открытия выставки Г. Райшев и его помощницы решили поужинать в ресторане, но их туда даже не пустили, так как там был банкет как раз по случаю открытия выставки.

С сегодняшнего дня я ежедневно 2–3 часа занимаюсь с Т. Молдановой немецким языком.

4 августа. Сегодня познакомили со мной Володю Хорова – ханта из пос. Нялино. Он круглый сирота, есть только дядя в Нялино. Окончил школу, поступил на исторический факультет Тюменского университета. В Ханты-Мансийске он пришел в музей, интересовался здесь экспонатами, давал консультации, читал литературу. Директор В.Ю. Лыткина стала его опекать и помогла советами, нашла преподавателей, которые помогли ему подготовиться и поступить в ТюмГУ. В следующие дни у меня были с ним еще встречи, и договорились так. Сейчас он едет в Тюмень, откуда сообщит мне свой адрес, и я буду стремиться перевести его в ТГУ. Он уже твердо знает, что хочет быть этнографом. За последние годы я много вела бесед и искала молодежь из хантов и манси, желающую стать этнографами, фольклористами. И вот встретила впервые молодого человека, который сам выразил такое желание. Володя производит хорошее

впечатление – открытый, с ясной улыбкой, общительный. Как выяснила из разговора с ним Т. Молданова, он понимает, но не говорит по-хантыски. Мне сказал, что хотел бы научиться немецкому языку. Здесь же, в Ханты-Мансийске ему делали и другие предложения. Склоняли идти на северный факультет ЛГПИ. А Константин Сенгепов из окружкома убеждал перевестись в УрГУ (г. Свердловск) и там одновременно работать в учреждении под названием «Полярэкс» (Полярная экспедиция). Работать Володе, конечно, придется, так как помогать ему некому. Правда, ему гарантирована стипендия при любой успеваемости – как круглому сироте. И ассоциация «Спасение Югры» выделила из своих скучных средств 27 руб. ежемесячно. Но на это не проживешь. Я выяснила у К. Сенгепова, что это за фирма «Полярэкс», и вместе с В.Ю. Лыткиной мы отговорили Володю идти туда. «Полярэкс» – одно из проявлений современного ажиотажа вокруг народов Севера. На гребне этой волны всплывает, конечно, пена.

«Полярэкс», созданная при газете «Советская Россия» и еще при чем-то, ставит целью изучать адаптацию народов Севера к новым экономическим условиям, к которым идет наша страна. Но пока что эти новые условия – кот в мешке для всей страны. У правительства, как видно по всему, еще нет ясного представления, куда мы идем, и что из этого выйдет. В условиях Севера добавится еще местная специфика. В общем, готовится очередной эксперимент, а ИПОС (Институт проблем освоения Севера, г. Тюмень), Полярэкс собираются разрабатывать новые модели, по которым нужно будет жить народам Севера. Поэтому я предостерегаю своих друзей из национальной интеллигенции об этом. Они и сами видят, а скорее чувствуют некую опасность, но не имеют достаточного опыта общения с такими фирмами и не всегда могут дать отпор наступлению некоторых «ученых».

5 августа. Два дня назад была встреча с новым начальником отдела культуры – В.И. Скакалиным (в каждый приезд я встречаю нового человека на этом посту). О нем известно, что работал преподавателем в училище искусств г. Салехарда. По его предложению, в Доме творчества народов Севера состоялась встреча людей, заинтересованных в дальнейшем строительстве музея под открытым небом. Теперь он имеет свое название «*Торум ма*» – Земля Торума. Первый этап очень быстро и мощно продвинули, почти бесплатно, на своих плечах Еремей Айпин, Юван Шесталов, Татьяна Молданова. Двух первых уже нет в Ханты-Мансийске, а третья теперь имеет новые большие обязанности. Музеем занимаются другие люди, у которых мало личных данных для этого, и которые попали в менее благоприятные объективные обстоятельства. Директор музея – Реональда Степановна Ользина – молодая хрупкая женщина с ребенком дошкольного возраста. Музейную и хозяйственную работу совершенно не знает. Мужчины-начальники (А.Г. Бардин, В.И. Скакалин) – сами неважные организаторы и только ожидают команды «сверху», «давят на психику» Р.С. Ользиной. Я убедилась в этом сама во время общего разговора о том, как строить музей дальше. Научную концепцию и тематико-экспозиционный план должен составить В.М. Кулемzin. Но у него нет ясности по общему плану: то ли будет каждая группа хантов представлена отдельно, то ли экспозиция будет строиться по другому принципу. К тому же, с ним все еще не заключили договор, ему сложно приехать сюда. Наняты рабочие, но уже четвертый месяц не могут приступить к строительству дома, так как нет сметы, соответствующей характеру работ. Нет и расценок, так как официальные расценки рассчитаны на стандартное строительство, а не на музейное.

Итак, во время разговора произошла только пикировка Ользиной с Бардиным и Скакалиным. Конструктивных

предложений не разработано. Потом мы поговорили с Ользиной, я предложила ей сообщить необходимые данные В.М. Кулемzinу, и после того как он разработает тематико-экспозиционный план, выступать им вместе, единым фронтом.

Л. Родионова из Ханты-Мансийского музея показывает мне предметы своей коллекции. Среди них опахало из крыльев птиц. Рассказывает о таком случае. На берегу реки женщина сломила веточку, чтобы отмахиваться от комаров. Ханты заметили по этому поводу, что у них стараются не ломать лишний раз ветки, а отмахиваются опахалами. Л. Родионовой подарили опахало из конского хвоста.

Говорили с Л. Родионовой о том, что сейчас народам Севера стало психологически трудно иметь дело с большим числом приезжающих этнографов. «Все нас изучают». Она согласилась с этим и привела свой пример, когда ханты ей сказали: «Вы наши вещи собираете в музей, чтобы показывать, когда нас не будет?».

Леонид Тарасович Костин сказал, что у хантов и манси есть обыденная речь и «божья речь». Первая из них – это «женский разговор», а второй речью владеют только мужчины. Это язык мифологии. Здесь я заметила, что об этом же говорила Е.И. Ромбандеева, которая в детстве слышала, как ее отец рассказывал миф о происхождении земли. Рассказывал он Баландину. Тогда она впервые услышала, что ее отец говорит какие-то слова, которых не употребляют в быту. Л. Костин говорит, что женщины выражают «божий язык» через орнамент, а у Татьяны Молдановой – особый дар к этому. Тут я порадовалась, что в 1987 г. произошла наша с ней встреча, и я предложила ей заняться научной работой. Теперь ей предстоит написать кандидатскую диссертацию по декоративно-прикладному искусству хантов.

6 августа. Сегодня ходили с Т. Молдановой к Анне Митрофановне Коньковой. Один из ее рассказов – об ее родственнице. Ее называли «семивесельная невеста». Для сватовства к ней привозили весла, сделанные претендентами. Она посмотрела на первое – нет, не те руки делали. И так шесть весел отвергla. На седьмом вышла замуж. Когда они плыли с мужем, к нему в лодку заскочила щука. Это нехорошая примета. «Так и случилось», – считает А.М. Конькова: спустя много лет, женщина погибла.

7 августа. Познакомились с Таней Гоголовой – президентом ассоциации «Спасение Югры». Прелестная, миниатюрная девушка. Я ее называю *Mис нэ*. С ней, конечно, разговоры о современных делаx. Здесь же ее двоюродный брат Олег. Окончил институт им. Лесгафта, приехал на работу. За него ухватился городской отдел народного образования: нужны преподаватели физкультуры в школы. Но он получил и другое предложение от спорткомитета: стать организатором национальных видов спорта. Я рассказала ему о старинной форме фигурных лыж хантов и манси, предложила их возродить.

8 августа. Долго пробыла в Институте усовершенствования учителей. Вначале говорили с Евдокией Андреевной Нёмысовой о словаре, который составил васюганский хант Маркел Кондратьевич Могутаев. Его нужно публиковать. Но вначале нужно посмотреть материал, чтобы знать, как поступать дальше. Организовать это очень трудно. Специалиста по восточнохантыйским диалектам здесь нет. Мое предложение: кто-то из Института едет к М.К. Могутаеву (ему 80 лет) и смотрит материал на месте. Но это невозможно, считает Е.А. Нёмысова. Пригласить его сюда – у Института тоже нет возможности. Да вряд ли Могутаев поедет – и по возрасту, и по другим обстоятельствам. Ведь он бескорыстно трудился около 15 лет, а теперь еще должен куда-то ехать

предлагать свои результаты. Договариваемся, что если Могутаев захочет и сможет приехать, то в Институте дадут рецензию на его материал. О публикации они не хотят даже говорить – нет возможности.

В этом же здании находится Лаборатория фольклора и этнографии, созданная в 1990 г. как подразделение СО АН СССР. Зав. лабораторией – Евдокия Ивановна Ромбандеева, переехавшая сюда из Москвы. Долго говорили с ней. Она довольна, что переехала: «Теперь я на своей земле». И, главное, может заниматься, чем хочется, а именно – фольклором и обрядами. Сейчас она готовит том мансийского фольклора в 60-томник для Новосибирска. Хантыйский том теперь готовит М.К. Вагатова. (Начинал его Е.Д. Айпин, но после отъезда в Москву, в качестве народного депутата, отошел от этого дела). Кроме того, они готовят сборник по обрядам. О составе лаборатории Ромбандеева ничего не говорила, но, по сведениям из других уст, у нее работают только три пенсионерки. Поступившая сюда работать на полставки молодая мансийка с высшим образованием, Раиса Портanova, быстро уволилась.

В этом же здании произошла встреча с В. Сподиной – учительницей из Мегиона. Она организовала в своей школе этнографический музей и что-то вроде спецкурса для детей. Читает им лекции («по Вашим работам»), водит детей к хантам. Просит помочь ей, я обещала дать отзыв о методической разработке. Конечно, рассказывает о том, как это не просто. Дело новое.

9–10 августа. Опять встречи в музее и Доме творчества. Очень заметно изменение ситуации в городе, в отношении национальной культуры. Мне теперь не приходится, как в прошлые годы, ходить на прием в окрисполком и окружком, чтобы доказывать необходимость научной работы в городе. Она уже ведется в трех небольших подразделениях. Как раз

в эти дни идет подготовка к поездке в Венгрию двух групп. Одна – на VII Международный Конгресс финно-угроведов. Правда, больше половины людей в этой группе не причастны к науке. Это чиновники из отделов культуры, работники музеев, не занимающиеся изучением угорской культуры. Рассказывают, что они скупили на местах много народных изделий хантов и манси, чтобы везти их на продажу в Венгрию. Другая группа – фольклорная, едет на фестиваль в ВНР и на открытие Конгресса. Эту группу готовят сами ханты-манси – начиная с программы и кончая получением паспортов, покупкой билетов в Венгрию и т.д. Одни в Ханты-Мансийске, другие в Москве. Приглашение на фестиваль пришло еще в феврале, но тов. Гербер (отдел культуры окружсполкома) передал его в ассоциацию «Спасение Югры» только в июле. К этому времени уже были проданы все билеты из Москвы в Будапешт. Венгерское посольство стало помогать, и дело уладилось. Эти новые дела, сдвиги, выход на международный уровень – совершенно невозможны были раньше.

Встретилась с Леонидом Тарасовичем Костиным. Он – потомок Костиных, хранителей священного места в Вежакорах. Национальная интеллигенция хочет возродить эту заброшенную в последние годы святыню. Составили предложения для властей о создании там родовой общины. Леонид Тарасович узнал Костиных с фотографий Чернецова. (Я привезла в подарок Дому творчества альбом с дублями его фотографий, оставшихся от материалов, сданных в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ). Он рассказал, что когда в 1930-х годах начались гонения на святыни, хранители Казымской богини *Вут ими* приезжали в Вежакоры («тут, все-таки, главные») посоветоваться, куда ее спрятать.

11 августа. Готовлю обоснование для возрождения Вежакор. Беседуем с Т. Гоголовой и Т. Молдановой о том, как

им избавиться от посредников, вставших между их народами и, например, зарубежными учреждениями, организациями. Последний пример – конференция «Россия – Квебек». Плыли на пароходе из Новосибирска ученые – советские (под рук. В.И. Бойко) и канадские. Они собирались, чтобы обсудить вопросы политизации народов Севера. Но в Ханты-Мансийске они не общались с национальной интеллигенцией, с ассоциацией «Спасение Югры». Ассоциация собрала для этой встречи весь координационный совет, вызвав людей с мест. Но Бойко это не интересовало, встреча не состоялась.

12 августа. Веду эти записи, собираемся в дорогу. Завтра летим в Белый Яр, оттуда в пос. Казым. С нами летят по своим делам Т. Гоголева и Т.Г. Харамзин из окружкома партии.

13 августа. Рейс нашего самолета откладывается до вечера. Ждем. Летим в Белоярский – ныне районный центр. Оттуда сразу же на машине в пос. Казым. Здесь останавливаемся у мамы Татьяны Молдановой Надежды Карповны. В Казыме живет и ее сестра Марина (по мужу Лучко), из Белоярского с нами приехала другая сестра Ольга (по мужу Кравченко).

Вечером в гостях у Лучко, где живет Асен Баликси, приехавший раньше. Сопровождающая его Надежда Всеволоводовна Исакова из ИИФФ СО АН уговаривала его уехать из Казима в Юильск, но он отказывался, ожидая моего приезда. Как я и предполагала, он прибегнул к хитрости, для того чтобы попасть к хантам. В Москве он узнал, что для оформления поездки к хантам нужно три месяца. Здесь же, плывя на пароходе и сойдя в Ханты-Мансийске, ему удалось получить такое разрешение в считанные дни. Нужно отдать должное В.И. Бойко, он помог в этом.

А. Баликси задает мне вопросы ознакомительного характера – о типах хозяйств, расселения, собственности на уг-

дья и т.п. Об этом же и еще о медвежьем празднике, шаманстве мы говорили с ним на другой день.

14 августа. Сегодня главным событием был разговор с А. Баликси о современных проблемах национальной культуры в Ханты-Мансийском округе. Мне хотелось, чтобы он знал, какова позиция национальной интеллигенции. А она такова, что есть большое желание возрождения, но делать это они хотят сами – так, как представляют эту задачу. В том числе, сотрудничать с иностранцами в организации фестивалей, изготовлении и продаже сувениров и т.п. Для переговоров с А. Баликси был вызван из Березова Александр Иванович Пермяков.

Сегодня же полдня проработала с Алексеем Сюзюмовым – студентом УрГУ, научной работой которого я руководжу. Он самостоятельно приехал в пос. Казым.

Сельсовет выделил мне 1,5 кг сахара. Но моей спутнице Т. Молдановой не выдали ничего.

15 августа. Краткая беседа с А. Баликси. Подготовка к отъезду в Юильск. Под сильным впечатлением вчерашних рассказов А. Сюзюмова, как ему трудно с пропитанием во время этой поездки. В одном из поселков им выделили на троих 300 грамм сахара. Археологи пьют чай почти без заварки – ее нет.

16 августа. Весь день – в ожидании самолета на Юильск. Сегодня кончилась жара, началась гроза и дождь. Под вечер прилетел вертолет, с ним улетели в Юильск. Для самолета нелетная погода.

В Юильске устроились жить у родственников Татьяны Молдановой. Здесь в трехкомнатной квартире живут двое слепых – Вагатов Семен Алексеевич, его жена Галина Ивановна, их дочь Ирина с двумя детьми и ее сводный брат Илья. Семен Алексеевич – двоюродный дядя Татьяны Молдановой.

17 августа. В Юильске есть школа, почта, контора совхоза, магазин. На месте многих личных домов построены двухквартирные дома. Наши хозяева и занимают одну из таких квартир. У них две коровы, на столе молоко, творог.

После завтрака идем с Таней в дом, где поселился А. Баликси. Это квартира молодой семьи – половина домика из одной комнаты и кухни. Оклеена обоями, покупная полированная мебель, два ковра, светомузыка, красивая посуда и даже портрет полуобнаженной девушки из журнала.

Беседуем с А. Баликси. Т. Молданова разъясняет ему свою позицию в вопросе о возрождении народа и его культуры: делать по возможности все самим. Например, фольклорно-этнографические ансамбли. Через них проходят учащиеся педучилища и медучилища, затем они идут назад в народ. Они несут уважительное отношение к народным традициям. Ансамбли выезжают в национальные поселки, где им очень рады. Они не только дают концерты, но живут неделю-другую в домах, семьях, общаются с людьми и тоже способствуют поднятию духа народа. Их любят за то, что участники ансамблей, как и другие представители интеллигенции, не отделяют себя от народа. А. Баликси предлагает Т. Молдановой записать подробные биографии некоторых из них, подготовить сборник с моим предисловием. Издать его можно в Канаде.

Т. Молданова ведет нас с Асеном Баликси на кладбище. Надмогильные домики из бревен и досок, покрыты берестой, толем, даже листами железа. Позднее выясняется, что железом покрыла могилу своего брата бабушка из нашего дома. Узнаю от Т. Молдановой некоторые детали. У хантов не принято подправлять могилы. Мертвому нужен покой. Однако нефтяники, разрушая кладбища, оправдывают свой вандализм тем, что ханты не ухаживают за могилами. Вот яркий пример взаимного непонимания из-за разных представлений и традиций! Правда, хантам не пришло бы в голо-

ву рушить чужие кладбища ни под каким обоснованием. Нефтяники разрывают могилы, ищут золото. На одном из кладбищ развесили на деревьях черепа из могил. Вокруг кладбища повалены по кругу деревья, образующие своего рода ограду. Это прошел смерч. Но кладбище он не затронул. Ханты считают, что поваленными деревьями смерч оградил кладбище.

Т. Молданова нашла могилу своего дедушки, умершего в мае этого года. Он прожил сто лет, из них последние 35 лет жил один в лесу. «Он еще живой», – сказала Таня. На вопрос Асена о сроках поминок она сказала, что точных сроков нет, а приходят, когда умерший «позовет». «Зовет» он, приснившись во сне, или когда кто-то из родственников испытывает тягу сходить к умершему. Во время поминок вынимают деревянный брускок-затычку из оконечки в боковой стенке дома. Тогда можно поговорить с умершим, через это отверстие он слышит и даже воспринимает мысли. На каждой могиле или рядом стоят перевернутые чайники, ведра, котлы, чашки, блюда. Дно у них не пробито. Т. Молданова говорит, что каждому умершему кладут на могилу чайник, так что в доме не остается ни одного. В магазине нет в продаже чайников. Возле некоторых могил лежат перевернутые лодки и нарты. В днище лодок вырезаны четырехугольные отверстия. Т. Молданова объяснила: это для того, чтобы умерший знал, что он живет в другом мире и ездил бы на лодке там, а не по р. Казым. Чтобы миры не перепутались. При похоронах положено забить оленя, «чтобы заткнуть дыру».

(Дер. Юильск, Татьяна А. Молданова. 1980-1. Л. 11).

Вечером Т. Молданова записывает родословные – как я предложила им в прошлом году.

Т.А. Молданова рассказывает, что они были на реке Ляме и там встретили одичавших собак. Они брошены не-

фтяниками, сбились в стаи и ищут пропитание сами. Собаки очень агрессивны, нападают на оленей и людей. Они быстро размножаются, т.е. утверждаются как новый вид. Т.А.: «Мы их отстреливаем».

Т.А. Молданова отвечает на вопрос Асена Баликси о луках и говорит, что сейчас их тоже делают. У одного охотника пришло в негодность ружье, новое ему не выдают, купить негде, патронов тоже не продают. Он сделал лук и охотится.

18 августа. С утра идем к Екатерине Яковлевне Вагатовой (фамилия по последнему браку). Ей около 80 лет. Живая, подвижная сухощавая старушка, очень общительная. Любит вино. Прямая противоположность – ее сестра Дарья. Строгая, замкнутая и гордая. Сердится на сестру за то, что та любит вино. Живут они недалеко друг от друга, видно из окна. Т. Молданова любит Екатерину Яковлевну, она напоминает ей родную бабушку, только та не пила вино. Татьяна с магнитофоном записывает рассказы и песни на хантыйском языке. Вначале Екатерина Яковлевна исполняет песню отца Татьяны Молдановой. Он был счетоводом-бухгалтером в колхозе. В песне брат упрекает его, что тот не умеет охотиться. Отец отвечает: «Я нашел свой хлеб (пропитание) в шкафу». Затем снова рассказы, песни. Из окна видим, что мимо дома идет А. Баликси, Татьяна пригласила его зайти. Вчера он предложил Тане составить биографии нескольких человек с подробностями. Сегодня говорим ему, что у хантов очень распространены песни судьбы, вплетаемые в биографии. Он в восторге, говорит свое любимое «Прекрасно, прекрасно!».

Бабушка Е.Я. Вагатова рассказывает и о 30-х годах, столь роковых для народа. Рассказывает с опаской, боится, что ее посадят в тюрьму. Таня ее успокаивает, я предлагаю сказать бабушке, что не понимаю по-хантыйски. Народ до сих пор живет в страхе и скрывает многое не только от чужих, но даже от своих людей. Мне это прекрасно известно, поэтому

не верю социологическим опросам. Народ, привыкший НЕ говорить правду, не может дать искренних ответов на анкеты или в виде интервью. Поэтому социологические исследования, на основе которых разрабатываются концепции будущего для народов Севера, я считаю опасным экспериментом. (Об этом у нас произошел спор с Н.В. Исаковой, сопровождающей Асена Баликси и относящейся к «команде» Бойко). Потом пьем чай с бабушкой и говорим на житейские темы. Ей известно, что в других местах теперь дают сахар и чай по норме. Знает она и о Горбачеве, называет его *хон* (царь), второй *хон* после Николая. До Горбачева были просто начальники. «Наверно, долго его будем держать», – одобряет бабушка.

Свою сестру Е.Я. Вагатова называет *Ками анки* – Кошек мать. Она из семьи богатых оленеводов, у которых отобрали в 1930-х годах оленей и вещи, раздали другим. Они видели эти вещи у других людей. Это была очень работающая семья. Сестры-старушки и сейчас много шьют. *Ками анки* разводит кошек. Для них есть отдельное кладбище. Кошка – один из образов Казымской богини.

Узнаем, что здесь в Юильске сейчас собирает материал студент Тобольского пединститута Сергеев (его руководитель – А.В. Головнев). Кто-то из молодых партней-хантов сказал ему о кладбище кошек, а он уже сообщил Асену Баликси. Асен обратился к нам с Таней с просьбой показать кладбище. Таня объявила, что это женское священное место, мужчинам туда ходить нельзя. Она сильно возмущалась, что студент ходил туда. У нее чувство отвращения к нему, так как он влезает в женскую сферу, куда уважающий себя мужчина не должен проникать. На этом же кладбище захоронены выкидыши.

Вечером идем в гости к Баликси, там же Н.В. Исакова. Асена мучает радикулит. Таня проводит сеанс лечения руками, на другой день боль проходит.

А. Баликси спрашивает, какие методы народной медицины были особенно развиты у хантов. Татьяна Молданова: женщины часто лечили руками, особенно женские болезни или неправильное положение плода. Мама Татьяны рассказывала случай на ее памяти, когда хантыйская знахарка повернула плод при родах русской женщины, которая уже умирала.

19 августа. Воскресенье. Идем в лес по ягоды. Сейчас время голубики, черники. Ведет нас молодая хозяйка дома – 19-летняя Ирина Алексеевна. У нее двое детей – около 2 лет и 1 года. С нами идет соседская девочка Люба. В лесу такой эпизод. Люба идет впереди меня, вдруг резко сворачивает, а я по инерции иду вперед и прохожу под согнутым деревом. Она же, как я понимаю, обошла его, т.е. соблюла хантыйский обычай.

Вечером снова у А. Баликси. Продолжаются разговоры и обсуждение проектов его сотрудничества с Ханты-Мансийском. До этого были переговоры о музейной работе и изготовлении предметов национальной культуры для Канады. Сегодня предлагаем ему уже научное сотрудничество. Процедура прежних и сегодняшних переговоров такова: я предлагаю какую-то форму сотрудничества Татьяне (зная их возможности и потребности), она соглашается или корректирует. Затем в ее присутствии я сообщаю это предложение Асену, они обсуждают и договариваются о деталях. Вчера Асен поделился своим планом научного исследования по проблеме национального возрождения. Он хочет сравнить ситуацию у эскимосов Северной Канады, эскимосов Чукотки и хантов, манси. Сегодня я предлагаю ему работать в Ханты-Мансийске непосредственно с национальной интеллигенцией, с ней заключить договор о сотрудничестве, а не с группой В.И. Бойко или Институтом этнографии в Москве. Он, как будто, согласен.

20 августа. Сегодня с утра заходим с Татьяной А. Молдановой к Тарлину Даниле Николаевичу, приехавшему из лесу. Он и его жена на пенсии. Строят дом в лесу на хорошем месте и радуются возможности пожить спокойной, привычной жизнью. Здесь в доме две половины: одна родителей, другая сыновей. Сидим у родителей. На столе, стоящем у окна против входа, лежит шкура с головы медведя. Рядом на стене-перегородке развесены дипломы и другие знаки отличия сына за победы в соревнованиях по национальным видам спорта. Из-за перегородки, где живут два сына, слышна музыка современных ансамблей – с пластинки. Один из сыновей играет на гитаре, пока мы пьем чай. Работает он в «экспедиции».

В разговоре выясняются вещи, возмущившие спокойствие Тани. Раньше я слышала от нее, что на Казыме пока нет нефтяников-газовиков. И вот выясняется, что нынче поставлены три буровые, ведется бурение. Причем, в верховьях притоков Казыма, то есть, это приведет к гибели реки. Уже по реке течет солярка, ловится больная рыба – с язвами и больной печенью. Дядя говорит: «Говорят, что ханты болеют потому, что пьют много. Рыба-то не пьет, а болеет».

После этого мы идем в дом к А. Баликси. Сегодня он уезжает, сейчас ждет самолет, нужно проводить. У Асена в гостях Валерий Янгух. Его дед был расстрелян в 1933–34 г. Дети остались круглыми сиротами, их привезли в интернат. Фамилии они своей не знали и могли только сказать о своем отце «Янг ух» (белая голова). Это стало их фамилией, в том числе, и у отца Валерия. Таня расспрашивает его – как получилось, что ханты отдали свои земли под буровые. Он рассказывает следующее. В марте был сход жителей дер. Юильск. Они проголосовали против отдачи земель под буровые. Но протокол был сделан так, как будто проголосовали «за». Это решение подписали депутаты. Потом в Юильске

собирали подписи под письмом, что жители против открытия буровых. Кто-то из нефтяного начальства сказал жителям, будто он входит в ассоциацию «Спасение Югры», и они настроились против ассоциации, что она «продает» интересы народа. Народ упал духом. А с другой стороны, людям обещали компенсацию, называя суммы в миллионах. На людей, получающих по 100 руб., это произвело впечатление. Когда собрался второй сход, то народу пришло мало. В общем, буровые были открыты. Татьяна А. и возмущается, и плачет. Теперь нужно действовать, чтобы отменить неизвестно чье решение и закрыть буровые. Ясно, что «начальники» нашли взаимопонимание, что они идут на прямой обман, действуя даже от имени ассоциации. Татьяна А. говорит, что Югорская экспедиция (нефтяники) просила принять ее в качестве коллективного члена в Ассоциацию, но ей отказали.

Прилетает самолет. А. Баликси и Н.В. Исакова летят в Ханты-Мансийск (рис. 252). Последнее мое предложение ему – вступить в ассоциацию «Спасение Югры» и тем ее поддержать. Он выражает согласие.

21 августа. Вчера ходили собирать кедровые шишки, рядом с деревней. На том краю деревни стоит какая-то экспедиция. Двое мужчин из нее проходили мимо нас и шутливо заметили: «Что вы собираете на нашей территории?» На это Ирина, наша 19-летняя хозяйка, серьезно ответила: «Это наша земля». Вечером, по какому-то случаю, она заметила: «Я знаю все про хантыйскую жизнь. Но знаю и то, что рассказывать об этом не нужно». Я рассказала это Татьяне А., и она оценила: «Вот, человек живет уже с осознанием своего места, своей земли».

Т.А. Молданова в этой поездке занята не только сбором фольклора (для Дома творчества), и изучением немецкого языка; она выполняет и обязанности члена ассоциации «Спасение Югры», ее вице-президента. Мы бываем с ней

вместе в хантыйских семьях. Она расспрашивает о жизни, трудностях в снабжении, лечении и т.д. Записывает для себя задания – кому нужна путевка на лечение, у кого неправильно начислена пенсия. Ассоциация стремится научить и привыкнуть хантов, чтобы они сами добивались своих прав и решения своих проблем, а не обращались с просьбами об этом к приезжим. Во всех прежних моих экспедициях мне нередко приходилось выполнять просьбы такого рода, а в этой – нет. Более всего Татьяна А. стремится внушить мысль о том, что нельзя отдавать свои земли. Я поддерживаю ее, то есть мы убеждаем вдвое.

Сегодня попали в гости к Наталье Ивановне Каксиной, которую Татьяна называет своей нянькой. У нее шесть внуков, все дети живут отдельно от родителей. Она рассказывает об ограблении ее амбарчиков в прошлом году. Это сделано работниками какой-то из экспедиций (разведчики или добывчики нефти-газа). Из ее уст мы слышим еще раз о том, как отдали земли буровикам. Жителей Юильска запугивали, что в случае несогласия к ним перестанет летать вертолет, детей никто не будет вывозить в школы.

3 августа в дер. Юильск были выборы депутатов в окружной Совет народных депутатов. Жителям была предложена одна кандидатура – Кравец. Это председатель районного Белоярского совета народных депутатов. По словам Т.А. Молдановой, Ассоциация предлагала другие кандидатуры, в том числе и ее. В разговоре с Натальей Ивановной Татьяна спросила, что обещал Кравец как депутат. Наталья Ивановна об этом ничего не знает. И тут же припомнила, что когда в Юильске жила и работала мама Т.А. Молдановой, то проводилась политучеба, а сейчас непонятно, что делает зав. клубом. Все жители Юильска говорят, что в день выборов 3 августа в магазин завезли четыре ящика водки. Кстати, в этот день в Юильск приехал и канадец А. Баликси. В сознании

людей этот день так и идет по двойной примете: выборы с водкой и приезд канадца.

22 августа. Вчера после обеда ждали возможности улететь в лес, к дяде Т.А. Молдановой, но не получилось. Вечером разговариваем втроем – я, Т.А. и Ирина. Эта молодая женщина тягнется к знаниям, хотя от привычного образа жизни в Юильске отказываться не собирается. Я говорю ей, что сейчас у нее маленькие дети, и еще 2–3 года ни на что другое времени и сил не хватит. Но затем можно будет найти занятие по душе. Татьяна А. предлагает ей шить национальную одежду («у нее хороший шов»), я рассказываю о возможностях изучения культуры своего народа. Позднее Т.А сообщает мне, что Ирина хорошо знает фольклор, у нее можно записывать тот его пласт, что держится в подростковом возрасте (Ирине 19 лет). Т.А. рассказывает о своих планах возрождения Юильска и создания здесь центра национальной культуры. На январь 1991 г. намечен первый шаг – проведение медвежьих игрищ.

Поздним вечером Татьяна А. записывает на магнитофон рассказ своего дяди, Семена Алексеевича Вагатова, в доме которого мы живем. Он рассказывает о поездке в Москву и Ленинград со своим другом. Это было в 1960-х годах. Интересно, что увидев в музеях и в Кремле изображение христианских святых, он сразу идентифицировал их с собственными духами. Затем был рассказ о поездке на курорт около Тюмени. Ездил на лечение, но принял только четыре процедуры, и пришлось возвращаться. К нему в комнату зашел какой-то нефтяник, приехавший на курорт из Сургута. Узнал Семена Алексеевича и напомнил, что бывал у него в Юильске дома. Тут они решили выпить, а затем начали исполнять танцы медвежьего праздника. К ним стучали в дверь и в стены, но они не открывали, а плясали всю ночь. На другое утро их выписали. Тот из Сургута не принял даже ни одной ванны, он только приехал.

Перед сном Т.А. рассказала, что Семен Алексеевич из тех людей, которые предчувствуют смерть человека. Они слышат приход его души *ис хор*, которая перед смертью обходит все места, где жил человек. Семен Алексеевич предсказал смерть Петра (Т.А. называет жителя Юильска). Он слышал, что *ис хор* Петра вначале крикнула на другом конце Юильска, потом в середине, потом на этом конце. Одна старая женщина (Т.А. называет имя) повесилась. Ее последний сын замерз. Оставалась одна дочь, которая «ушла в русскую жизнь» (так часто говорят ханты). Она приехала, распродала оленей матери («перевела на деньги») и позвала ее жить к себе. Но старушка прожила здесь всю жизнь и ехать к дочери не захотела. В своем домике она повесилась. Когда она «отдавала последнее дыхание», Семен Алексеевич слышал ее *ис хор*.

Семен Алексеевич рассказывал Тане о *пути щащи* – духе ее рода. Качества *щертань* передано Тане от этого духа. А он связан с *Йем Вош ойка*. Под впечатлением вечерних рассказов, Тане ночью приснился сон, взбудораживший ее так, что утром она встала раньше обычного и пошла в комнату Семена Алексеевича, чтобы тот разгадал сон. Ей снилось, что она стала медведицей и собралась делать берлогу. Голос с неба сказал ей, что ее земля (т.е. место жизни) не земляная, а песчаная. Семен Алексеевич сказал, что место, где стоит Юильск, называется *кэш мув* ‘песчаная земля’. Это просто вещий сон, если знать события Таниной жизни и ее современные настроения. Она говорит, что если бы она жила в традиционной обстановке, то этот сон был бы разгдан, применен к обстоятельствам, и жизнь пошла бы дальше. Но поскольку она вошла в другую жизнь, то подобный сон тяжело перенести психологически, происходит раздвоение. Хозяйка дома говорит: «Это Тания *Казым ими* ее к себе тянет».

23 августа. Сегодня был вертолет, с которым можно улететь к дяде Татьяны А. – Алексею Михайловичу Молданову. Но не получилось. Сын Алексея Михайловича – Тимофей улетел сам, сказав, что хочет привезти родителей сюда. Но они не прилетели, так как сейчас идет рыба, они заняты ловом. Теперь Татьяна А. ищет другую возможность поехать к хантам в лес.

Подаю ей идею включить в будущие фестивали и медвежьи игрища также и научную часть программы. Например, полдня или день проводить с докладами и даже переводами их на хантыйский и мансийский языки. Людям можно рассказать в доступной форме о том, каков дальнейший путь полученной у них информации. Ей идея нравится. Она знает, да и я тоже, что в народе уже есть чувство недовольства: многие приезжают, спрашивают об одном и том же, а зачем? Обратной связи нет, к народу литература не поступает.

По поселку постоянно бродит женщина, которую зовут «Пьющая Наста». Хозяйством и детьми она почти не занималась. Этой зимой замерзла пьяная женщина, у нее осталось семь детей. Постоянно слышишь рассказы о погибших не своей смертью людях, оставшихся сиротах.

Татьяна А. рассказывает, что старики предсказывали: наступит время, когда много людей будет умирать неестественной смертью. По воззрениям казымских хантов, душа умершего человека переселяется в новорожденного. Но души людей, умерших неестественной смертью, не вселяются в новых людей, то есть некоторые дети не получают душу и так живут. Этот рассказ был связан с разговором о полноте душевной жизни. Т.А. снова говорила о тяжести двойного сознания и существования – традиционного и «русской жизни». Я заметила, что это все-таки лучше, чем отсутствие душевной нагрузки, пустота жизни у некоторых людей. К таким Т.А., как видно, и относит людей, не получивших душу от предков.

Вообще, через общение с Т.А. Молдановой за последние 2–3 года я получила более полное представление о богатстве духовной жизни ее народа. Она скрыта от посторонних, и поэтому создается впечатление о «наивности» мировоззрения. Только что приведенный пример с предсказаниями стариков о людях без душ – пример прорицания. Национальная интеллигенция в Ханты-Мансийске живет тоже своей внутренней жизнью, держится своей группой, в которой есть взаимопонимание и поддержка. Об этом Таня говорила и Асену Баликси.

Во многих случаях, обсуждаемых при мне, выясняется, что при вселении души (*ляксыс*) не обязательно передается имя. Так у Татьяны А. *ляксыс* была Анна.

Татьяна А. говорит, что душа ее бабушки вселилась (они говорят «*щащи ляксыс* «бабушка плонула») в одну девочку, родившуюся в семье слепой женщины, в дер. Хулор. Теперь Татьяна заботится о ней. Отец Татьяны еще не «родился», считает она. Эти разговоры шли вечером, когда мы с Т.А. ходили собирать шишки. На обратном пути она повела меня на то место, где находятся старинные землянки. Рядом с ними во время колхоза была звероферма. Теперь там стоит Югорская экспедиция. Вся земля исхожена, пропахла соляркой, валяются железные детали. Стоит много балков и работающей техники. Машины носятся мимо деревни, размяли все окрестности в песок. Однако у жителей дер. Юильск нет ни газа, ни бензина для мотолодок. Да и мотор теперь не купишь, как и запчасти к нему.

Кэти анки – «Кошеч мать» живет неподалеку от нашего дома. Там стоял прежде дом ее отца, привезенный из лесу. Нынче летом на этом месте стали строить совхозный дом. *Кэти анки* с трудом удалось уговорить снести ее разваливающийся домик, чтобы она переехала в будущий дом (квартиру). Дом отца хотели пустить на дрова, но она потребовала,

чтобы его увезли в лес. Собрала в мешок все щепки, все погрузили на машину и увезли в лес. Над ней смеялись, но она настояла на своем. Ей около 70 лет, живет одна и сама вынуждена возить домой дрова. Т.А. рассказывает, что она писала в газету «Ленинская правда» заметку об этом, но самые яркие детали были убраны из заметки. Например, рассказ о том, как старушка везет в корыте из лесу дрова, а мимо нее проносятся люди на машинах из экспедиций, стоящих около Юильска. «По какому праву, – вопрошает Татьяна А., – этим людям дана такая техника, такие возможности на нашей земле?». Это убрала А. Глухих-Уфимцева, сотрудница газеты, постоянно пишущая о хантах и манси. Лично мне в ее статьях чувствуется фальшь, хотя не могу придаться к словам и выражениям. Национальная интеллигенция в Ханты-Мансийске постоянно с ней воюет.

24 августа. Утром за нами заходит Тимофей Алексеевич Молданов, тот, что обещал отправить нас с вертолетом к своему отцу в лесную избушку. Вчера он слетал сам, за нами не зашел. Идем с рюкзаками на вертолетную площадку, которая находится не у самой деревни, а в 1 км от нее – на подбазе. Там садятся вертолеты и находятся запасы солярки, домики с рабочими подбазы какой-то партии (экспедиции). Сидим там до вечера. Из трех прилетевших вертолетов один шел в нужную нам сторону, но летчики отказались делать из-за нас посадку у избушки. Нужно получить разрешение начальника, который находится в Белом Яре, и связь с ним бывает 1–2 раза в день. Возвращаемся вечером в дом, где остановились. Звонить кому-то и просить не хочется, снова можно получить отказ. Ясно, что летчики могли бы высадить нас и без этого, так как за лето не раз делали посадку у избушки, когда им нужна была рыба. Вместе с нами на площадке находилось несколько местных жителей – хантов. Им нужно было лететь в Казым или в Белый Яр. Один из вертолетов летел туда, но

его пилот надменно заявил: «Не посажу ни одного человека». Люди ушли назад в поселок. Сегодня прилетел пассажирский самолет Ан-2 из Казыма, который не прилетел вчера, как следовало по расписанию, из-за непогоды.

Пока ждали возможности улететь, разговаривали с хантами. Татьяна А. вела запись на магнитофон. У нее венгерский «Репортер 7а». Три таких магнитофона привезли в Дом творчества, в Ханты-Мансийске. При мне А. Баликси подарили ей 8 кассет.

Первая беседа была с Максимом Тимофеевичем Молдановым – учителем Юильской школы. Он, как и многие другие, рассказывал о несправедливости районного начальства. Как они обещали много перед выборами (председатель сельсовета Н.К. Филипов, по кличке Совет-Колька). В этот раз обещали построить пилораму для жителей Юильска.

25 августа. В эти дни Т.А. записывала песни и рассказы хозяина. Его дочь 19-летняя Ирина отказывается рассказать о себе, так как «жизнь еще только начинается». Лет через 10 можно будет рассказывать.

Пока ожидаем вертолет, Т.А. жалуется, что мерзнут ноги. Тимофеев тут же замечает: «Где-то перешла через могилу. Сейчас на кладбище есть старые могилы, можно не заметить».

Тимофеев много возмущается неполадками. Мы с Татьяной А. убеждаем его, что нужно действовать самим, создавать в Юильске отделение ассоциации, свой кооператив. Эта «агитация» продолжается и в последующие дни. Тимофеев обвиняет всех, в том числе и Ассоциацию, которой предрекает развал. Позднее, уже в избушке у его отца, при очередном таком разговоре он доводит Татьяну до слез. Она уходит плакать в лес, мы с младшей сестрой укоряем Тимофея. Он обещает навести порядок в Юильске вместе с

Максимом Тимофеевичем, которого характеризует как очень честного человека.

Еще в Казыме видела у молодого ханта магнитофон японской фирмы «Сони». Выяснилось, что это куплено за доллары. Теперь у оленеводов они бывают, их получают за оленьи рога, которые продают японцам. По рассказам, японцы закупают их для изготовления пантоокрина.

26 августа. С утра ждали на подбазе вертолет. Подбаза называется по-хантыйски *Ай воши* «маленький городок». Юильск – *Вут воши* «город богини *Вут*». К вечеру улетели и прибыли к избушке на р. Ай-Курьёх, где живут Молдановы Алексей Михайлович и Евдокия Кузьмовна (Кузьминична), с дочерью Ульяной.

Когда мы прилетели на вертолете, он сел прямо на землю, без подготовленной площадки. Нас уже встречали прибывшие хозяева избушки – Молдановы. Мы с Татьяной стали тут же срывать и есть ягоды. Хозяйка заметила: «Мы называем эти ягоды «для летчиков» и не рвем здесь». В вертолете летели также двое мужчин «из партии», они зашли с нами в дом. У них было 40 минут, пока вертолет летал в другое место. Они поставили на стол бутылку. Стали пить чай. Первую рюмку со спиртным хозяйка выплеснула в печь – железную. Хозяин – Алексей М. Молданов встал у печи лицом к правому переднему углу и пропел молитву. Стали пить чай, пригласили, конечно, и мужчин «из партии».

В какой-то момент один из них обратился к хозяину дома: «На 32-й буровой Ваши угодья?». Тот ответил – да. «Партийный» (так их зовут здесь) заявил: «Осенью мою ягоду не собирай, птицу не бей». Татьяна А. Молданова спрашивает у него: «Разве у вас здесь есть ваша земля?» Он: «Эту территорию выкупила Березовская экспедиция, и она принадлежит нам». Произошел короткий диалог, конечно, не мирного характера. Татьяна представилась: Я из ассоциации

«Спасение Югры». Тот хотел сказать что-то, но при виде включенного магнитофона, отказался. Так мы и не узнали его другого мнения.

Попив чаю, я раньше других ушла от стола и села на нарьи. Хозяйка в это время достала из чемоданчика новое полотенце, завернула в него палочку и положила в горящую печь. Сверху положила еще два полена. Вспыхнуло ярким огнем, она открыла дверцу печки. Это была жертва для *тут ими* «хозяйки огня». На печь хозяйка положила горящую кору дерева, дым шел в избушку. Позднее я видела, что она достала с полочки в священном углу чашку с нарезанным хлебом, баранками и другими продуктами, что стояли на столе к чаю. В том числе в чашке лежали и привезенные нами с Таней конфеты, лук. Татьяна А. потом объяснила, что хозяева собирались устроить угощение для *тут ими*, а наш приезд стал поводом для этого.

В этот вечер хозяин Алексей М. Молданов пел песни, Татьяна А. записывала их на магнитофон. Пела и его жена Евдокия Кузьмовна. Одна из песен была песня *Калтащ анки*. Одну песню они спели вместе с дочерью Улей. В последующие дни они много рассказывали и пели для записи и для себя.

В какой-то момент Татьяна А. сказала: «Видите, они поют, когда и не пьяные. И в Юильске Екатерина Яковлевна пела без того, чтобы ее поили. А про нас все говорят, что поем только пьяные. Пьяные как раз плохо поют». Я с нею была вполне согласна. Алексей М. знает призывные песни духов, героические песни *тарнэнг ар*. То и дело ему говорили Татьяна А. или Уля: «*Аръя спой*». Рассказали, как одну женщину пригласили на сцену петь хантыйские песни. Ее дочь, живущая в Березове, удивилась: «Поешь без репетиции?» В избушке, в моем присутствии, мать и дочь иногда делают небольшую пробу, если поют только что сочинен-

ную песню. Уже известную песню поют без всякой подготовки.

28 августа. Алексей М. – на пенсии, но пока что живет в лесу: «Сердце еще просит охотиться». Однако собирается строить избушку в Юильске. Он надеялся, что ему за многие трудовые заслуги к выходу на пенсию дадут домик от совхоза. Но не дали. Рассердившись, он перед выходом на пенсию сдал на забой ездовых оленей, отлично им обученных. Он работает с 1946 г., вначале был почтальоном, один год жил в Юильске, а большую часть жизни был оленеводом. Его фотография постоянно висела на доске почета в Березове. Он член партии.

Рассказ Алексея М. Молданова о себе. (Записан 28.08. на магнитную ленту Татьяной А. и позднее предоставлен мне для включения в дневник).

«У меня отец был высокий. Люди знали: если где-то земля трещит – это мой отец идет. (Отца А.М. не видел, т.к. родился, когда отца после Казымского восстания забрали в Тобольскую тюрьму, где он и умер). Мы не такого роста. Дурак был. Три года продавцом работал летом. Потом бросил, в тайгу пошел, в лес. Зачем? Там восстание было. Если бы не пошел, живой был. У нас ведь магазинов не было. Все в амбаре – купцы приходят, у лабаза сделают навес, на улице продают. Потом на три года оставляют. Хорошая торговля была. Сейчас вот осень, закупать надо на зиму, а даже сушек в магазине нет. Жить начали лучше, а питание сокращается. Я работал на почте в Казыме, оттуда в Нум-то ходил. Раз нес батареи для радио, сбил руку. Захар-Марья кровь пустила, крест сделала. (Показывает крест на предплечье). Она тогда в Юильске жила. Хуллорская была. 18 раз ходил пешком. Сейчас уже не смогу ходить. В прошлом году врачи стали меня ругать: ты переработал. Тяжело было почту возить. В 41-м году у меня здесь мать жила, я в 12 лет начал за оленя-

ми бегать. Брат мой был немного сумасшедший, был припадок, умер. Я – вечный век рыбак, охотник. Меня уговорили быть бригадиром у оленеводов. На днях начну наручу готовить, надо упряжь готовить. Отсюда мои олени ушли 20 июня, к бригадному стану, когда комар начался. Рыбу – сырок много ловили в 1950-х годах, нужно отправлять самолетом. Тогда летал самолет (гидроплан) на Нум-то».

Обсуждение последствий деятельности нефтяников.
Участвуют Алексей М. Молданов, его сын Тимофей и Татьяна А. Молданова. (Записано 28.08. на магнитную ленту Татьяной А. и позднее предоставлен мне для включения в дневник).

Алексей М.: Три года назад на Нум-то начался загар. Там забайкальский сырок выпущен, стал гибнуть. Воды стало не хватать. Почему сухо стало? Потому что у нас газопровод с Надымом, все высохло, поэтому рыба начала загаром подыхать. Вот земле, как витаминов, воды не хватает. Речки у нас загрязненные с прошлого года. Откуда взять питьевой воды? Как бурят и оставляют мазут. Если несколько лет назад последние рыбные места пробурили – Вош-Юган и Кельси-юган. Если все будут бурить и все мазут оставлять, то рыбы в этих местах не будет. Последняя рыба только у нас тут (на Ай-Куръёхе – Н.Л.). Ужас будет. До Казыма ухи не будет. Все мазут будет. В прошлом году и нынче смотрел – по Казыму течет грязь и мазут течет, поэтому сейчас в Казыме рыбы мало. Потому что она к чистым вершинам хочет, а в вершинах, в некоторых местах опять сухо стало. Вода вниз уходит. Газовая труба идет, воздух качает вверх, а воду выпускает в Надыме вниз, вот в Нумтовском озере сухо стало. Поэтому рыба начала загаром подыхать, кислороду не хватает. В Хэтте тоже сухо стало. Туда забайкальский сырок отпустили в прошлом году. Большой хороший сырок ребятишки добыли. Хоть хорошая рыба пока есть в таких местах, но подохнет. Хорошие большие сырки, даже муксуны имеются

в Хэтте. Крупная хорошая рыба. Только если в этих местах прекратят, не будут бурить, то рыба, может, подрастет, если не будут трогать. Ну, последняя у нас территория, а то по Казыму рыбы не будет. Если сейчас запретят, отсюда уйдут (буровики) на другое место, то через год вычистится, промоется воздухом и дождем промоет. Рыба, может, будет. Нельзя в таких хороших местах трогать. Последнее место начали бурить. Они забрались на правые притоки Курьёха, здесь в 30-ти километрах бурят. Там зимой по 15–20 тонн рыбы добывали. На речке нынче прямо начали бурить, сейчас там стоит. На этом самом среднем Курьёхе буровая стоит опять в самой вершине речки: Что это такое? Неужели нету других мест? Имеются хорошие лесные боришки, круглые такие, где надо было бурить. А в рыбных местах нельзя бурить. На машину ведь воду надо, без воды машина тоже не работает. Мазут надо вычистить, солярку всякую, обработать вертолетом Ми-6. Даже птицы нюхают, воду пьют и там подыхают. Видимо, рыба так же пропадает под водой. В прошлом году у нас тут начал желтый мазут всякий течь. А у нас Миша потерялся, мы в Юильск пошли, месяц нас здесь не было. Ладно, что хоть в одной речке лебеди кричат, рыба осталась там на зиму. Где мазут был, рыбы не было в прошлом году. Сейчас рыба ходит немножко. Сильно, сильно, сильно мешают. Неправильно устраивают буровые. Есть в хороших борах озера, много воды. В таких местах если поставят буровые, то кто их будет винить? Пока немножко воды есть. А зачем в речках, рыбных местах бурить? Вот дорожники тоже ходят. Везде здесь свалили лес через 400 м (просека) 4 раза, так и оставили речки закрытыми. Тоже загар бывает, а у рыбы последние угодья, и они сухие стали. Дорожники тоже свалят и речки закрывают. Лесу сколько здесь портят, ох, сколько портят – жалко. Валят, тут и лежит гнилой, хоть куда девайся. Сейчас на некоторых шишках растут, кое-как росли,

кедр подох – все не будет расти. Когда я еще маленький был, годов 7–8 было, в Надыме экспедиция сверху ходила, на оленях ходили, везде здесь смотрели. Когда нужно, строили бы город. А то везде, везде мазут. А в таких местах, как Ямал, их сейчас строго держат. Если уйдешь с машинной дороги направо, налево – штраф тебе. Оленеводов законные места – туда не ходи. Глухаря стрелять на сторону не ходи. На Ямале ведь 250 тысяч имеется оленей. У них там стадо хорошее растет.

Тимофей А.: Там тоже сейчас война идет. Ассоциация «Ямал – потомкам» создана.

Алексей М.: Тоже война? Буровые № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 – тут 8 раз по 4 километра, в этих рыбных местах.

Татьяна А.: Какие экспедиции тут стоят?

Тимофей А.: Березовская геологоразведочная экспедиция, сейчас уже Главтюменьгеология.

Татьяна А.: А Югорская экспедиция?

Тимофей А.: Югорская экспедиция здесь каждый год сейсморазведку ведет.

Татьяна А.: А Березовская что делает?

Тимофей А.: А Березовская по буровым. И дороги они же пробивают, зимники пробивают до своих буровых. Каждый год. Вот на эту зиму 90–91 года наметили на сороковую зимник пробить. Пробивали через нумтовскую дорогу, сейчас прямую хотят пробить. С Курьёха, северного, левого Курьёха, Большой Курьёх мы его называем (на карте пишут просто Курьёх). С Большого Курьёха на Ай-Курьёх.

Татьяна А.: А почему той дорогой не пользуются?

Тимофей А.: А той расстояние больше получается. Наверно, новой легче пользоваться.

Татьяна А.: Номера вышек можешь назвать?

Тимофей А.: 40, 61, 32, 33, 70, 271, 272, 38, 37, 60, 75, 52, 53, ну и все, наверно. Сильно много их. По Казыму с 1960-х

годов бурят. Я еще в школе учился – бурили. 27–28 лет здесь бурят.

Алексей М.: В лесу полно железа. Сломанные тракторы там и лежат. Раньше железку не видно было, а сейчас в тундре выйдешь, так железа сколько валяется. Ох, денег много государство там теряет.

Тимофей А.: Это не наши трубы. Это американские трубы.

Татьяна А.: Ты говорил, что не зарастает.

Тимофей А.: Мы летели на вертолете, и раньше видел: в 15 км от Юильска. Буквально 3 года проходит, приезжаешь туда, молодняк уже подрос, он высокий. На навозе – это удобрение. В их удобрении – ничего не будет расти, они тоже «удобряют» землю.

Алексей М.: Лесные пожары дураки делают. Это один век растет человечий – 20 лет.

Тимофей А.: До 40 лет ягель не растет. Где олень съест – там ягель через 6–7 лет появляется. Оленеводство организовано, все разумно. Они пастбища в 2–3 года меняют, где ягель вытоптан, за 2–3 года полностью обновляется пастбище. А у нас уже не позволяет местность перемещаться. Уже не хватает: сколько выгорело, сколько вытоптали. Здесь профилей сколько! Пока мы на запор ходим – 3 км, самое большое, 2,600–2,700 до запора, и – 3 профиля. Не могут пройти по старому же профилю!? Ну, ладно, в 60-х годах, может быть, там ошибка была. Сейчас-то зачем делать опять? Можно же по старой дороге пройти, а нет – надо же опять новую рядышком пробивать. На Кутоп-Курье видел – так там вообще через 25 м профиль и рядом идут 10 км, они рядом идут. С 80-х годов новая дорога, профиль 6-метровый, и 70-х годов – вот он рядом, 25 метров. Расстояние 25 м, и у них что-то там изменится?

Татьяна А.: А кто эти профили делает?

Тимофей А.: Югорская экспедиция. В 70-х годах 3-я проходила, а сейчас 19-я, 18-я проходили, и вся разница.

Алексей М.: Все свалят. Дороги им нужны, кедры-то не нужны. Кедры жалко. Все орехи ведь с кедра, белки с них живут. Я последние 30–40 лет оленей держал в устье Курьёха. Теперь все сожгли. Даже бурундуков сожгли, медведей. Лес жалко.

31 августа. Мы живем в избушке («одинокой избушке» – как в хантыйской сказке) 5 дней. Здесь собралась интересная группа.

1. Хозяин – Молданов Алексей Михайлович, 58 лет (рис. 253). Это, несомненно, яркая личность – высокий, стройный, с крупными чертами лица, с характерными жестами. С 30 лет у него стали расти новые зубы (если старый сломан, но нерв не разрушен), и сейчас растут коренные зубы. У него очень развито чувство юмора, хотя на русском языке возможность проявления его ограничена. А.М. произносит русские слова правильно, но грамматику знает слабо.

2. Его жена Евдокия Кузьминична (по отцу Вагатова), 55 лет (рис. 254). Е.К. хорошо понимает русский, но говорит хуже. Они с мужем общаются на родном, хантыйском языке.

Это прекрасные знатоки традиций своего народа, его мировоззрения. Они знают много песен, в том числе Алексей М. знает героические.

3. Сын Тимофей, 34 года (рис. 255). Владеет хантыйским и русским языком. Неплохо знает верования, не говоря уже о бытовых традициях по уходу за оленями, охоте, рыболовству. Окончил школу, отслужил в армии, учился в Салехарде в зооветеринарном техникуме. По рассказам, проехал почти всю страну, много читает, осведомлен во многих вопросах и техники, и медицины, и много другого. Критический склад ума, любит спорить. Он договорился с вертолетчиками, чтобы нас с Татьяной А. доставили сюда, и полетел сам, чтобы

показать место посадки. Узнав от отца, что сейчас много уток, остался поохотиться, не полетел назад в Юильск с вертолетом.

4. Дочь Ульяна, школьница, 11 лет (рис. 254). Постоянно говорит по-хантыйски, владеет русским. Однажды Уля заявляет Тимофею: «Ты, *йейе*, обычно говоришь со мной по-русски, а сейчас по-хантыйски, и мне смешно тебя слушать».

5. Татьяна А. Молданова, дочь двоюродного брата Алексея М. (рис. 255). Приехала для записи песен у Алексея М. Говорит большей частью по-хантыйски, записывает песни, разумеется, по-хантыйски. Рассказы тоже, в основном, по-хантыйски, а по-русски только некоторые, касающиеся современного драматического положения народа.

Все мы занимаемся самыми разными делами. Ходим в лес за ягодами и шишками. Хозяева часто ходят к ближнему запору, проверяют морду *пон*. Если рыба нужна, ее несут домой, если нет – выпускают. Три дня подряд они уходят утром на дальний запор, который еще нужно достраивать. В это лето Алексей М. много работал на запорах, на будущий год будет ими пользоваться. Делать морду труднее и дольше, чем наарту – говорит А.М. В морде много всяких «штучек». В эти дни он строгал планки и делал решетки для запора, выстроил новые топорища из бересты для женских топоров.

А.М. сидит в обычной позе хантов – скрестив под собой ноги. Говорит: «Так привык. Если кто крикнет, чтобы быстро встать».

Евдокия Кузьминична, в основном, готовит пищу, кормит нас. Она ходит с А.М. на охоту, на строительство запора, шьет маленькие бурки в подарок внукам. Во время работы сочиняет песни. И она, и А.М. часто напевают во время работы. Когда возвращаются из леса, Е.К. при виде поселения начинает петь, мы слышим. И когда мы возвращаемся из леса, она при виде нас начинает петь.

Татьяна А. постепенно включила Тимофея в свою работу, он помогает ей записывать. Они обсуждают план, как организовать в январе 1991 г. медвежий праздник в Юильске. Из оппонента, постоянно спорящего с Татьяной, он превратился в ее сторонника, идут дружеские разговоры. Тимофея предлагает дальние идеи по организации кооператива, по возрождению традиций. Для зимних игрищ очень важно купить 49 оленей, нужны деньги. Тимофея предлагает написать и просить помощи у Р.М. Горбачевой, пригласить ее. Сочинили песню о ней, поют много раз. Оба считают, что нужно возрождать верования, обряды, это объединит народ. Таня: «Надо возрождать духов. Я буду говорить, что так и поняла духовное возрождение». Мы с Таней вместе внушаем и Тимофею, и Алексею М., что главное – отстоять свои угодья, сохранить землю. Все время идет переключение с традиционного мировоззрения на современные проблемы, и наоборот. Например, я предлагаю ввести в употребление хантыйские имена исконного происхождения. Татьяна А., подумав, говорит, что это невозможно. Имядается по имени умершего, а они все русского происхождения. Исконно хантыйские имена здесь не помнят. Иногда на ребенка приходится двое *ляксыс*, он живет с двумя душами. Я допытываюсь у Т.А., как же было с *ляксыс* до появления русских имел, как обозначали того предка, чья душа переселялась в новорожденного.

В таком ключе идет наша жизнь – работа.

Сегодня передали по радио (в избушке транзистор) о новом необычном явлении у многих людей в Литве – ожогах в виде листьев. Одно из возможных объяснений – действие инопланетян. Общий разговор о них. Алексей М. рассказывает: «Наши люди есть в космосе. Они прилетают, кружатся. Утром или вечером. У них много оленей, зверей, рыбы – все здоровые. На земле уже мало их осталось, и болеют. Когда

сердце у людей повернется, небесный народ выпустит на землю оленей, зверей, воздуху хорошего накачают». (Я спрашиваю: «Это небесный народ Вам рассказал?» Он отвечает: «Да, а откуда бы я знал?»). Таня вступает в разговор: «Наш космос наполнен. А космонавты летают, видят только пустоту, не могут встретить цивилизации».

Алексей М. рассказывает о медвежатах, чьи шкурки хранятся у него на священной полке. Ехал на оленях, упряжка в 5 оленей. Увидел медведя, собака стала за ним гнаться. Когда назад ехал, увидел на том же месте на дереве два медвежонка. Примета такая: если медведица оставила медвежат, значит – для людей, и надо их брать. Застрелил, привез домой.

Уже третий день идет дождь, вчера был такой ливень, что пролило углы домов. Пришлось убирать с полочки медвежат. В разговоре выясняется, что в день нашего приезда Алексей М. молился и просил дождя, чтобы поднялась вода в речке, и в морду стал заходить язь. Теперь получается, что он намолил дождь. Язь еще не заходит в морды, и А.М. думает, что вода будет подниматься дальше, язь ждет этого. Вчера вечером во время ливня Татьяна А. выходила на улицу, разводила руками тучи.

За чаем Алексей М. спрашивает: «У Горбачева какая избушка?»

Алексей М. решил сделать мне амулет из медвежьего клыка. Такие амулеты висят на мужских поясах, их носят, например, мужчины-ханты, работающие в авиации и бывающие в полетах. Амулет будет оберегать от всего нехорошего, ко мне не подойдет злой человек. Его нельзя передавать другим. Алексей М. однажды почти совсем отрубил кончик пальца, приложил его, провел амулетом по месту разруба и теперь ходит с целым пальцем. Его сын Михаил отрубил почти совсем три пальца, также приложили их, водил амулетом, и через три дня они срослись, а теперь двигаются пол-

ностью. Клык, который дарят мне, как и другие амулеты, держали год в жиру. Тогда он становится крепким, не трескается. Он уже освящен. Тимофей просверлил ножом отверстие, вдел мою цепочку, надел мне амулет на шею. На цепочке у меня была подвеска – белая лошадь на голубом фоне (армянское изделие в честь нынешнего года белой лошади). Эта подвеска тоже имеет для хантов символическое значение, связанное с образом *Ас тый ики*, всадника на белом коне. Подвеску хотели вначале положить на полку с медведями, но хозяйка сказала: «Лучше подарим *Тут ими*». Достала со своей полки в левом углу красный мешочек из ткани, вынула из него оранжевый платок, завязала подвеску в уголок. «Теперь она будет освящаться», – пояснила Татьяна А. Потом платок положат на огонь.

Из этой процедуры мне стало ясно, что в правом углу хранятся мужские святыни, а в левом – женские. Так же и вещи: на правой стене висят мужские (пояс и др.), а слева на нарах лежат швейные принадлежности. Мужчина садится за стол со своей стороны. Поскольку в домике два окна, то получается, что мужчина работает у правого окна, а женщина у левого. Все это размещение описано мною, если стать от входа, спиной к нему. У хантов же, как я отметила выше, название сторон жилища определяется стоя лицом к солнцу. И еще одна деталь. В эти дождливые дни залило правый угол. Алексей М. сделал еще одну полку над правой половиной нар и переместил на нее медвежат.

1 сентября. Вчера ходили на дальний запор. Там увидела, что на дереве, на сучок одета голова щуки, а рядом перекинуты через сучок две пластины щучьего мяса. Повешены они, судя по всему, сегодня утром, когда Алексей М. закончил строить запор и поймал первую рыбу. По его словам, в новую (белую) морду рыба не идет, нужно, чтобы она потемнела.

Сегодня Алексей М. в 11 часов ушел в лес и вернулся к 5–6 часам. Из рассказов постепенно выяснилось, что он сделал 11 перетасок, плыл на долбленке и перетаскивал ее по сухим местам. Я спросила его: зачем он ходил? Ответ: рыбу смотрел, рыба-то есть; на охоту ходил. С охоты он ничего не принес, да и не хотел стрелять, так как дома есть мясо. Вчера мы ходили смотреть слопцы и принесли глухаря и 2 тетерки. В общем, ходил вроде бы ни зачем, но иначе не может.

Сегодня мы устроили баню. Воду грели на костре, мылись в избушке. Мочалкой служила древесная стружка – очень хорошо массирует. Ею же вытирались после мытья. Евдокия К. мне: «Пусть Вам поможет наша хантыйская тряпка».

Татьяна и Тимофей решили сделать маленькое изображение *Ас тый ики* в качестве эмблемы ассоциации «Спасение Югры». Для начала решили вытатуировать его на руке, напротив сердца у тех людей, чья голова «поворнута к *Ас тый ики*». Такими являются, например, Тимофей и брат Татьяны А. – Илья. Таня продиктовала мне формулу утверждения обряда: «С этого момента жизни, с этого дня каждый, кто повернул голову к *Ас тый ики*, должен на той руке, которой работает (левой или правой), прямо на уровне сердца сделать такую наколку. Так велело небо». Так, по ее мнению, рождались новые обряды. Намерение сделать татуировку вызвало у Евдокии К. неодобрение: «Зачет напрасно делать?» Впрочем, сегодня из этого ничего не вышло, не удалось сделать вещества для втирания. У Алексея М. две татуировки в виде небольшого креста, одна из них – на верхней части руки у плеча. Это сделала его бабушка, когда делала кровопускание при болезни.

2 сентября. Тимофей неоднократно вспоминает, как его в школе-интернате обстрягla наголо учительница. Она работает и сейчас. После армии он вернулся домой. При случае хотел избить ее. Теперь вынашивает план остричь ее наголо.

Об этих пострижениях наголо и других травмах в детских душах хантыйских детей я неоднократно слышала и прежде.

Татьяна и Тимофей неоднократно спорили, можно ли мужчине ходить на священное место, где хоронят кошек (один из обрядов *Вут ими*) и хранятся выкидыши. Тимофей: «Можно». Татьяна А.: «Нельзя». Возможно, это свидетельствует о неточных представлений о традициях. Попутно Тимофей замечает: «Вот, на Семи холмах стали женщины ходить и осквернили это место. Теперь духи там не поселяются». Итак, в этом проявление результата осквернения.

3 сентября. Таня предложила мне погадать на медвежьей голове, что хранится на полке. Вначале она сделала это сама. Предложила мне задать вопрос и, подняв голову, определила, что ответ положительный (попадем ли мы к ее брату). Затем объяснила, что делать мне. Подойти к голове, стать близко к ней лицом, наполниться чувством любви и нежности, мысленно позвать *Пути щащи* и поднять голову. Если *Пути щащи* пришла, то голова должна быть тяжелой, «прилипнуть». Я попыталась это сделать, но ничего не получилось, мне трудно настроиться на этот лад. Таня заметила, что вообще-то у меня должно получиться. Это состояние близости к какому-то существу она заметила во мне при общении с собаками.

Алексей М. хочет строить дом в Юильске. Сыновья хотят делать его из нескольких комнат. Алексей М.: «Буду в одном краю обедать, в другом краю одеваться».

4 сентября. Сегодня Алексей М. сказал, что через два дня выпадет первый снег. Он определил это по гусям, пролетающим на юг. Они снимаются в Заполярье, на третий день долетают досюда, а вслед за ними идет снег (первый).

У меня с цепочки упал и потерялся амулет – медвежий клык. Я его искала на улице. Поделилась с Таней. Она говорит, что в тот же миг она почувствовала, где лежит амулет –

на нарах, где я сплю. Евдокия К. стала искать под подушкой, а Таня: «Да не там, а под шкурой» и указала точное место. Там амулет и лежал. По ее словам, в детстве она во сне находила вещи. Присутствующая при разговоре Уля сказала, что она тоже находит.

Идем в лес, собирать шишки. В это время Алексей М. идет на слопцы, там 4 глухаря. Здесь же рядом запор (дальний от избушки). Уля на моих глазах за 10 минут поймала блесной 4 большие щуки. Их, а также щук из запора, запустили в садок, там они будут до зимы, до конца октября.

Сегодня первый день, когда нет ни комаров, ни мошки. Это большое облегчение. Алексей М.: «Три месяца они командовали. На запор пойдешь, они даже навстречу летят, свежей крови надо».

Алексей М.: «У наших стариков, видимо, было золото. По рассказам, его положили в могилу в мешочках». Рассказывают за чаем, что некий Куклин (русский) наткнулся в лесу на лабаз, о котором ему было известно, что здесь была золотая баба. Он открыл лабаз, а там сидит кошка. Он испугался, закрыл и ушел. Алексей М.: «Если не *Byut imи*, то откуда в лесу, в лабазе живая кошка?»

В лесу готовим кедровые орехи, руки в смоле. Ханты взрезают щуку, снимают с внутренностей жир, снимают им смолу.

Вечером идет веселый рассказ о том, как Тимофей сосал грудь матери до 10 лет.

Мать Евдокии К. рассказывала когда-то, что одну девушку отдали в Сургутский край замуж. Там ей отец мужа говорит: «Иди в лодку, возьми больших лягушек, повесь сушить. Они такие вкусные, что рядом сидящему не дашь, сам только будешь есть». Я заметила, что это, наверно шутка, там лягушек не едят. Евдокия К.: «Это *йамынгвой*, листочки (*лапыт*) в косах *Пути щащи*».

5 сентября. За эти дни слышала много рассказов о реакции хантов и ненцев на словесные оскорблении, на уничтожение их угодий, жилищ, святынь – в общем, на все те новшества, что обрушились на них в последние 20 лет. При мне в избушке Татьяна и Тимофей возмущаются стихами Юvana Шесталова:

«Говорят, мы в чумах жили,
Что мышиных нор грязней,
Рыбью кровь со смаком пили
И не знали явств вкусней» и т.п.

Татьяна А. говорит Уле: «Ты лучше учи стих ненецкого поэта Юрия Веллы (не опубликованы):

«По Ватъегану нефть, нефть, нефть.
Лодку, сеть и весла пропитала нефть.
Щуку вспорешь – нож в нефти,
За водой для чайника некуда пойти.

На подоле чума масляные пятна,
Лес мой перечеркнут черной полосой,
Олененок детства, что так горько плачешь,
Я твой рот чумазый вымою росой».

Рассказывают несколько конкретных историй.

Ульяна Доголмазова из Хуллора, 68 лет. Потеряла в 1980-х годах свои угодья, священный амбарчик. На этом месте газовики построили поселок, больше поселка Казым. Она «потеряла себя». Из протesta стала купаться голая, над ней смеются «покорители севера». Завела вместо собаки поросенка, ходит с ним в магазин, укладывает с собой спать.

Аля Пяқ, 15 лет. 1987 год. В аэропорту г. Белоярского женщина, недовольная задержкой рейсов, заявляет начальнику аэропорта: «Что мы тут сидим, как грязные ханты». Аля накинулась на нее, стала бить, едва ее оттащили.

Володя Молданов, 29 лет. В 1989 г. плеснул в лицо горячим супом женщине в столовой, назвавшей его «грязным

хантом». Осудили, дали 4 года. Скостили еще 3 года, т.к. отец подавал встречное заявление об оскорблении.

Уля Молданова, 12 лет. Рассказывает много случаев, когда они слышат от детей в пос. Казым: «Хантюшки, хантюшки». «Мы подскочим, поддадим им и убегаем». Дети из Казымского интерната ездили в г. Белоярский на экскурсию. Их там толкают, кричат: «Олени, олени, убирайтесь отсюда».

Молодой хант, 17 лет. Вырезал на дереве изображение духа и повесился рядом. Художник Г. Райшев приходил сюда несколько раз и стоял по несколько часов, думал, думал.

6 сентября. Вчера целый день шел дождь, сидели дома. Алексей М. снова пел песни – о духах. Татьяна А. записывала. Провели еще одно угощение духов. Из бутылки водки первую полную стопку плеснули в огонь, он ярко вспыхнул. Все обрадовались: «Хорошо, Тут ими приняла, обрадовалась». Но до этого хозяйка принесла кусочек коры *хац юх* (осина), зажгла от печи, а дочь Уля обнесла все углы избушки, окурила. Потом кора лежала на донышке перевернутой чайной чашки. После одной из песен Алексей М. пояснил по-русски, что он несколько раз ходил на небо, входил в *корни хот*. «Хоть темно, все равно, думаю, зайду».

Речушка, на которой сейчас живет семья А.М. Молданова, не судоходная даже для лодок. На ней заломы, деревья лежат крест-накрест. Один из жителей Юильска – Куклин (русский) пытался пробиться на мотолодке. Разобрал один залом, дальше не прошел. На другой год приехал – здесь снова залом. Алексей М. трактует это так: небесный невидимый народ загородил эту речку, не хочет, чтобы по ней ездили.

Алексей М.: «Мой дед нож или железку с хорея втыкал себе в грудь. Мне нельзя – еще дети маленькие. Люди говорят, что нельзя, и я не делаю».

Приближается день нашего отъезда из избушки. Есть две возможности: идти пешком около 100 км или надеяться на вертолет. Но вертолет может быть только от буровиков, и договориться об этом может только Тимофей. Поэтому он сегодня выходит в Юильск. Неожиданно решает идти с ним и Татьяна А. Попасть в Юильск нужно и нашим хозяевам: получить пенсию, Уле нужно в школу. Я остаюсь, надеясь на вертолет. Уже три недели я простужена, болит горло, кашель. Начало положила сырья постель в сырьом доме еще в Юильске. Здесь добавилась поездка в обласке, когда пришлось сидеть в воде. Это плата за посещение озера с лебедями.

Поскольку завтра семья А.М. Молданова надеется уехать в Юильск, хозяин идет на дальний запор, закрывает его – вынимает морду. Снимает слопцы. Хотят сюда вернуться через несколько дней.

7 сентября. Мы с Улей идем к Алексею М., собираем и обрабатываем там шишки. Уля рассказывает: «У лебедя брат – дикий олень, у оленя – лось, у лося – медведь; медвежонок – самый младший брат». Чтобы была хорошая память у человека, нужно убить кедровку, взять у нее зоб и носить в кармане. Уля о себе: «У меня в детстве хорошая память была, а в школу пошла, потеряла ее. Сильно много задают, не знаешь, какое задание выполнять – по математике или литературе». Еще раньше я слышала от Татьяны А., что Уля пошла в школу очень боевой, немного говорила на 4 языках (свой, ненецкий лесной и тундровый, зырянский), была очень способной. Но Татьяна А. с родственниками предсказывали: пойдет в школу – там ее испортят. Так и получилось. Этот разговор о памяти начался у нас с Улей с того, что она не может за несколько дней запомнить 2 четверостишия из стихов Ю. Вэллы. И лучше знает стихи Ю. Шесталова о «грязных чумах». Тут Алексей М. вступает в разговор: У Шесталова в Березове брат, он живет в лесу, охотничает.

Когда Юван приехал, брат его уговаривал, а потом стал ругать: «Ты неправильно стихи пишешь, так не было». И стал бить Ювана.

8 сентября. Вчера говорили о том, что скоро начнется второе тысячелетие. Начали подсчитывать, кому сколько лет будет лет в 2000 году. Когда стали считать для Евдокии К., она сказала: «Тогда ведь новый народ народится, нас не будет».

У нас зашел юмористический разговор о том, что в избушку придут медведи. Я говорю Уле: «В избушке уже есть медведи» (имею в виду головы на полке). Уля серьёзно: «Они уже стали богами».

Вечером мы не улетели, вертолета не было. Что-то шили от безделья. Сегодня я с утра тоже починяю одежду. Уля: «Мы опять дорогу зашиваем, не улетим».

9 сентября. Уже три дня как ушли Таня с Тимофеем в Юильск. Мы не знаем, все ли у них благополучно. Вертолета за нами нет, другой связи с Юильском нет. Алексей М. видел сон, что Таня утонула, но он ее за длинные волосы вытащил из Казыма. Объясняет так: «Будет тяжело болеть – но выздоровеет – все-таки я вытащил».

10 сентября. Мы ждем вертолет 6-й день. Но это не огорчает, так как время проходит интересно и приятно. Ходим по ягоды, наблюдаю занятия семьи. Позавчера вечером ходили на дальний запор и слопцы.

Сегодня утром в окно ударились подряд две птички *кётка тев тев*. Маленькая, серенькая (с голубизной), головка черная, шейка белая. Уля их подняла, занесла их в дом, они ожили, улетели. Видимо, эти птички фигурируют в сказках, предупреждая героя, что его дом подожжен («*тев-тев*, твой дом подожжен»).

Вчера вечером шел разговор о покушениях на глав государства (под влиянием сводки новостей из транзистора).

Я сказала, что они носят под одеждой пуленепробиваемый жилет. У Алексея М. блеснули глаза: «Я так и думал. Мне Золотая Богиня тоже говорила, что нужно носить такое на груди, чтобы пуля не взяла. Лет в 50–60, говорит, всякое может быть. Мы сделаем лучше такую рубашку с пуговицами» (показал на груди от ворота). Я замерла, слушая. Вот ради таких ситуаций и стоит провести, якобы, бесполезно день рядом с людьми, занимаясь обычным для них делами. И это возможно только тогда, когда подолгу живешь с одной семьей, а не расспрашиваешь малознакомых людей. Алексей М.: «Сегодня ночью я видел, что громы все еще светят на небе зеленым. Так будут светить до снега».

Сегодня утром я приготовила котлеты из щуки. Хозяева назвали их *эпа нянь*. Это означает что-нибудь очень вкусное.

Уля маме: «*Анки*, сочини красивую песню на вертолет, тогда он прилетит» и тут же: «Спой песню Кристины». Мать поет. Уля рассказывает мне: «У нас Гриша несчастливый. Пока в армии был, у него белый олень умер и *люкун анки* умерла, Кристина. У нее сын умер. И она пришла к Тиме (Тимофей, брат Ули) говорит: «Запиши, хочу свою песню оставить». А 18 мая задушилась. *Люкун анки* – мать, обрезающая пуповину».

12 сентября. Когда Татьяна еще была с нами в избушке, рассказывала, что Семен Алексеевич, слепой (у него мы остановились в Юильске) много спит. Алексей М. заинтересованно слушает и говорит: «Это плохо. Слепым обычно сон не идет. Долго не проживет, земля к себе тянет». (Когда мы через день–два вернулись в Юильск, то узнали, что Семен Алексеевич повесился на днях, т.е. предсказание Алексея М. сбылось).

Хозяева избушки вместе рассказывают, что в 15 км отсюда есть бор. В нем вечером и утром при косом солнце видно, как блестят камни – отблеск заката. В этом бору они жили,

когда родилась Уля. Там есть большие белые камни, один в форме медведя. Недавно к Алексею М. обращались из экспедиции, спрашивали, не видел ли он золота. Он рассказал про этот бор, указал направление. Потом видел глубокие шурфы с соседнем бору, очевидно, геологи ошиблись. Я посоветовала Алексею М. больше никому о золоте не говорить. Если к нефтяникам добавятся еще золотоискатели – конец земле.

Отмечаю для себя, что Алексей М. не делал попыток и ему, видимо, не приходит в голову самому заняться этим золотом. Хотя только вчера по радио передали, что кто-то нашел камень с золотыми вкраплениями, сдал в банк и т.д.

13 сентября. В это день с утра Алексей М. принес очередных четырех глухарей. Я готовила котлеты уже из глухариного мяса, так много его было. В этот день наконец-то прилетел вертолет Ми-2, и мы улетели в Юильск. Вертолет был сильно перегружен: кроме экипажа из 2 человек, нас было 4 человека + собака + багаж (рюкзаки, 2 мешка с глухарями). Это опасно, вертолет может потерять равновесие и упасть. Но все-таки мы прилетели благополучно.

В Юильске нас ждала печальная новость: 6 сентября повесился Семен Алексеевич – хозяин семьи, в которой мы жили с Таней до отъезда. Он был слеп и тяжело переживал это. Выходит, что Татьяна А. записала его последние песни. Таня и Тимофей на пути из избушки в Юильск чувствовали боль в «плохом» участке головы – у правого уха. Они объясняют это предчувствием смерти. Семен Алексеевич был похоронен, его увезли на кладбище на тракторе, и теперь внук 2–3 лет ждет, когда он приедет назад на тракторе. Выше я писала, что в мае в соседнем домике повесилась бабушка Кристина. Сейчас в поселке снова воют собаки, народ ждет еще смерти.

От семьи Семена Алексеевича осталась его жена – фактически тоже слепая и различающая только близкие предме-

ты, и дочь Ирина с двумя малолетками. Отец этих детей – троюродный брат Ирины. Они бы поженились, но категорически возражают родители с обеих сторон. Первая причина – родство (у хантов можно жениться только родственникам после 4-го поколения). Вторая: родители мужа видят в Ирине неподходящую партию и хотели бы дня него лучшую невесту. Татьяна А. называет их «местные Монтекки и Капулетти». Между собой родители сильно враждуют. Живут семьи в Юильске через дорогу, но родители мужа подолгу живут в лесу. Как будет жить и растить детей Ирина? Работать не может из-за слепых родителей и детей (теперь только матери). Пособие она не получает ни на одного ребенка. Это нужно оформлять, что-то в документах у нее не так, а сельсовету на это наплевать. Сама Ирина человек такой: в 5 классе у нее обнаружили острый аппендицит. В больнице пос. Казым ей сказали, что нужно срочно делать операцию и сказали, в какой кабинет нужно идти. Она из одного кабинета вышла, а где тот другой – не знает. Пошла по известному ей пути – на самолет и улетела в свой Юильск. «До сих пор живу», – говорит она мне. Но пособие ей все-таки само не прилетает.

Мы прилетели в Юильск в 5 час. Через час Таня и Тимофей повели меня показать место для музея, которое они выбрали. С нами пошла и Настя – дочь Алексея М. Она училась в педучилище г. Салехарда, а сейчас перевелась в Ханты-Мансийск. Она – поэтесса, и через час знакомства со мной уже читала небольшое стихотворение обо мне. Наш путь к месту для музея шел через лесок, рядом с поселком. На деревьях висят несколько перевязанных берестяных кузовков с крышками. Это хранилище последов, здесь же хоронят своих кошек *Кати анки*.

Вечером мы ходили в лес. Мне дали спички – сейчас после смерти человека без них ходить нельзя. Таня носила с

собой и кусочек осиновой коры, в лесу она жгла его. В семье, где повесился хозяин, держат две коровы. Сразу после этого события они три дня не приходили домой, были не доены. «Они хоть откуда знают?» – удивляется хозяйка.

Таня с Тимофеем рассказывают, как они шли от нашей избушки до Юильска. В пути Таня провалилась в болото и вымокла вся насеквоздь. Да еще шел дождь. Развели костер и сушили одежду, хорошо, что была запасная. Позднее старая хантыйка в Юильске объяснила им, что они пошли в неположенном месте, поэтому и провалились.

Моя хозяйка Галина Ивановна интересуется, чем занимались хозяева избушки в те дни, что я там жила. Я рассказываю о взрослых. Она уточняет: «А Уля?» Я говорю, что она, в основном, играла. Галина Ивановна и ее дочь Ирина осуждающие говорят: «Она совсем не помогает матери. И другие дети у них так воспитаны. Наша Ирина уже в 7 лет умела стряпать хлеб, у нее была своя маленькая *нянькор*».

На другой день мы ходили с Таней и Тимофеем к Дарье Яковлевне, которую ханты называют *Кати анки* «мать кошек». Она живет у самого края посадочной площадки для самолетов и вертолетов – во времянке, пока строится дом, где она получит квартиру. Это шалаш, обтянутый снаружи черной пленкой, а изнутри – клеенкой. Сейчас довольно холодно, она постоянно топит железную печь. И не столько для себя, сколько для кошек.

Я видела около 10 кошек. Все – светлой масти с темными пятнами. У одного котенка на шее колокольчик. У некоторых подпалена шерсть – спят слишком близко к железной печке. Татьяна А. сказала: «Один из образов Золотой богини – черная кошка с белым пятном на шее. Еще один образ – белый непрозрачный камень». *Кати анки* напоила нас чаем, мы подарили ей нужные вещи – наперстки без шляпки, тесьму – нашивки на платье, платок. Собственно, на посещении

ее настояла я. Таня хотела сходить к *Кати анки* еще до нашего отъезда в лес, но тогда не получилось, а сейчас у нее было неважное настроение из-за нападок местного депутата райсовета Куклиной. Разговор с *Кати анки* был недолгим, так как подходило время нашего отлета. И шел он по-хантыйски, его содержание Татьяна А. передала мне уже в с. Казыме, когда мы в доме ее матери пили чай с сестрами Мариной и Ольгой.

Как оказалось, то предсказание о рождении Марины, о котором мы слышали в избушке у Алексея Михайловича, наполнено особым смыслом. То, что Марина предсказана, и предсказание сбылось, имеет какое-то отношение к культу Золотой Богини. Должен был выполнен какой-то завет богини, об этом знает *Кати анки*. Она расспрашивала Таню о Марине, которая для нее *пюкун эви* – дочь по пуповине, т.е. она отрезала у нее пуповину. Сказала, что очень ждет ее приезда. В Казыме Таня рассказала об этом Марине. Та не знала ничего ни о предсказании, ни о своей миссии, связанной с Золотой Богиней. Она замужем за украинцем Лучко, у них двое детей, работает в школе учителем. Ее дочь Наташа (10 лет) заинтригована рассказами о Золотой Богине и о своей маме. По моей просьбе, нарисовала Золотую Богиню, как ее представляет по рассказам Татьяны Александровны (ее тети).

У Татьяны А. с *Кати анки* был разговор также о наказе Золотой богини своему народу: «Когда зайдете в тупик, принесите мне в жертву 7x7 оленей». Татьяна А. спросила у *Кати анки*: «Это время пришло?» Та ответила: «Конечно, пришло». Татьяна А. еще больше утвердилась в намерении провести зимой медвежий праздник и принести жертву для *Вут ими*.

В Юильске мы ходили смотреть место для будущего музея. Прошли мимо склона, с которого Татьяна А. в детстве

каталась с ручной выдрой. Прямо против склона в лесу застрял навеки трактор, вокруг него развороченная земля. Рядом с поселком с этой стороны, на месте бывшей зверофермы расположилась сейсмопартия. На будущий год она, якобы, уходит. Возможно, на ее месте создадут часть музея – летнее поселение. Зимнее поселение будет в бору рядом с болотом. Музей задумывается сразу как культурное и развлекательное учреждение. Обсуждали планы при мне Татьяна А. Молданова, Тимофей Молданов, молодая семейная пара – ханты по фамилии Банк, переезжающие сейчас из Ханты-Мансийска в родной Юильск.

В Юильске мы с Таней получили письмо от Тани Гоголевой из Ханты-Мансийска. Она пишет о возвращении Асена Баликси из Юильска в Ханты-Мансийск. Здесь он выполнил, можно сказать, наш с Татьяной Молдановой наказ. В Юильске мы разъяснили ему строгость бюрократической системы, через которую ему не пробраться к народу, если он будет идти по инстанциям, начиная с Москвы. Предлагали иметь дело непосредственно с Домом творчества народов Севера и ассоциацией «Спасение Югры». Поэтому он отказался заключить договор о сотрудничестве с зав. отделом культуры Ханты-Мансийского окрискома В.И. Скакалиным. По сообщению Т. Гоголевой, тот был в бешенстве.

Вечером мы с Таней ходили к Полине – молодой хантыйке, вышедшей замуж за русского Рублева. В эти дни у нее произошла перемена взглядов. До этого она уже настроилась на «русскую жизнь», спрашивала: «Зачем нам все хантыйское?» Ее мама и отчим живут в лесу по-традиционному. Но в августе этого года впервые фольклорная группа хантов и манси ездила в Венгрию. В составе группы был молодой хант Афанасий Лозяков из Юильска. Он вернулся сюда и рассказывал о поездке. Это пробудило в Полине желание съездить в Венгрию, о чем она сказала Татьяне А. при мне.

Та ответила, что это возможно, если стать носительницей хантыйской культуры: петь песни или готовить изделия. Полина согласилась на то и на другое. Татьяна А. тут же подключила ее к подготовке январского медвежьего праздника – поручила разыскать большие котлы для варки оленевого мяса. Так на моих глазах Татьяна А. повернула к своей национальной культуре уже не одного человека, и что особенно важно – молодых. Среди молодых выявились, вернее, сказали об этом (ранее скрывали) многие, обладающие способностями экстрасенсов. Выше я уже писала о событиях этого плана в лесной избушке. Здесь, в Юильске, при мне молодая женщина рассказала, как она предсказывает срок события. Например, ждут на берегу прихода «Метеора». Ей «видится», что сейчас он отошел от соседней остановки. Зная, сколько он идет досюда, она подсчитывает время прихода с точностью до минуты.

Слышу от Татьяны А. о том, что магнитофон с записанными священными песнями теперь тоже «прилипает», т.е. на нем можно гадать, как на медвежьей голове. Вспоминаю в связи с этим рассказ Евы Шмидт, как ее исполнитель песен прощался с магнитофоном, как со святыней.

В Юильске мы ходили с Татьяной А. в гости к ее родственнице – Анастасии Ивановне. У нее муж был инвалидом войны, недавно умер. Она живет одна с кошкой и собакой. На шкафу с одеждой хранит узел со шкурой медведя. При мне доставала его, раскрывала, гладила шкуру, целовала медведя в глаза. Озабочена тем, как доставить из лесного амбарчика еще 5–6 таких священных шкур с головы медведя.

14 сентября. Мы вылетели из Юильска в с. Казым. Здесь выполнены записи событий последних дней.

15 сентября. Первый день занятий в школе. Меня пригласили, и я выступила с лекцией о народах местного края. Выясняется такое обстоятельство. Учителя казымской школы

лы обеспокоены тем, что из Юильска сюда хотят отправить детей младших классов, хотя там есть своя школа. Родители из Юильска мотивируют это тем, что местный учитель иногда записывает и не проводит занятий по 2–3 дня. Но всем ясна и другая, пожалуй, основная причина: родители хотят сдать детей в интернат, чтобы не заботиться о них.

16 сентября. Из пос. Казым мы с Татьяной хотим съездить к её брату – Илье Александровичу. Но погода пока не благоприятная, сегодня выпал снег. К поездке по снегу мы не готовы: нет одежды и обуви. Для жителей столь ранний снег – неожиданность, не выкопан картофель.

17–19 сентября. Ездили на три дня в лес, к брату Татьяны А. – Илье (рис. 258). Он окончил исторический факультет Тюменского университета, работал зав. интернатом в Казыме, но вынужден был уйти с работы. По объяснениям Тани и их матери, Илью «выжили». Он пользовался большим авторитетом у мальчиков коренных народов, ходил с ними на рыбалку и пр. Илья в виде протesta вообще не стал работать в школе, а ушел сторожем на газопровод. Его мы нашли в лесной избушке, где он проводил отпуск и охотился, рыбачил (рис. 259). С ним жил молодой, очень симпатичный внешне и внутренне Яков Молданов. Оба не женаты, хотя возраст около 30 лет. «Насмотрелись на женатых» – объясняет Яков. У Ильи была жена, но уехала. Таня говорила с Ильей о необходимости возрождения традиционной культуры, в том числе, и обрядов. Напомнили ему, что его «голова повернута» к *Ас тый ики*, он должен исполнять обряды для своего духа. В детстве Таня по поручению бабушки гадала, чтобы определить, куда «повёрнут» Илья. Тогда ей было 7 лет. Гадала на камушках. Белый камушек на Илью стал быстро расти под платком (Таня это видела), и старухи определили, что это *Ас тый ики*. Я пыталась заинтересовать Илью А. научной работой, предложила изучение разных ас-

пектов роли животных в жизни хантов. Он сказал, что ему хотелось бы заняться интеллектуальным трудом, но мне ответа пока не дал.

20 сентября. Из пос. Казым приехали в Белый Яр на рейсовом автобусе. За последний месяц закончена прокладка дороги из бетонных плит от Белого Яра до Казыма. И уже приезжала какая-то легковая машина без номера, обокрала несколько семей в Казыме.

Вылетели из Белого Яра в Ханты-Мансийск. Здесь дописываю дневник. Встречи с В.М. Куриковым (окрисполком), с Т.Г. Харамзиной (окружком партии), с Т. Гоголевой (президент «Спасение Югры»). Обсуждаем практические вопросы. Пишу очередное обоснование по их просьбе – на этот раз о необходимости большей самостоятельности Дома творчества народов Севера. Читаю лекцию в музее об истории изучения обских угров. Встреча с А.М. Коньковой. Показываю ей свой хантыйский амулет, она рассказывает следующее. У манси был такой обычай. Если двум молодым не разрешают пожениться, они распиливают вдоль надвое медвежий коготь и подвешивают каждый свою половину на шею. Потом показывают вместе это своим родителям и говорят, что поклялись на медведе. Тогда им разрешают жениться.

В Ханты-Мансийске сходила еще раз к Е.А. Немысовой, узнала о возможности рецензирования словаря М.К. Мугутаева. Она снова сказала, что они это сделать не могут. Е.И. Ромбандеева посоветовала посмотреть содержание словаря по русским словам, отражают ли они лексику народа (хантов). Это может сделать, – считает она, – и не лингвист. Русскую терминологию, т.е. перевод, можно отредактировать. Для издания обратиться в Ленинградское отделение изд-ва «Просвещение».

26 сентября. Выезжаю через Сургут в Томск. А завтра в Ленинграде состоится защита кандидатской диссертации

О.М. Рындиной. Здесь мне рассказали, что А.М. Сязи хорошо выступила с докладом об орнаменте на VII Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште. Это мои ученики.

2. ЗАНЯТИЯ

Недалеко от избушки А.М. Молданова есть озеро. *Лунк-корт-лор «Летнего поселения озера»*. В прошлом году его сын насчитал там около 500 голов птицы, нынче около 100. На этом же озере собрались гуси и утки, все вместе ночуют на острове. Они собрались здесь, так как в других местах их беспокоят буровики, дорожники. У А.М. есть два запора – близкий и дальний. У дальнего стоят слопцы на черных глухарей. Сейчас глухари еще не прилетают, пока есть мошка. Вообще глухарей стало мало. Зимой их вспугивают «Буранами». У дер. Юильск раньше водилось много глухарей, дети после школы охотились на них. Сейчас собак не привязывают, они давят выводки.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 29.*)

Обжитая территория семьи А.М. Молданова: с севера на юг 40 км, с запада на восток – 15 км. С 1930-х гг. это территория 10-й бригады колхоза, затем совхоза. Это были угодья предков А.М. Молданова, его братьев, а также Кузьмы Вагатова – отца Евдокии, жены Алексея Михайловича. В 10-й бригаде было 5 пастухов с бригадиром. Тогда они охотились, рыбачили на этой территории. Сейчас новый бригадир перевел стадо оленей в верховья Казыма. Это неверный шаг, так как олени возвращаются на привычное место. Сейчас территория, как будто, свободна. А.М. считает, что он проработал на ней 40 лет и имеет право жить-охотиться здесь дальше. Предлагаем ему оформить паспорт на эти угодья. Эпизодически здесь охотятся другие ханты, в этом А.М. не

видит ущерба для себя. На Хетте есть бор длиной 15 км, там хоть десять охотников сразу будут охотиться – дичи хватит. Он основную беду видит в буровых. Его участок на 5 рукавах Куръёха остается последним чистым в верховьях Казыма. Если здесь погубят воду и рыбу – это гибель для Казыма.

Ненцы жили в верховьях Казыма – Нумто, Пасовар. Они рыбаки, охотники, оленей тоже держали.

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 38).

2.1. Охота. Рыболовство

В лесу у А.М. Молданова стоят слопцы (рис. 260). В них ловятся глухари, но и лисицы. Для них делают приманку из мяса. А.М. делает слопцы и на медведя. Я видела в лесу недалеко и ловушку-слопец на росомаху. Это узкий коридорчик из бревен, приподнятый над землей. В него ведет с земли доска, по которой росомаха выбирается, задевает насторожку, и ее прихлопывает бревном.

Хур сэси – слопец на росомаху, *лук сэси* – слопец на глухаря. *Ханжсан луки* – глухарка.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 37).

На медведя ставили самострелы и петли, добывали в берлоге. Старики тоже. Медведи иногда стаями ходят возле оленевого стада, пастухи их убивают.

В слопцы попали 2 черных глухаря (самцы) и 2 копалухи. Их связали попарно, но не по тяжести (более тяжелых самцов вместе и легких самок вместе), а самца с самкой. Связанную пару перекидывают через шею, самец перетягивает по весу, нести так не очень удобно. Но делают именно так, а не иначе. Способ связывания: перекрещивают шеи, втыкают длинные перья и связывают их оперением (рис. 261).

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 42–43).

Позавчера вечером ходили на дальний запор и слопцы. В слопцах поймалось 5 глухарей. Уля поймала блесной 10 больших щук. На другой день утром туда ходил только Алексей Михайлович, принес 10 щук и двух глухарей (рис. 262).. Все это нужно съесть.

А.М. рассказывает, как собаки помогают охотиться на птицу. Белая собака Пата (рис. 264) находит глухаря, лает один раз, потом смотрит вверх и крутит хвостом. Глухарь наблюдает за белым хвостом, в это время подходит хозяин и стреляет. Лебедя можно подманить и без собаки, размахивая белым платком или своей белой одеждой. Утки идут к собаке сами.

Алексей Михайлович готовит к охоте на выдру лук-самострел *вонтар ёхал* (рис. 263). Он сделан его дядей лет 70 назад. Мать А.М. возила его всегда на нарте – может, пригодиться. Сейчас он немного выпрямился. А.М. хочет вернуть ему гибкость, для этого привязал веревочную тетиву и натянул ее на растяжку – палку с зарубкой, вставленную между тетивой и луком. Так постоит до начала зимы и вернет прежний изгиб. Лук из сосны более упругий, чем из ели.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 52*).

А.М. Молданов много и увлеченно рассказывает о глухарях. Приводит поговорку: «Сто оленей кончатся, а глухаринная стая никогда не кончится». Глухари ведь всегда прилетают токовать на одно и то же место. Вблизи избушки А.М. глухариного места нет, он долго искал и пока что не нашел. Поэтому его слопцы стоят за 7–8 км отсюда. И ежедневно он ходит их проверять. В каждый поход делает 1–2 новых слопца или чинит старые. Сегодня он снова принес 2 черных глухаря, 1 глухарку и 1 косача.

(*Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 53*).

Морда *пон* (рис. 264). Алексей Михайлович делает в год 5–6 морд, а когда он только что научился этому, и ему понравилось, делал по 8 морд в году. Морда с пластинами из кедра и сосны служит 3 года, из лиственницы – 10 лет. Сейчас у А.М. морды из лиственницы. Здесь этого дерева близко нет, привозят из окрестностей пос. Казыма. Здесь растут кривые, из них только нарты можно. Пластины *щёл* делают длинными на наружную часть – *вын-пон* и короткими на внутреннюю – *сювут*. Рама у широкого основания морды – *пынэнг*. На конце узкого основания, где дверца для выемки рыбы, обруч делают из елового сучка, т.к. он долговечен, и даже переносят его на новую морду. Другие обручи – из черемухи, их переплетают с пластинами корнем кедра, расщепленным на пластины. Из корней кедра раньше плели и арканы. Самые крепкие корни – еловые. Их делают 2–3 дня, скоблят, сушат. Морду нельзя держать на солнце, если у нее вместо корней использован капроновый слоистый шпагат, т.к. он плавится на солнце. А.М. только в этом году стал употреблять вместо корней шпагат, а на обручи – алюминиевую проволоку.

Рыбу, щуку ловили деревянной блесной *няли шог*. Особенно хорошо ловится на новый месяц, «когда он показывает зубы». Ловили и на приманку – окуня, ерша, оленью кость.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 41–42).

А.М. делает маленькую морду (рис. 265), чтобы носить ее на плече в новые места, куда он идет пешком. Однажды нес большую морду около 100 км. Во внутренней морде нужно делать у устья 12 планок – так учили его старухи. Это казым ёх *пон*. У него была маленькая морда – подарок старика с озера Нум-то. Буровики украли.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 46).

Перед уходом в поселок А.М. Молданов снял в запорах морды – *пэн*, а проход к ним между берегами и изгородью закрыл воткнутыми палками и сосновыми ветками. Через них молодь проходит, а крупная рыба нет. Она остается крупной добычей. Сейчас опадает листва, ее по воде наносит на изгороди запора. Каждый день нужно чистить (рис. 268). Но поскольку хозяева собираются уйти на несколько дней, то выше по течению поставили «мусорный запор» *лыпнам напам вар*.

А.М. Молданов вспоминает, что 7 ноября 1941 г. они с матерью приходили на это место, и она ставила сетку на рыбу.

(*Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 50*).

2.2. Оленеводство. Собаководство

Спрашиваю у стариков-хозяев об оленях: «Откуда появились первые олени?» – «Упали сверху». Я повторяю следом: «Упали с неба». Хозяева меня поправляют: «Сверху. Белки тоже сверху падают». Раньше олени крупные были, теперь мелкие. Крупные принадлежали *Казым ими*. От нее олени убежали к Салехарду, поэтому там теперь много оленей. На Казыме были большие стада домашних оленей. После Казымского восстания отобрали личных оленей, сделали совхозное стадо. Было стадо 20 тысяч. Сейчас все меньше становится, уже 13 тысяч, скоро и этих не будет. Молодые не хотят работать, у них много оленей пропадает – и личных, и совхозных. «Олена уважать надо! Мы дымокуры делали, всю ночь не спишь. Их ведь жалко. Сейчас дымокуры не делают, конечно, будут пропадать. Только на танцы в клуб молодые бегают».

Спрашиваю, можно ли приручить дикого оленя. Уверенно отвечает: «Можно». – «Знаете ли людей, которые приучили диких?» – «Здесь нет близко диких».

Спрашиваю, пробовали ли доить оленей. – «Да, молоко густое, вкусное, дает важенка пол-литра молока». – «Почему не доите?» – «Она не дает, держит. Если с детства приручить к себе, можно приучить и доить». – «Почему не приучаете?» – «Она ведь детей молоком кормит».

(Юильск, С.А. Вагатов, Г.И. Вагатова. 1980-1. Л. 18).

Раньше здесь олени тоже были крупные, я в Юильске и Ванзевате таких видел перед войной. Сейчас олени становятся все мельче, кровь смешалась. Раньше мы в бригадах следили, чтобы хоры были из другого стада. Теперь молодые об этом не думают. Олени были 160–200 кг, сейчас 120–130. У отца моей матери *Алю-ики* были такие олени. Он был неец-оленевод. Мать матери у Алексея Михайловича была сургутской.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 30).

Алексей Михайлович рассказывает об упадке оленеводства в Казымском совхозе. Одна из причин – болезни. Нужно ежегодно выбраковывать негодных оленей, но этого не делают, так как иначе не будет выполнен план. Сейчас у них директор совхоза Куликов. Нынче зимой пришел к нему, чтобы выписать патронов. Куликов его спрашивает: «Как ты думаешь, А.М., у нас нынче будет приплод?» – «Я ни одного слова не сказал, когда трезвый, мало говорю». Я спрашиваю, почему он не сказал ни слова. А.М. улыбнулся: «На другой год приду, скажу. Он там один сидел. Да еще собрался меня с бригадиров снимать, раз на пенсии. Тоже выбраковка».

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 36).

Около коралей хвоя на соснах становится темнее – от оленевого удобрения. С самолета видно и можно определить, где были корали. На корале у избушек (рис. 271) вижу ро-

гульки для оленя. На нарте под навесом хранятся ошейники для оленей (рис. 272).

Собак и летом держат на привязи, чтобы они не убегали в лес. Там они роют норы, лают на белок. От этого их нужно отучить.

У собак на шее подвески из деревянных развилок (рис.274) или обрубков дерева. Если они не на привязи, то на шею вешают на ремне рогульки, чурочки. Самым быстрым собакам привязывают лапу, согнув ее вдвое. Они называются *сохлын выли*. Зимой собак не привязывают, они помогают оленеводам. Быстрым оленям вешают на передние лапы по доске – для замедления бега.

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 37–38).

В избушке рассказывали, что одна из собак хозяина всегда внимательно наблюдает, как ее завязывают, а потом может развязать узел и убежать. Позднее рассказали даже о собаке, которую вывезли из лесу в поселок. Она развязалась здесь сама, убежала к лесной избушке и там развязала других собак.

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 57).

2.3. Орудия труда и домашнее производство

Шкуры здесь дубили ольховой корой *нёл*. Применяли и охру, сейчас ханты знают места ее залежей. У некоторых оленей шкуры бывают пропитаны серой с деревьев, о которые они трутся. Такие шкуры плохи и для постелей, потому что к ним прилипает одежда, и для одежды, которая на морозе слипается, а мех теряет свою пушистость.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 31).

Тимофей делает ножны по заказу Татьяны А. – для музея. В какой-то момент у него срывается нож, и он едва не ранит руку. Говорит: «По хантыйскому обычаю нельзя де-

лать ножны на заказ – пораниться можно. Нужно самому делать – и нож, и ножны. Или купить готовые».

Если у восточных хантов ножны делают из двух половинок, то здесь вырезают из цельного дерева. Вначале вырезают заготовку из сырой бересклета. В ней просверливают отверстия лучковым сверлом. Для этого их зажимают в своеобразные тиски. В лежащем на земле бревне сверху вырезают поперечную выемку. В ней с двух сторон навстречу друг другу кладут деревянные клинья. Между их острыми концами вставляют будущие ножны и подбивают клинья так, что ножны оказываются в тисках. Просверлив продольные отверстия, вынимают ножом внутренность ножен. Поперечное отверстие в спинке ножен тоже просверливают сверлом. Обработав внутренность, ножом же обрезают наружную часть до получения нужной формы.

Алексей Михайлович делает топорище. Вытесывает топором, затем тщательно снимает мельчайшие стружки небольшим ножом. Я наблюдаю за этой работой и говорю словами В.М Куземзина: «Хант никогда не делает работу наспех, а доводит до совершенства». А.М. замечает: «У меня никогда не бывает мозолей, потому что инструмент сделан удобно для руки. У меня спрашивают: почему у тебя мозолей не бывает? У кого мозоли на руках – тот не умеет работать».

(*Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 35*).

Выделка шкуры лебедя. Снимают мездру, расправляют распорками, сушат на воздухе. Обкладывают на день мхом, шкура слегка намокает. Трут о дерево (сосну), на ней остается часть жира и одновременно разминается. Затем разминают литовкой (металлическая часть косы). Шкурку ничем не смазывают, т.к. у лебедя жирная кожа. *Вуц* – состав из вытопленных рыбьих внутренностей. Для выделки шкур.

(*Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 38*).

Кии – березовый кап, из него делают рукоятки к ножам (рис. 276). Кап находит счастливый. А.М. всегда находит, другие нет. При мне он чистит рукоятку ножа своей жены. Срезает тонкие пластинки ножом, ошкуривает наждачной бумагой и смазывает рыбьим жиром. Здесь вижу много рукояток и из оленьего рога, даже маленькие ножны мальчик сделал из него.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 50).

Хозяйка обрабатывает шкуру оленя. Привычная для меня процедура, но вижу новое орудие *кур карты* «нога-железо», или *выли сух танл'асты карты* «оленюю шкуру мять железо». Это рогулька, один рог которой короче другого, между рогами поперек вставлена железная пластина. На другом конце петля. Шкуру привязывают к дереву, надевают петлю на ногу, ведут железкой по шкуре, оттягивая вниз ногой.

В прошлом у хантов была женская зимняя одежда с подкладкой из беличьих шкурок – *лопи сах*. Шкурки использовались целиком – с брюшками и лапками, 120 штук. Были и из одних спинок, *шишини сох*. *Кар кумэц* – гусь из дермантина (букв. из коры).

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 52).

Днем А.М. ремонтирует нарту. У всех его сыновей (3) и дочерей (2) есть отдельная упряжь. Он сожалеет, что не может достать несмыываемой краски для кожи на упряжь. Такая есть только у летчиков.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 53).

Кавэр – орудие для заготовки мха (рис.278). Он идет на строительство дома, на крышу *выли хот*. Особенно много мха идет на дымокуры для оленей.

Хозяйка смазывает шкуру оленя рыбьей печенью, немного поваренной в воде.

Слышу, как хозяйка говорит: «*руц пун*». Выясняется, что это белый шпагат, расщепляемый на тонкие волокна.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1).

3. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Оленный транспорт. Мы видели, как на спинах оленей перевозили груз. Для этого использовали деревянное приспособление *шаши хуват тобри* «вдоль спины тобри» (термин перевела Татьяна А. и объяснила, что *тобри* не переводится). Это две палки от хребта по бокам, на концах они соединены веревкой. Тимофеем видел такие на р. Надым в 1982 г., на стойбище Алю Выла (рис. 280).

Олени нарты изменились за 20 лет: стали шире, и копылья стали более наклонные. Это для езды по мху летом, а раньше по мху не ездили.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов, Т.А. Молданов. 1980-1. Л. 30).

Нарту для оленей лучше всего делают ханты. Это и зыряне говорят. До нарт груз перевозили на *тобри*. Спрашиваю: «Кто перевозил?» – «Ненцы». – «А ханты в это время на чем перевозили?» – «Не знаю».

Первые нарты были на двух ногах *кет куранг охаль*. На ней особенно хорошо весной и летом, не тащит много травы за собой. На полозья летних нарт лучше брать сосну, кедр; а на полозья зимних – лиственницу.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 41).

Тимофеем рассказывает, что хантыйская оленья упряжь отличается от ненецкой и зырянской. «Чем?» – спрашиваю. – «У них делают только лямку, а пояса в рабочих упряжках не было; его надевали только в праздничной упряжке».

У Евдокии Кузьминичны такой пояс сшит из желтого сукна с красным узором, по кромке обшил шкуркой росомахи.

Для соединения оленей в упряжке на лямке делали петлю, к ней присоединяли соседнего оленя. Уздечка была только из налобных пластин, «Намордника», по выражению Тимофея, не было.

(*Юрты Ай-Куръёх, Т.А. Молданов. 1980-1. Л. 44*).

На собаках здесь не ездили, но иногда используют для перевозки. Мать Алексея Михайловича возила рыбу с запора на маленькой нарте, запряженной собакой. Сам А.М. иногда запрягает собак в оленью нарту, используя оленью упряжь.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 46*).

Летом – лучше всего нарты из ели; зимой нарта лучше скользит, если полозья из кедра. Ноги (копылья) – из лиственницы. Полозья из лиственницы быстро изнашиваются.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 57*).

Лодки.

Лодки ненцы делают из одного дерева – *юранг хоп*, а ханты из трех – *ханты хоп*. Они больше поднимают и не такие верткие. Их делают из кедра, елки. Долбленки из осины *хоп юх*. Они хороши как выездные.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 41*).

4. ЖИЛИЩЕ

Молдановы Алексей Михайлович и Евдокия Кузьминична работали в оленеводческой бригаде. Их зимняя избушка (№ 1) стоит на р. Казым. В ней живут с 20 ноября до 1 апреля. На лето–осень переезжают в избушку (№ 2), где мы находимся сейчас. Эта избушка построена только в прошлом году, а до этого здесь жили в чуме. Есть еще осенняя избушка (№ 3) для охоты на *Хум-санг-югане*. Там охотятся сыновья на осеннюю белку и выдру. В прошлом году там изъездили все на вездеходах, выдры, наверно, не стало, она шум не любит.

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 21).

План двора (рис. 286): 1 – жилая избушка (*юх хом*); 2 – навес для хранения нарт, продуктов; домашних вещей и культовых предметов (*нурум*); 3 – навес для сушки рыбы (*хули сувак*); 4 – хлебная печь (*нянь кёрп*); 5 – наружный очаг, костер (*рат хар*) с навесом для сушки рыбы; 6 – рабочий шкафчик (*нурум*) с мужскими инструментами и поделками; 7 – навес для вещей и посуды; 8 – склад сущеной рыбы (*хул’-хом*); 9, 10 – собачьи будки, покрытые мхом (*тун хом*); 11 – олений кораль (*пошас*).

Навес, покрытый толем – *толюм нурум*. Качели – *тёй-тёй*. Дрова – *тут юх*. Поленица – *тут юхи лай*.

План избушки (рис. 287): 1 – полки с головами медвежат (*вул олэн нурум*); 2 – полочки (*ай нурум*); 3 – сумка для рукоделия (*йонтэсты хир*); 4 – окна (*иини*); 5 – стол (*пасан*); 6 – сидения (*омэсты ларац*); 7 – площадка у очага (*кёрп сунн*),

вся площадка с печью – *рат*, ; 8 – железная печь (*карты кёр*); 9 – шесты вверху, для одежды (*нурун*); 10 – полочки для мыла (*лунчех тайты нурум*); 11 – умывальник (*лувыты ильши хушап*); 12 – веревка для платьев хозяйки дома (*йернас ихиты тахи*); 13 – полка для мяса

Стены – лэнэн. Сени – кладовка. Дверь – ов. Нары – шинэш. Пол – хот хари. Балка – шур.

Избушка срублена в угол-чашку (рис. 288). Сделано все без пилы, только топором. Некоторые бревна ошкурены частично лопатой, так что на них осталась пленка. Другие обтесаны топором. Между венцами мох. Без потолка. От стены с входом к противоположной стене проходит коньковая балка и по три слеги слева и справа от неё. Поперек слег настелена обрешетина из палок, она покрыта сукном, а поверх него – черной полиэтиленовой пленкой *кар сух* ‘корьевой материал’. Пленка не промокает, но и не выпускает внутреннюю влагу; крыша отпотевает, и влага капает в дом.

Нум вот йещальт – верхнего ветра направление. С этой стороны делают вход в избушку и в чум. *Ат йещальт* – ночная сторона. Туда вход нельзя направлять. Если избушка или чум стоят на берегу реки, вход направлен тоже на юг. Татьяна А. Молданова наблюдала такое на р. Лямин.

У избушки А.М. Молданова есть пристройка. У нее свой вход, обращенный на восток (рис. 289). Внутри пристройки – вход в избушку, обращенный на юг. Пристройку к избушке сделали сыновья Алексея Михайловича, раньше таких пристроек не делали. Она из тонких жердей, прибитых гвоздями к стойкам по углам.

В избушке нары высотой в два бревна. На конце нар, ближнем к входу, постелены две крашеные доски. Они взяты из чума.

Сын Михаил сделал над нарами своего рода турник: между балками вставил шест. Он делает на нем зарядку.

Дочь Уля (11 лет) называла его, как и качели *тёй-тёй*, а мама – *ныр*. *Тейиты* – подтягиваться. А.М. рассказывает, что на него садится кошка (образ *Вут ими*) и росомаха. Они приходят через крышу, но как – он не знает. Я предположила, что через отверстие, которое делали в крышах старинных землянок. Он сказал, что такая землянка есть недалеко отсюда.

Келаң пеләк – веревочная сторона, направо от входа. *Келаң* – это название вожжи, которой погоняют оленей. Ее держат в правой руке, хорей тоже в правой. Сторона налево от входа называется *хуниш пеләк*, что означает «безверевочная сторона» (слово «веревка» в нем отсутствует); это рука без вожжи. Понятия эти применяются и по отношению к лодке. Например, говорят: «Пересядь на *хуниш пеләк*». Отсчет идет, обращаясь лицом к солнцу. То есть, в избушке это получается, лицом к входу. Сторона с входом – *хат пеләк* «солнечная». Противоположная – *ат пеләк* «северная». На ней никогда не делают окно – по завету предков.

Угол направо от входа, у дальней стены, т.е. на мужской половине – *йемынг сунг* «священный угол». В доме А.М. Молданова там наверху есть полочки. Когда он на столе ставит угощение для духов, они приходят в священный угол. Такая же полочка и в левом углу. Когда мы приехали, на левой полочке лежала шкурка медвежонка. Я спросила, почему на левой. Хозяйка мне объяснила, что над правой полочкой протекает крыша. И тут же перенесли шкурку с левой полочки на правую.

Когда в прошлом году впервые поселились в новую избушку, то «делали стол» для *Пути щаци*, *Вут ими* – для всех богов.

Свое новое место поселения А.М. назвал *Йилуп корт* – Новые юрты. Один из друзей спросил его – как назовешь свои юрты? Он сказал: «Новые юрты». Так теперь и будет называться. Татьяна А. назвала их *Ай корт* «маленькие юрты».

Чум покрывали берестой, вываренной и сшитой. Шесть кусков на одну половину и шесть на другую. Брезент – *пяршият*. Его привезли в 1957 г., мы купили и перестали делать берестяные покрышки.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 21–25).

Название частей жилища. В чуме: *ов олэнг* – женская половина, или часть (*ов* – нижний); *вут олэнг* – мужская половина, или часть (*вут* – верхний). *Ов олэнг* означает часть у двери, *вут олэнг* – часть у противоположной стены. В избушке женская половина называется *имит пэлэк* (слева), мужская – *икит пэлэк* (справа). Граница условная – по коньковой балке. Есть еще *пухлэнг олэнг* – сторона, место сыновей.

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 35).

Алексей М. рассказал о землянках *мув хот*. Они сверху покрыты мхом. В них жили *саран ёх*. Давно, об этом еще дедушки рассказывали. Оленей у них не было, только охотой жили. Потом еще раз приезжало много зырян, когда колхоз создали. Они оленеводы хорошие. Всем места хватало.

Рядом с поселением три небольших выжженных участка леса. Это сделал Алексей Михайлович, чтобы затем росла новая брусника, он ею будет лечиться.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 39).

5. ПИЩА. УТВАРЬ

Пища. Вечером хозяйки готовят рыбу в собственном соку, запеченную в сковородах в *нянь хор* «хлебная печь». Для этого годится только жирная рыба, которую ночью поймали неводом. На очищенной рыбе делают частые надрезы, затем режут ее на куски и укладывают в сковороды, посыпанные мукой (рис. 300, 301). Рыба тушится несколько часов.
(Юильск. 1980-1. Л. 19).

Евдокия Кузьминична, в основном, готовит пищу для нас. Варит рыбу, жарит ее в хлебной печи в сковородах (едим малосольную), чистит и нарезает, вывешивает сушить. В *хул хот* «рыбный дом» у нее заготовленная с лета сушеная рыба трех категорий: *чомах* (без костей, жареная и сушеная); *юхаль* – такая же: но с костями; *кузяк* – вяленая, т.е. сушеная только на ветру, несоленая (рис. 302).

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 32).

Хлеб (лепешки) здесь сначала пекли в костре. Потом как-то взяли невесту из других мест – *Паштар ни, Ас ни*. Это была мать отца Евдокии К. Она придумала печь. Спросили у богини *Вут ими*, можно ли. Она разрешила. Теперь пекем хлеб в печах (рис. 293). На палочках у костра не пекли. Сырую рыбу на палочках у костра не жарили [после моего рассказа о сургутских способах жарения у костра – Н.Л.], (*пути*) *щаци* не велит. Мы сушим сначала на ветру, а потом жарим у костра.

(Юрты Ай-Куръёх, Е.К. Молданова. 1980-1. Л. 34).

Кузяк делают из щуки и язя. Делают надрез ножом вдоль хребта. Разваливают надвое, отрезают голову, удаляют внутренности. Еще один надрез у спинной части хребта вглубь до шкуры, затем под хребтом, его убирают. Ребра остаются. Делают надрезы ножом поперек обеих половин (той, что без хвоста) делают прорезь. Так же обрабатывают еще одну рыбину. Теперь хвост 1-ой вставляют в прорезь 2-й, а хвост 2-й – в прорезь 1-й. Таким образом, они замыкаются; этой частью их вешают на шест (рис. 304). Сушат на ветру, если есть мухи, то делают дым. Едят в сущеном виде, но особенно вкусна вареная. С внутренностей вытапливают жир *хулвой*, в нем нарезанные кусочки желудка, печени, икра.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 42).

Щомах. Язя разрезают вдоль хребта, не нарушая спинной кожи. Отрезают хребет и брюшко с костями. Тушку надрезают поперек, сушат два дня на ветру. В сковородках ставят в теплую печь после выпечки хлеба, сушится одну ночь. Получается хрустящая рыба. Я сказала, что в Сургутском kraе *чомах* вначале жарят у костра на палочках, потом сушат на солнце. Алексей М.: «Моя мама на Надыме тоже так делала, когда летом рыбы много. В длинный костер – ветки ивы (*хацюх*) они не дают запаха». (До этого его жена Евдокия К. сказала, что нельзя сырью рыбу жарить у костра, видимо, разные традиции). Из сущеной рыбы разных видов (язь, окунь, щука), приготовленной по-разному (*юхал*, *щомах*) делали рыбную муку *порсу*. Рыбу толкли в узких корытах *хур*. Ели без добавок. Сейчас *порсой* кормят оленей. Они едят и сырью рыбу.

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 45).

Вечером, уже после чая ели сырью рыбку. Евдокия К. приготовила из щуки. Движением от себя снимает от хоста к

голове чешую, но не скоблит, а срезает пластами. Вскрывает, вынимает внутренности. Срезает пласти мяса над хребтом и ребрами. На столе его кладут на бумажки, режут маленьчи-ми кусочками и едят с солью.

Махорку смешивают с золой из чаги (*вэш*) и из другой березовой губки.

Ломтут – губка с березы. Пережигают для состава с табаком. Пережигают и чагу.

(*Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 47-48*).

Пирог с ягодным (черничным) вареньем без сахара – *вончумут таньнеге*. Пирог с головами язя, без верхней корки – *хулынг нянь*. Суп с глухаринным мясом и небольшим количеством манной крупы – *лант йинк*. Суп с глухаринным мясом и лапшой – *лопша йинк*. Рыба вареная – *кауртам хул* (едят и бульон, добавляют при варке сухой лук). Утиный топленый жир – *хыл вуй*. Рыба, только что пойманная, слегка подсоленная – *суланг хул*. Баранки – *калац*. Эпа нянь – вкусный хлеб. Соль – *сул*.

Хлеб из теста: мука, сода, кровь. Пекут на сковороде в жиру *хутэнг келинг нянь*.

Летом мясо хранят в яме, закиданной снегом, льдом.

(*Юрты Ай-Куръёх. А.М. Молданов. 1980-1. Л. 51*).

Утварь. Крыло для подметания пола (веник) – *йовэлсун*. Крыло для раздувания огня – *пялнэ ёвэлты йовэл*. Крыло для отмахивания комаров – *сун*. Используют крылья глухарей, лебедей, гусей (рис. 307).

Шкура – *тахты*. Перина – *пун хыр*. Подголовник из свернутой шкуры оленя – *усум тахты*. Раньше они были вместо подушек. Подушка называется по-русски. Циновки травяные – *турун тахыр лапи*. Циновки из березовых веток – *ицёл тахыр*.

Раньше бересту, вываренную и сшитую, стелили на нары. Невареная береста не крепкая. Варили в большом котле, ставили свертки, сверху закрывали красным мхом *тунк*. Здесь на этой речке мало берез, нет бересты даже *хинт* сделать. На нары стелили кору кедра *нохор юх кар* и кору ёлки *хэл кар*.

Кузов для ягод – *хинт*. Набирка для ягод – *вончуп* (рис. 308).

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 21–23).

6. НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Я спросила Алексея Михайловича, можно ли занять у другого человека ум. Он ответил: да. И печень можно. А.М. может делать и реальные операции – небольшие. Рассказывает, как удалил нарыв во рту у мальчика. У него есть хирургический нож. Когда олень проткнул ему рогом глаз, глаз выпал, но держался на нерве. Он велел детям вправить глаз в глазницу. Потом в больнице ему долечили. Вообще у него много было ран и повреждений. Его истоптали олени, переломали ребра, при этом были повреждены нервные окончания, после чего он стал нервным. От падения на нарту получил перелом в области крестца, теперь там опухоль. Нечаянно прострелил левую руку у кисти. Многое лечил себе сам, лечит и оленей. Например, он сам придумал, как лечить бельмо на глазу – втират порох. Применяет к оленям, вылечил и одной женщине – Галине Ивановне, нашей хозяйке в Юильске. Это было давно, сейчас она уже старуха и практически слепа, немного различает очертания предметов. Здоровым глазом она наткнулась на гвоздь. Была пьяна, а дом у них такой, что капает с потолка (строили совхозные рабочие), намерзает на полу. Она поскользнулась на обледенелом полу в сенях. Ее муж тоже слеп – он выпил в качестве спиртного «Лану» (состав для снятия электрических зарядов на одежде).

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 28.*)

Летом от комаров и мошек страдают все животные. Медведи, лоси, олени забираются в воду, медведи даже плачут.

Когда к осени животные сменяют ворс и не издают запахов, гнус больше их не беспокоит. И только домашние олени по-прежнему страдают. Особенно сейчас, когда за ними следят все меньше, им приходится отдыхать на загаженных местах.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 31).

Возле Юильска растет *лилэнг юх* «живое дерево». Тимофей называет его выюном. У него мелкий лист и очень крепкий стебель. Обвивает деревья. Нужно собирать листья сейчас, скоро высохнет. Лист нужно пить, как чай одну неделю. Пить нужно в пологе, чтобы другие не видели. Пока пьешь, нужно стараться поесть разной пищи. То, чего не поел в это время, после лечения есть нельзя – умрешь. Если соль в это время не ешь – потом всю жизнь будешь без соли есть. Собирать листья нужно с выюнка на березе или рябине. С елки нельзя – в смоле. С кедра – само собой нельзя (не пояснил почему). Брусничный лист или багульник *валь юх* пьешь от простуды, как чай, на другой день выздоровеешь.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 35).

Когда мы с бабушкой жили в избушке, ходили в лес, уставали, она обтирала меня мхом. После этого хорошо спишь. Мх используют женщины и для подмывания.

(Юрты Ай-Куръёх, Т.А. Молданова. 1980-1. Л. 37).

Спрашиваю, почему называется речка *Куръёх*? Тимофей: «Сюда к устью пришли трое *Молдан*, *Вагат* и *Макици* (Максим). *Вагат* стал рубить. Попал по ноге. Поэтому речку назвали «нога – кур». Сейчас людей, живущих на этой реке, называют *Курэнг велтэ ёх*, некоторые переводят: «пешком живущий народ», т.е. без оленей. Кузьма Семенович Вагатов пел песню о борьбе между *Куранг ёх* и *Юранг ёх*.

(Юрты Ай-Куръёх, Т.А. Молданов. 1980-1. Л. 38).

Если съешь мухомор, он в песне всю свою жизнь распишет. Есть нужно, смешав нарезанный мухомор с ягодами (любыми). Сутки будешь пьяным, в это же время придешь в себя. Некоторые много съедят, в землю головой лезут.

Для татуировки нужно делать раствор из березового угля. Он мягкий, вечный век будет держаться. Сосновым углем посыпают рану – сразу кровь останавливается, он сухой.

На слопцы лучше елку и кедр, они 20 лет не гниют, а сосна быстро гниет.

(Юрты Ай-Куръё, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 40).

Алексей Михайлович приносит в ладони щепочки от громового кедра. Заложит их в ствол ружья, чтобы закалить его. Объясняет: в них есть заряд от грома. Можно солью. Если же закалять на огне, то ствол может сломаться, когда бросишь на нарту, так как он становится хрупким.

Приносит горстку орех и просит дочь Улю сосчитать. Насчитываем 33 орешка. Он подсмотрел, куда их под мох спрятала кедровка. Называет кедровок «рабочий народ». Работают до смерти. Набирают столько орех в рот, что он продырявливается, и кедровка умирает. В сказках медведь попросил кедровку кинуть ему шишку, она кинула без орешков. Он сказал *мултас*, (т.е. предопределил): «Будешь вечный век голодной, раз пожалела».

Когда собака нечаянно укусит человека, ее не ругают, а то укус сильнее заболит.

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 46).

Хорошие медведи уже сейчас ложатся в берлогу, чтобы ее потом засыпало листвами, и не виден был выход. Хорошие медведи не нападают на оленей.

Молоки окуня (*нисынг*) – хорошее средство для заживления ран на лице от гнуса. Хорошее средство и для рук, смягчает, заживляет.

Лапат щурал хоп «с семью матками дом». В избушке Алексея Михайловича семь продольных балок: одна коньковая и шесть по двум скатам.

(*Юрты Ай-Куръёх*, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 48, 50).

Пленку с глаз удаляли так: подцепляли когтем бурундуком и срезали очень тонким острым ножом.

По наблюдениям Алексея Михайловича весной от слепящего снега не болит голова, если всегда закрываешь голову капюшоном малицы.

О пожаре рассказывают, что он переходит через реку Казым и даже через Обь. Старухи говорили: «Он прыгает в виде красной белки».

(*Юрты Ай-Куръёх*. 1980-1).

7. МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ОБРЯДЫ

7.1. Мифологические представления

А.М. Молданов рассказывает свой сегодняшний сон. *Бут ими* накрыла весь земной шар платком – зеленым, как небо, и кисти по краям. Когда видишь сон с духами-богами, то после этого наваливается тяжелый сон. Хочешь досмотреть, а не можешь, засыпаешь.

Бут ими колет меня ножичком – маленьkim, как иголка. Я могу вытерпеть 300 уколов или 750, больше – можно умереть.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 25.*)

Алексей Михайлович пел песню-предсказание. Татьяна А. записала ее и была под большим впечатлением. Она уже не раз говорила, что сейчас в народе накапливается энергия, это чувствуется по всему. Это предсказание небесного невидимого народа. А.М. не раз рассказывает мне по-русски об этом предсказании: «Сейчас люди живут с перевернутыми сердцами (при этом он перевернул руку ладонью вниз). Они неправильно живут, убивают друг друга. Скоро наступит такое время, у людей повернутся сердца (повернул ладонь вверх), все будет хорошо. Ему лично они предсказывали, что у него наступит хорошее время, когда сыну Михаилу будет 16 лет. Кончатся болезни. (Сейчас Михаилу как раз 16 лет).

Еще о предсказаниях. Прабабушка предсказала Тане имя одной из ее сестер – Марина. А ведь тогда такого имени во-

обще не знали. Когда много позднее родилась Марина, и ей дали это имя, о предсказании бабушки не знали. Только потом это выяснилось. Предсказала она и то, что Марина будет много писать на бумаге. (Рассказывая об этом, Евдокия Кузьминична сидела, держа на коленях доску для раскroя, и стала часто-часто тыкать острием ножа в доску, чтобы показать движения бабушки – как Марина будет писать). Марина начинала учиться на медика, но стала все-таки учительницей. Татьяна А. уже сделала предсказание о внуках Марины, у которой сейчас сыновья 15–19 лет и дочь 10 лет. Как объяснила Т.А.: «Видишь вдруг, как будет». По-хантыйски фамилия Молдановых произносится *Молтан*. Я спросила о значении слова, Т.А. объяснила: «От мултан – ворожить».

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 26–27).

Сидим в избушке, гремит гром. Алексей Михайлович рассказывает: «Это тоже наш народ. На небо ушел несколько поколений назад Максимов (*Макци*) – наш родственник. Когда они уходили с нартой, неделю их было видно. Эту нарту и сейчас видно на сопке между Юильском и Надымом, с самолета видно. У них железные инструменты, железные лодки, железо гремит. Их можно пригласить в гости. Если гремит, можно позвать в избушку, они переночуют, греметь перестанет. На другой день гремит в другом месте – они ушли. Это небесный народ – без пупа. (Кстати, по словам Евдокии Кузьминичны и Ульяны, Алексей Михайлович тоже без пупа). Они и погоду говорят, когда дождь будет. Я с ними разговариваю».

Вечером перед сном А.М. сказал, что он пригласил гром переночевать с нами. «Один раз тоже приглашали, тогда в лесу ночью светилась в одном месте молния – как фонарик. Небесный невидимый народ сильно людей любит, заботится о них, хочет помочь. В лесу тоже есть невидимый народ, у

них есть избушки, дети. Когда просеки для дорог или для сейсмопартий рубят, то разрушают эти избушки. Лесной народ остается без дома, детишки плачут – я это слышу».

Который человек честно живет, то умирает без болезни и мучений. А болезни даются тому, кто обманывал.

А.М.: «*Moц xo* – тоже наш народ. Он гнал лося шестиногого, теперь звездочки на небе. Отрубил ему две ноги саблей, чтобы люди могли догнать. *Курынг Вой* – Большая Медведица. О ней есть песня». При мне А.М. исполнил ее, а Татьяна А. записала на магнитофон. *Moц xo хот* – созвездие Плеяды. (А.М. сказал: «Где много звезд». Т.А., хорошо знающая звездное небо, объяснила, что это Плеяды). Его отправила одна бабушка. Сварила ему пищу, в нее положила ногти внучки. Млечный путь – лыжня».

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 27–28).

Хозяева избушки и Татьяна А. часто говорят о *Вут ими* (рис. 310). Т.А. относит себя к богине *Вут ими*. От нее и сила, умение идти до конца в начатом деле. Все из рода Молдановых, имеющие своей богиней *Вут ими*, такие. Они умеют заставить других выполнить их волю. Их называют *вырэнг* «волевые».

Большая часть разговоров в избушке идет на хантыйском языке, иногда на русском. Вот эпизод, рассказанный по-русски. Алексей М. говорит, что ханты знали страну Индию. Я спрашиваю, было ли в их языке название «Индия». Тимофей (сын А.М.) уверенно говорит: «Нет, не было. Я хорошо знаю хантыйский язык, там такого слова нет». А.М. тут же говорит: «Есть. *Индий мув*. Оттуда привезли Золотую бабу *Сорн ими*. Привезли 7 человек на лодке и поставили на берегу». Татьяна А. при составлении генеалогии своего рода выяснила у Алексея М., что привезли ее *Макици* (Максимовы) шесть поколений назад. «Наши люди

подошли, она стоит. Весит 500 кг. Ее много раз воровали, 500 лет назад увозили к морю, к Салехарду. Каждые 7 лет ханты перевозят ее на новое место.

Ас тый ики «Старик вершины Оби» (рис. 311). В верховьях Оби у него стоит елка. Сегодня Татьяна А. и Тимофей спрашивают меня, была ли я на месте слияния Бии и Катуни, т.е. в вершине Оби. Отвечаю, что нет. Сведения о привозе Золотой бабы вносят для меня какую-то ясность в вопрос об ее происхождении. Меня всегда вводило в сомнение то, что она «золотая», т.е. из золота, а у обских народов более распространены были священные предметы из серебра. Если же она была привозной и каким-то образом связана с Индией, то, возможно, здесь и кроется разгадка. Говорю об этом Татьяне А. и Тимофею, а заодно и о том, что образ их божества в виде всадника на коне связан происхождением с иранским Митрой. Тимофей сразу же: «У нас есть выражение со словом Митра, мы это слово не понимаем. *Муй митра, муй пищ* «что за митра, что за пищ»? Так говорят о чем-то необычном.

(*Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 29–30*).

«Думаете, откуда в земле газ и нефть? Жили на земле люди и олени. У них был жир. Потом была льдинка, они все под ней остались. Потом льдинка ушла, мы стали жить на земле. Нефть, газ – от тех людей, и мамонты в земле тоже. Мы тоже погибнем, от нас что-то на земле останется».

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 30*).

Я спросила, как по рассказам стариков, появилась земля? – «Достали две гагары *Торвой*, ныряли, у них горло лопнуло». – «Только гагары?» – решила уточнить я. – «Им гагарка помогала». – «Как ее название?» – «Лули». Здесь я стала рассказывать, как мне при подготовке одной статьи

пришлось устанавливать точное научное название этой птицы на русском языке. Это красношейная поганка. Татьяна А. вспомнила, как ее отец убил маленькую гагарку с красной шеей, и бабушка ругала его. Алексей М. сказал, что *Ас тый ики хур* – это маленький острохвостый гусь, его убивать нельзя.

(*Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 36*).

Спрашиваю А.М.: «Куда девался *саран ёх* из землянок?» – «Не говорили старики. Наверно в войне погибли. Сильно воевали раньше. В нормальной одежде спать не ложились, всегда с оружием. Враги приходили с востока. Потом русские помогли, построили Юильскую крепость, березовские, ванзеватские ханты им поэтому помогали».

Когда бы потоп, вода огнем горела. Построили плот в семь слоев. Когда шесть слоев сгорело, увидели землю. Это будет снова, всю землю промоет, трава зеленая снова вырастет.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 41*).

Пока шелущим шишки, спрашиваю Евдокию Кузьминичну, кто создал кедры. Она говорит – не знаю. А.М. говорит: «*Ас тый ики*». Уля рассказывает вкратце сказку, как *Ас тый ики* пошел свататься за дочь царя. Выполнял разные его задания, получил дочь, поехал с ней домой. Ему вслед послали войско, он сказал: пусть оно превратится в кедры.

Кто создал мошек *пильны*? (Е.К. о них: *атумвой* «плохой зверь»). Ответ: *Торум аици*. Он же создал вшей. Когда людей первых сделали, они спят и спят. Он спустил на них целую шапку вшей. Теперь они рано встают.

Медведь предложил бурундуку быть его сестрой. Тот говорит: как я буду сестрой – такой маленький? Медведь прошел ему лапой по спине – остались полосы. Теперь бурундук

сделает запасы ореха и морошки в норе, а медведь их находит и раскалывает. А был бы сестрой – не искал бы.

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 43).

О глухаре есть сказка, почему он не полетел на юг с другими птицами: «А что будут есть большеголовые (т.е. люди)?» Остался, а лебедь отдал ему часть белого оперенья. Поэтому крылья у глухаря внутри белые.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 44).

Спрашиваю у Алексея М.: «Почему у хантов, которые держат только собак и оленей, бог *Ас тый ики* ездит на коне? Ответ: «Он живет в вершине Оби, там ведь лошадей много. *Ими хилы* тоже на коне ездит, он и *Ас тый ики* – один и тот же.

Вопрос: «Как далеко ходили местные ханты на Север?» – «До устья Надыма. Были большие крытые лодки *саран хон*». – «Почему так называются?» – «Наверно, первый зырянин их построил».

А.М. однажды точно предсказал, кто подъезжает к его дому, когда залаяли собаки. Он назвал имена. Он слышал, как об этом сказали собаки. Дочь Уля говорит, что у него когда-то была белая горячка, после нее он предсказал, что народ в Юильске весь умрет. Скоро начали умирать – кто по пьянике, кто в драке, тонут.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 48).

Щука воевала с куропatkами, глухарями и дикими оленями. Я спрашиваю: «Почему воевала? – «Потому что *выранг* (волевой)». В один день нельзя есть щуку и того, с кем воевала. А.М.: «Мы-то едим, но нельзя». У глухаря, убитого во время токования, нельзя есть голову.

Лебедь – сестра дикого оленя и бобра. Бобр слышит лодку за шесть поворотов, а лебедь за три. Когда бобр встретит-

ся на суше – охотиться на него нельзя, нужно повернуться и уйти, чтобы он не ушел с этой земли. Охотиться можно только в воде. Бобр возит детенышней в нарточке из ветвей.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 50-51).

В старинных песнях пелось, что будут ханты и русские вместе жить, жениться, землю будут бурить; потом это кончится, ничего не найдут и ханты снова будут жить, как жили. А тогда еще никаких буровых не было.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 53).

В один из вечеров Алексей Михайлович снова говорил о *Макици* (Максимовых), поднявшихся на небо. Шесть дней их было видно, на седьмой исчезли. Каждый день они делали то же, что на земле: запоры ставили, оленей запрягали. Я сказала, как ваховские ханты рассказывали о последней нарте с грязной старой обувью. Евдокия Кузьминична тут же сказала, что и здесь было такое. Эту нарту отрезали, она-то и лежит на сопке между Юильском и Нумто (писала выше об этом). Эти люди с неба потом приходили к земным, но молодые стали над ними смеяться, они ушли. Старики выговаривали потом молодым, зачем они обидели.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 54).

Есть такие березы, которые растут вверх, затем изгибаются вниз, образуют кольцо и затем снова вверх. Мой отец встречал такую березу, и я тоже. Возле березы нужно принести в жертву семь оленей, и тогда через это кольцо можно попадать в другие миры.

(Юильск, Тимофей А. Молданов. 1980-1. Л. 63).

7.2. Души, духи, сверхъестественные существа

В эти дни, в моем присутствии, Татьяна А. и Тимофей Молданов обсуждают возможность жертвоприношения для *Вут ими*. Хотят устроить в предстоящую зиму. Это сильно подняло бы дух народа, возможно, и сама *Вут ими* ожила. Сейчас ханты не знают, живая она или мертвая – после того как ее святилище разорили, а ее богатства сдали в Ханты-Мансийский музей (об этом я записывала рассказ Т.А. раньше).

(Юрты Ай-Куръёх, Татьяна и Тимофей Молдановы. 1980-1. Л. 27–28).

Для Казымской богини *Вут ими* требуется ежегодная жертва – 49 оленей (7x7). Это самая крупная из жертв, приносимых разным духам. *Вут ими* привела на Казым оленей. Она носила саблю, кольчугу, из-под которой виднелись косы. Богиня находилась на Казыме, здесь же устраивали для нее жертвоприношения. (Ее место – *Вут вош*, по-русски Юильск). Варить пищу для нее во время жертвы могли только мужчины-манси. Для этого выписали двух манси с Сосьвы. Внук одного из них еще жив, уже стариk. Он три года жил с семьей Алексея Михайловича.

Двух манси привезли несколько сот лет назад. Они должны делать ножки к лабазу *Вут ими* и варить мясо пожертвованных ей оленей. Разделить мясо должны поровну все участники – как взвесить. Казымцы и с Полновата приезжали на поклонение Золотой богине. Она 7 лет живет в амбарчике, потом ей делают новый лабаз и перевозят туда.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 28, 61).

Когда убьют лебедя (ханты едят мясо лебедей, из шкурок шьют шубы), принесут в дом и смажут нос лебедя жиром. Сварив мясо, ставят чашку с ним на крышу – угощение

для *Калтац анки*. Она имеет образ лебедя. Тимофея рассказывает, что однажды он пил с друзьями чай в лесу и пообещал им, что сможет вызвать *Калтац анки*. Вскоре недалеко опустилась пара лебедей.

(*Юрты Ай-Куръёх, Т.А. Молданов. 1980-1. Л. 29*).

Спрашиваю у Татьяны А., нет ли песен, рассказов о том, что *Вут ими* ходила на Юган, или что там ее дочь-сестра (там есть дух женского рода *Эвут ими*). Татьяна говорит: «Нет. Записали уже все песни-предания о том, куда она ходила, где оставила детей, но о Югане речь не идет. Ее сестра *Vах ими*. *Вут ими* – так называют богиню низовские ханты, означает «Верхняя». Постоянно слышу, что ее называют *Пути щащи*. *Йем Вояи ики* – это ее сын.

(*Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 34*).

По медведю, добытому любым способом, устраивали праздник. Зимой убитого медведя целиком помещали на помосте (таком, как шкафчик рядом с избушкой Алексея Михайловича, рис. 290). Праздник делают, когда убьют. Забьют оленя. Весной, в марте медведя нужно проводить на небо. Еще раз праздник, забивают оленя. Снимают шкуру, вешают на березки, чтобы хорошо высохло. Делают это в святом месте, чтобы бабы не видели. В могилу нельзя класть куски от шкуры медведя или росомахи (она считается братом медведя). Медведь раскопает и вытащит. В лесу медведь не тронет, если его не тронешь. Он мужик умный. Нельзя хвалиться, что добудешь медведя, ни на каком языке, он все понимает.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 41*).

Я боюсь увидеть змею или даже ящерицу. Это к несчастью. Змеи – это косы *Вут-ими*. Они людям не показываются,

такие умные. Я иногда след на песке вижу. Ящерицы – завязки на ее *шешикан сахе*.

Дух дома – *Тут ими*.
(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 50).

На Казыме тех существ, которые живут в лесу, обросших шерстью, называют *тункус*. Таня определяет их как гомонидов. *Тункус, тункус* – существа большого роста, немного покрытые шерстью. Залезают на дерево, оттуда кидают в чум палками, могут шесты переломить. Поэтому раньше чумы из досок делали. В лесу делают себе берлоги, на дно стелют доски, щепки. Крадут у людей топоры и лопаты для этого. Рассказывают, что двух парней *тункус* съели, когда те пошли смотреть запоры. В 1936–37 году кто-то из экспедиции поймал одного *тункус* и привез домой. Вечером хозяин достал сала, пока за хлебом ходил, *тункус* сало соленое все съел, ножью пить захотел. Кран открыл, а закрыть не может, хозяина разбудил. У них есть дети. Говорить не умеют, свистят.

(Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 50).

7.3. Служители культа

Тимофей: «В Юильске все старухи – немного *щартань*. Они напускают друг на друга своих духов, вредят». Этими способностями (*щартань*) обладают и Татьяна А., и Тимофей А., и Алексей М. Вчера Тимофей и Алексей М. обсуждали вопрос о том, обладаю ли я этим даром. Решили, что я тоже *щартань*. Алексей М. определил это по глазам, к тому же я видела в избушке сон, который был истолкован как встреча с *Йем вои ики*. Еще в Ханты-Мансийске мою руку смотрела А.М. Конькова, здесь видел сон Тимофей; оба предсказывают мне долгую жизнь.

(Юрты Ай-Куръёх, Т.А. Молданов. 1980-1. Л. 29).

Алексей Михайлович: «Я понимаю, что говорят звери и птицы друг другу. (Когда мы ходили на озеро смотреть лебедей, он в какой-то момент сказал: «Они уже слышали нас и говорят друг другу»). Врачи мне говорили, что меня чем-то в детстве кормили, поэтому». Татьяна А. говорит, что его иногда считают сумасшедшим, хотя врачи такого диагноза не ставили.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 30).

Спрашиваю Татьяну А. и Тимофея об общих принципах системы казымского «шаманства». Выясняется, что здесь были различные категории служителей культа, каждый по своей специализации. И в каждой категории были очень сильные личности, «Настоящие шаманы» – по выражению Тимофея. Татьяна А. рассказывает о своей бабушке и о себе, перенявшей ее способности. Как вспоминает Татьяна А., ее бабушка и другие ходили к беременным женщинам, определяли будущее ребенка и даже «программировали» его. Татьяна А. и сейчас может по состоянию женщины предсказать, что у нее будет еще беременность и ребенок, каким он будет. Ей это видно по внешнему виду женщины, ее походке, глазам и т.д. И ее предсказания оправдываются. Ее функция – быть с женщинами, с девочками, т.е. в сфере, связанной с рождаемостью. Особенность предсказаний о судьбе человека, всей его жизни у хантов заключается в том, что это, как бы, программирование. Предсказатель «заставляет» человека жить так, как он предсказал. По-хантыйски это называется *мултэпсы* «программируем». Это часто встречается в сказках.

Например, *Моц нэ* отрубил у шестиногого лося две ноги и сказал: «Пусть будет так, что люди смогут на тебя охотиться». (Мне сразу вспомнились многие формулы такого рода: «Когда наступит человеческий век, человеческое время,

пусть ...»). Тимофею предсказали-запрограммировали, что он хорошо будет жить и с хантами, и с русскими (под «русскими» имеется в виду у хантов все, что не связано с традиционной жизнью). Он, как показала его 34-летняя жизнь, вполне оправдал этот прогноз. Много ездил по стране, все ему интересно в «русской» жизни, работает заправщиком топлива у вертолетов. Но через некоторое время (2–3 года) «русской» жизни Тимофей начинает болеть, вплоть до того, что наступает гемофилия (плохо свертывается кровь). Тогда возвращается в Юильск, здесь часто ездит к отцу в лес, восстанавливает здоровье и душевное равновесие. Кстати, он и сам специалист какой-то категории, и, видимо, очень сильный. Таня прочла по его руке, что у него сильная связь с небом; логическое начало в нем слабее иррационального (этот термин подсказала я, выслушав ее определение в описательной форме). Предсказала, что станет сильным «шаманом», уйдет в эту сферу (впрочем, тут же заметила, что может быть, сойдет с ума).

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 39–40).

Т.А. Молданова рассказывает. Когда они с Тимофеем в Юильске ходили искать место для музея, то прошли через недозволенное место, рядом с кладбищем. Кто-то из умерших нанес Тане энергетический удар (ее выражение). Она упала и потеряла сознание. Бывшая с ними собака вела себя очень беспокойно. Удар попал в правую половину груди. Она ощущает это как стрелу, которая застряла, уткнувшись в правую лопатку. Если бы стрела вышла, т.е. прошла насовсем, или пошла влево к сердцу, Таня бы умерла. Теперь кто-то должен вытянуть по частям эту стрелу.

Я наблюдала много раз во время поездки с Таней, как она делает это сама: делает пасы руками над больным местом, затем стряхивает руки одна о другую или «сбрасывает»

что-то щепоткой. Так же нужно вывести и этого духа. Сестра Тани – Ольга (нынче закончила Высшую партийную школу) тоже владеет этим искусством. «Прослушивая» Таню руками и еще ничего не зная о «стреле», она ощутила холодную пустоту как раз в том месте. Это было также при мне. Только позднее они разговорились на эту тему, и Ольга услышала от Тани об этом духе, вошедшем в нее. Тимофей: «Такой удар получают и олени, болеют, иногда умирают».

(*Пос. Казым. 1980-1. Л. 62–63*).

7.4. Приметы, запреты

На стойбище, где я жил с матерью, медведь разорил лабаз. Шубу матери он утащил в сторону. Я сказал матери, что она долго не проживет. Так и получилось.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 25*).

В этой семье разрешают собакам лежать на нарах, то есть на постелях. Татьяна А. замечает по этому поводу: «*Вут ими* не разрешала приближать собак слишком близко к человеку». Во время грома нельзя впускать собаку в дом.

(*Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 26*).

Из дерева, разбитого молнией, нельзя делать дрова – у женщины родится двойня.

Нельзя с себя, с одежды стряхивать оленью шерсть.

Приметы погоды: если гагара *торвой* стонет на воде – к плохой погоде, если кричит «*кпр-кпр*» в воздухе – к хорошей.

Дичь (птицу) варят, не опаливая. Если опалить – будет далеко улетать.

Мужчина-охотник не должен есть нижнюю часть ног глухаря – будет запинаться и падать в лесу.

Алексей М. при мне воткнул маленький топорик в стену дома, снаружи, с восточной стороны, выше окошка. Это от грозы.

Находим с Улей мухомор. Ее мама: «Не троньте его!» Уля мне: «Если тронешь, то будешь болеть три года».

Уля спрашивает у меня: «У Вас зубы не скрипят?» – «Нет». – «По хантыйскому обычаю, если скрипят, то нужно сточить напильником. Говорят, что жизнь свою ломаешь пополам, когда скрипят. Когда у нас Миша потерялся, у меня скрипели».

У хозяйки вижу перину и матрац с чехлом из больших красивых платков, довольно дорогих. Спрашиваю: «Почему так?» Ответ: «Мыши изгрызли шесть платков, носить их по обычаю уже нельзя».

Если птичка советует гнездо на доме, это к худу, кто-то умрет.

Чтобы была хорошая память у человека, нужно убить кедровку, взять у нее зоб и носить в кармане.

Если к окну прилипнет бабочка – будут гости.

Увидеть человека во сне в новой одежде – к несчастью для него. Когда делает дом – тоже к худу. Поэтому рассказ Татьяны А. о берлоге, которую она сделала во сне, здесь (в избушке) истолковали – к худу для Тани. Однако, в доме, где мы жили в Юильске, толкование было другое.

(Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 51, 53, 54).

8. ФОЛЬКЛОР. ИГРЫ

Фольклор. Микрофон на выдвижном стержне наши хозяева тут же прозвали «русский хорей». Действительно, микрофон по форме напоминает головку хорея (рис. 313).

Татьяна А. считает, что наша хозяйка – Евдокия Кузьминична Молданова – хорошая сочинительница, нужно записать и издать отдельно ее песни. При нас она сочинила песню о Татьяне А. Поводом послужило то, что Т.А. помогала (как и я, впрочем) подтащить ближе к берегу садок у запора. В песне же пелось, будто она такая сильная, что может вытащить садок с 500-ми язями и подцепить его, как подвеску к вертолету. Песня была тут же спета и записана. Все хотели, и сама Таня больше всех. На другой день вспоминали прабабушку Тани. Она была такой сильной, что несла от лабаза до дома мешок, подкидывая его на кончиках пальцев. Когда приехали ее сватать, она сказала, что пойдет замуж, если муж сможет ее прокормить. Показала свой огромный котел: один котел мяса она съедала утром, а другой вечером. В котел вмещается пол-оленя. На примере песни о Тане Молдановой и ее силе мы видим, как рождаются преувеличения в фольклоре.

Через три дня нашего пребывания в избушке хозяйка Е.К. Молданова сочинила песню о нас с Таней. Татьяна А. записала ее на магнитофон, обещала перевести с хантыйского языка на русский и дать мне текст: «Узнаете, какая Вы есть». (Позднее Татьяна А. передала мне текст песни, ниже привожу его).

Из священного Самарова приехали,

Две женщины-богини приехали.
Иголки держащие, пальцы имеющие,
Две женщины-богини приехали, приехали.
К реке летнего стойбища
Они приехали.
В один день к двум Молдановым
Богини-женщины, богини-женщины,
К реке летнего стойбища
Они понесли, понесли
С четырьмя отделениями,
С отделениями лодки.
(Женщины затем их в воду столкнули).
И вот уж там погребли
На лодке умеющие ездить,
Умелые, хорошие женщины.
Они еще и были, как люди Пома говорят,
К родным-хорошим ходящие,
Хорошие женщины,
Они тоже были из священного Самарова.
Это помня, они приехали.
Богинь помня, они ездят,
Богов помня, они ездят.
Белых птиц садящеся озеро,
В озеро поплыли.
Белых лебедей садящеся озеро,
В озеро поплыли,
(Мои женщины в озеро поплыли).
С грудками лебедей поймали,
С грудками лебедей добыли.
Из священного Самарова
И для этого тоже приезжали,
Правда, приезжали, приезжали.
Мукой [сытно] питаясь,

Такие же мысли имеют,
Они одинаковые были.
(Две богини-женщины ездили
Из священного Самарова,
Затем приехали к реке Кельс-юган.
Одна женщина – Татьяна Александровна,
Одна женщина – Надежда Васильевна).
Две женщины были,
Потом лодки с четырьмя отделениями
В воду толкнули.
И они, женщины, по озеру
Летних стойбищ поплыли.
Сто лебедей взлетели.
После этого я и запела,
Песню им сделала.
(Все, хватит).
(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 26 и Приложение на двух листах).

Вечером Алексей М. рассказывает сказку. Пока готовят магнитофон, он говорит мне: «От переживаний много забыл сказок и песен. Когда кто-нибудь умрет в семье, нельзя рассказывать сказки 5 месяцев, а петь песни 5 лет. У меня отец умер, я 7 лет переживал, сильно жалко было. Так и забываешь их». А ведь А.М. сейчас считается одним из лучших знан-тков фольклора.

Вечером Алексей М. рассказал сказку на сюжет о коньке-горбунке. Татьяна А. спросила меня, мог ли Ершов взять сюжет для своей сказки из хантыйских сказок. Я сказала, что многие сюжеты одинаковы в русских и ханты-мансиjsких сказках, но нужно выяснить причину этого. Мог ли А.М. слышать ее от русских и переделать? «Нет – сказал он, – я слышал ее от ханта в больнице. Хант из Ванзевата. Он мой ровесник». Я спросила у А.М., знает ли он сказки, о которых

говорят – *руц монть*. Он ответил – нет. А знает ли он *юрынг-монть*? Он уверенно ответил, что знает несколько.

На медвежьих праздниках героические песни не пели.
(*Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 36*).

8 сентября записываю сказку о *Кар ими*, рассказалую Улей.

Кар ими – Баба-ёшка. (В начале сказки Уля называет ее *Хинтын ими, Кар ими*; затем стало фигурировать только *ими*. Иногда вместо *Хинтын ими* называли *Хинтын ики*. На мой вопрос, о ком все-таки сказка, ясного ответа не было; называли и то, и другое – как Уля, так и ее мама).

Жили-были внучек и бабушка. Бабушка говорит: «Не ходи туда, где большая гора, там все твои родственники были да умерли». А он не послушался, пошел. Пришел, катается на санках, никого нет. Пришел домой, спать легли. На другой день опять катается. Вдруг приходит *Хинтын ими, Кар ими* (*Хинтын ики, Кар ики*): «Мальчик, меня прокати». Он в *хинт* закатился, маленьким ножичком распорол его, вылез, к бабушке побежал. И опять спать легли, ничего не сказал бабушке. На другой день опять катается. Опять *Хинтын ики*: «Мальчик, сюда катись». У него ножичек. Он закатился, бурит-бурит ножичком. Ножичек сломался. Его *Хинтын ики* домой понес. Дома говорит детям: «Не развязывайте *хинт*, вам будет из чего суп варить». Пошел чашки из березы делать. Он говорит: «Меня развязжите, я вам ложки маленькие сделаю». Он сосну маленькую срубил и говорит: «Я всегда дома на шее примериваюсь». Одному маленькому бабке-ёшке сосну на шею положил, отрубил. За другим долго гонялся, тоже отрубил. Сварил, и где бабка-ёшка должна идти, поставил. Вместо них пустил в полог двух птиц *кевнек*. Пешню нагрел, на большую лиственницу залез. Бабка-ёшка идет: «О, моей кровью пахнет». Зашла в дом, детишки

в пологе балуются. Она закричала: «Что балуешься? Где человек, которого я принесла?» Из полога птицы вылетели. Она заплакала. Большой топор взяла, ищет. Он кричит: «Акем ики (дядя), иди сюда, я здесь». Он увидел мальчика на лиственнице. Рубит, рубит топором, топор тупой стал. Стал грызть. Мальчик кричит: «Рот открой». Пешню в рот кинул. Домой побежал. Бабушка сидит, из глаз гной можно лодкой вытаскивать. Он пнул ее, стала молодой. Стали жить-поживать, добра наживать.

Комментарий: Я спросила Алексея Михайловича, есть ли в таких сказках герой по имени *Мёнк*. Он: «Хинтын ики и есть *Мёнк*. Теперь они все в камни превратились. Они больше избушки».

Кевнек – рыжая птичка поменьше ронж. Есть рыбу, мясо. Прячет пищу, как и ронжа, но «без ума». Ронжа помнит, куда положила. А *кевнек* под облаком в землю прячет. Прилетит искать, смотрит – облака нет, найти не может.

Вентутат – «лесные». О них рассказывают. Две женщины живут в лесу, мужья ушли. Одна говорит сыну: «Твой отец идет». Другая: «Не говори зря». Вечером *вентутат* мешок с костями их мужей в дом засунул. Плохую женщину поймали, ее кишки на пенек положили. Хорошая убежала.

(Юрты Ай-Куръёх, У.А. Молданова, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 48–49).

Игры. Тимофей сделал ножом игрушку *навурты ай екор* «прыгун маленький Егор» (рис. 314). Спрашиваю: почему Егор? – Обычно имя Егор давали шустрым, быстрым. До этого мы с Таней рассказывали о намерении Ювана Шесталова сделать в музее Торум-ма (в Ханты-Мансийске) железный чум. Под впечатлением этих рассказов Тимофей решает назвать игрушку *навурты карты Ванька* «прыгаю-

щий железный Иван». Это две пластины с двумя перекладинами в нижней части и двойной ниткой в верхней части. Нитка продета в деревянную фигурку. При нажимании на пластины фигурка вертится на нитке (как на турнике).

При мне сделали три игрушки – погремушки лук *пука* (рис. 315). Когда чистили глухарей, вынули пузыри из зоба, спустили туда листик, надули и завязали. Когда пузырь высох, листик внутри стал греметь. Уля стала им играть. Алексей М. заметил: «Нельзя этим играть. Одна девочка играла, села на него, он треснул – как будто пукнул. Она вышла и от стыда повесилась». На это Тимофей заметил: «Сейчас не повесятся из-за этого».

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 38–39).

Детская игрушка *тухыль*. При мне ее делает Уля. У пера из хвоста глухаря обрывают оперение, оставляет только хвостик на кончике. Толстым концом перо втыкает в сосновую шишку. Игрушку бросают в воздух, она летит вверх прямо, а опускается, вращаясь. Играют в одиночку.

(Юрты Ай-Куръёх. 1980-1. Л. 43).

Игра «*Тацта икие*» с набором из 15-ти палочек. Закладывают своему партнеру по 2 палочки пальцами обеих рук, а один раз – только 1 палочку. Вынимают поочередно каждую пару: одну палочку в одну руку, другую – в другую. Комплект с единичной палочкой отдают партнеру, т.е. у него одна палочка лишняя. Вращают в руках свой комплект палочек (как трение при добывании огня) с припевом «*тацта юва, тацта юва*» «непарная палочка, переходи». Раскладывают свои палочки, оказывается, одна – непарная (т.е. лишняя), якобы, перешедшая. На деле же их было у ведущего 7, т.е. одна была без пары с самого начала, а у партнера было 8.

Игра *веет лов тынуп юх*. Деревянная пластина с тремя отверстиями. Веревочка образует две петли, на них висит по кольцу. Нужно перегнать кольцо в другую петлю.

(*Юрты Ай-Куръёх, Молдановы. 1980-1. Л. 45–46, 51*).

В щучьей голове есть косточка *нипынг ими* (с вязанкой женщина). *Нипынг* – веревка, которой при переноске обвязывают дрова, оленью шкуру и др.

(*Юрты Ай-Куръёх, А.М. Молданов. 1980-1. Л. 51*).

9. СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Бардин Александр Георгиевич, 1940 г.р., живет в Ханты-Мансийске.
2. Вагатов Семен Алексеевич, 1928 г.р., живет в Юильске.
3. Вагатова Галина Ивановна, 1934 г.р., жена С.А. Вагатова, живет в Юильске.
4. Вагатова Екатерина Яковлевна, живет в Юильске.
5. Вагатова Ирина Семеновна, 1971 г.р., дочь С.А. Вагатова, живет в Юильске.
6. Каксина Дарья Яковлевна, 1920 г.р., живет в Юильске.
7. Каксина Наталья Ивановна, живет в Юильске.
8. Конькова Анна Митрофановна, 1916 г.р., манси, живет в Ханты-Мансийске.
9. Костин Леонид Тарасович, 1935 г.р., манси, живет в Вежакорах.
10. Молданов Алексей Михайлович, 1932 г.р., (отец его матери был лесной ненец), живет в юртах Ай-Курьёх.
11. Молданов Максим Тимофеевич 1931 г.р., живет в Юильске.
12. Молданов Тимофей Алексеевич, 1956 г.р., сын А.М. Молданова, живет в Юильске.
13. Молданова Евдокия Кузминична (Кузьмовна), 1935 г.р., жена А.М. Молданова, живет в юртах Ай-Курьёх.
14. Молданова Татьяна Александровна, 1951 г.р., живет в Ханты-Мансийске.
15. Молданова Ульяна Алексеевна, 1978 г.р., дочь А.М. Молданова, живет в юртах Ай-Курьёх.

16. Родионова Людмила Яковлевна, 1957 г.р. манси, живет в Ханты-Мансийске.
17. Тарлин Данила Николаевич, 1934 г.р., живет в лесных юртах и в Юильске.
18. Янгух Валерий, 1959 г.р., живет в Юильске.

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Часть 1. КОНДА

Рис. 1. Сургучёва Александра Константиновна (пос. Кама)

Рис. 2. Кунякова Харитина Фотеевна и русская женщина с детьми (пос. Кама)

Рис. 3. Кунякова Афанасия
Поликарповна (пос. Кама)

Рис. 4. В семье мать – русская,
отец – хант (пос. Кама)

Рис. 5. Хант и русский (пос. Кама)

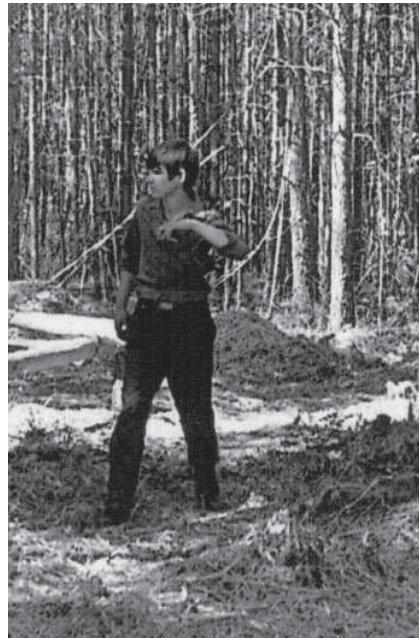
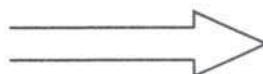
Рис. 6. Чернышов И. А. –
участник экспедиции

Рис. 7. Наконечник стрелы, рисунок информанта (пос. Кама)

Рис. 8. Лук простой, рисунок
Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)Рис. 9. Стрела на утку, рисунок
Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)

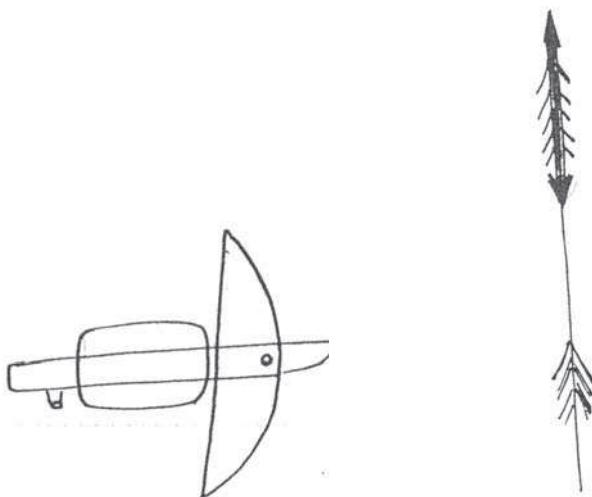

Рис. 10. Лук-самострел, рисунок Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)
Рис. 11. Стрела самострела, рисунок Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)

Рис. 12. Проверка сетей (пос. Кама)

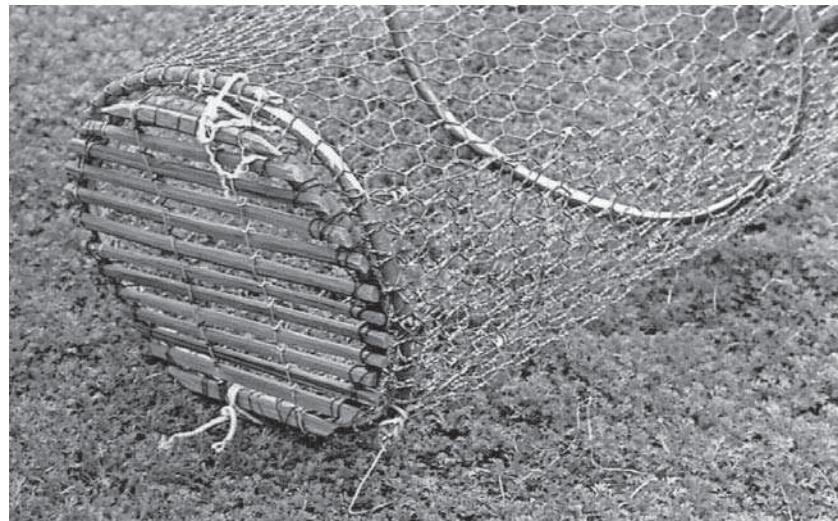

Рис. 13. Ловушка для рыбы (пос. Кама)

Рис. 14. Остатки ловушки для рыбы – фитиля (пос. Кама)

Рис. 15. Поплавки и грузила
(пос. Кама)

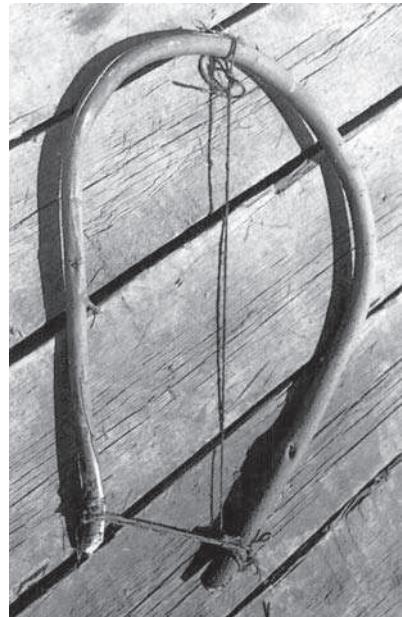

Рис. 16. Заготовка к черпаку
для рыбы и льда (пос. Кама)

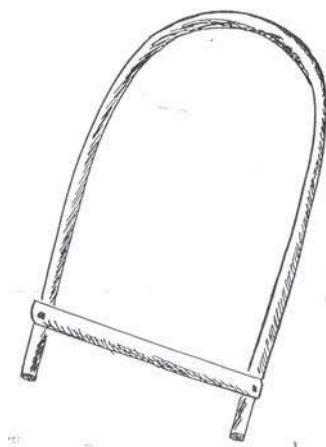

Рис. 17. Рама черпака для рыбы
и льда (дер. Кельсино)

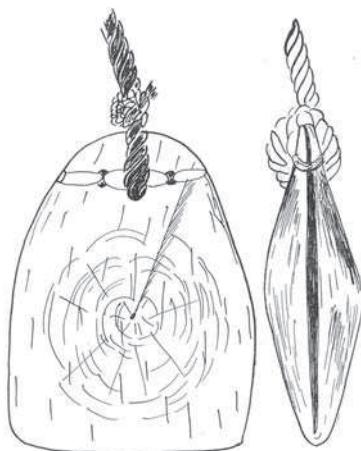

Рис. 18. Грузило (дер. Кельсино)

Рис. 19. Багор для вытаскивания щук (дер. Кельсино)

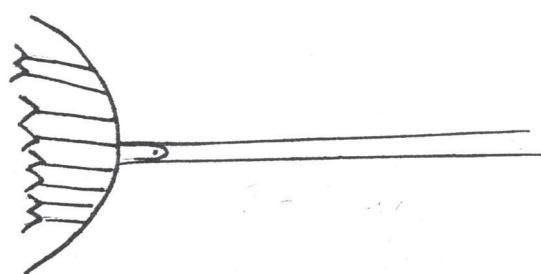

Рис. 20. Острога на щуку, рисунок Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)

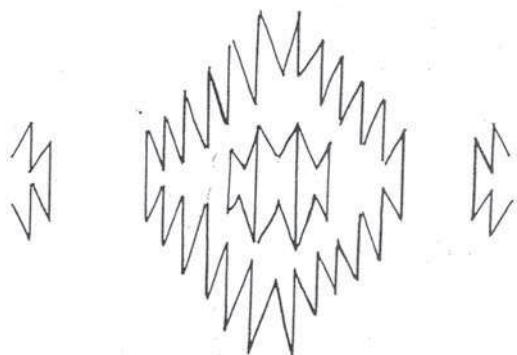

Рис. 21. Схема узора на тканой дорожке (пос. Кама)

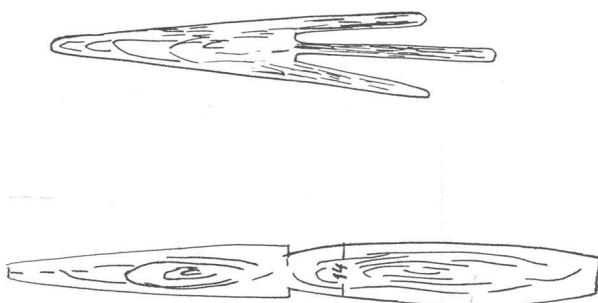

Рис. 22. Распялки для шкур выдры и лисы (пос. Кама)

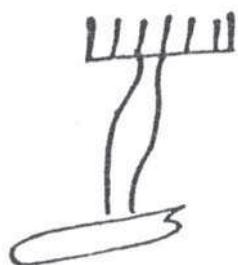

Рис. 23. Кожемялка, рисунок Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)

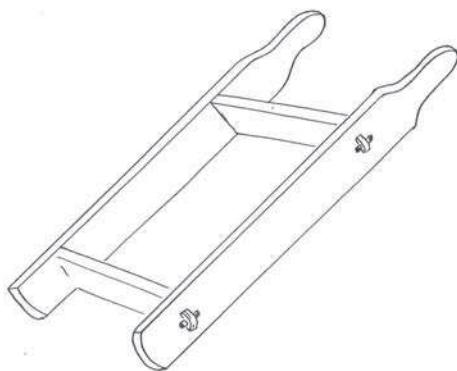

Рис. 24. Рама для изготовления кирпичей (пос. Кама)

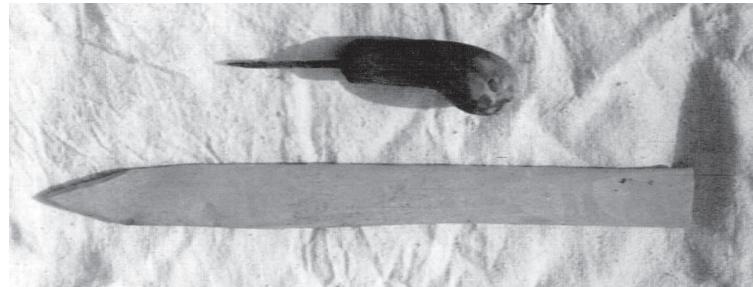

Рис. 25. Игла для плетения сетей (заготовка) и шило (пос. Кама)

Рис. 26-1. Лыжи-голицы
(пос. Кама)

Рис. 26-2. Крепление на лыже

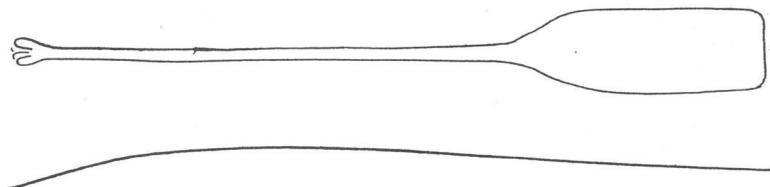

Рис. 27. Лыжный посох с фигурным наконечником (пос. Кама)

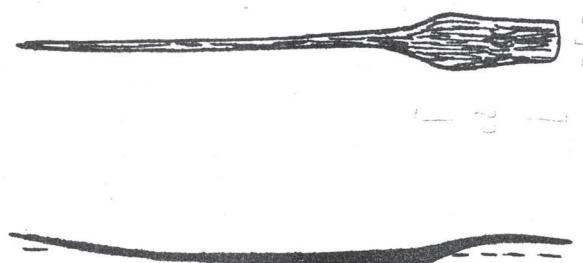

Рис. 28. Лыжный посох с лопatkой для установки капканов
(дер. Кельсино)

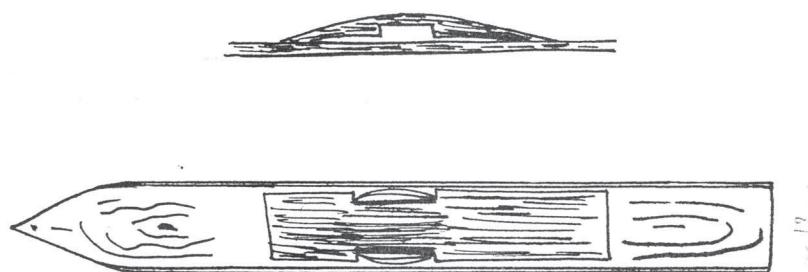

Рис. 29. Лыжа-голица (д. Кельсино)

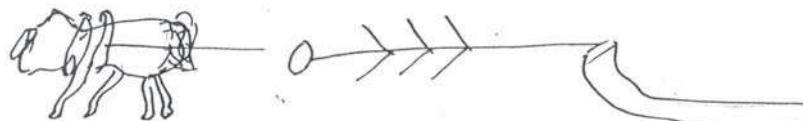

Рис. 30. Собачья упряжка, рисунок Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)

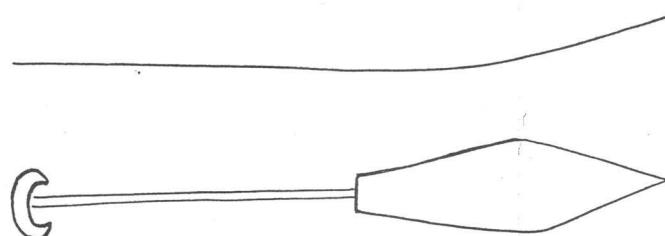

Рис. 31. Весло, рисунок Н. П. Баркова (пос. Кама)

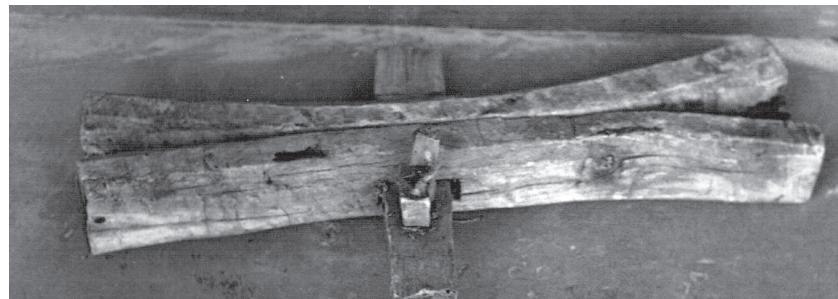

Рис. 32. Зажим для изготовления обласка (пос. Кама)

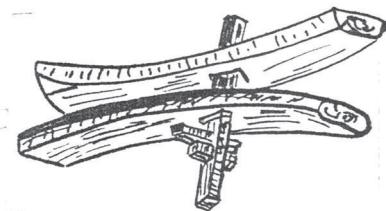

Рис. 33. Зажим для обласка: прорисовка деталей

Рис. 34. Временное жилище – заслон,
рис. Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)

Рис. 35. Дом с чувалом,
рис. Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)

Рис. 36. Традиционный амбар (дер. Кельсино)

Рис. 37. Амбар (дер. Кельсино)

Рис. 38. Остатки хозяйственной постройки (дер. Кельсино)

Рис. 39. Навес
для лошадей
(дер. Кельсино)

Рис. 40. Печь
в заброшенном доме
(дер. Кельсино)

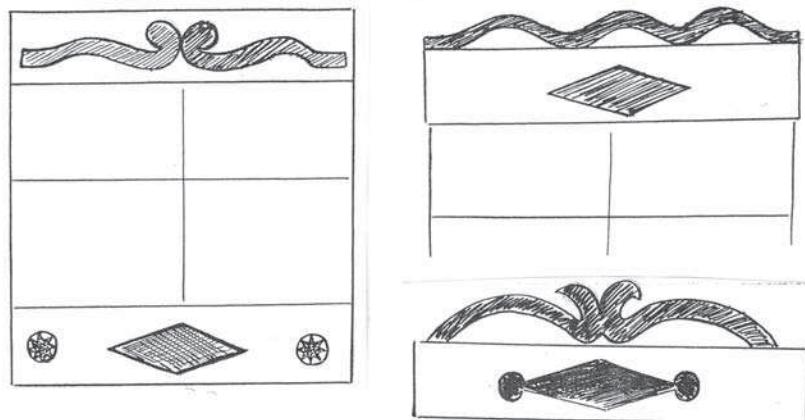

Рис. 41-1. Орнамент на наличниках окон в старых домах (пос. Кама)

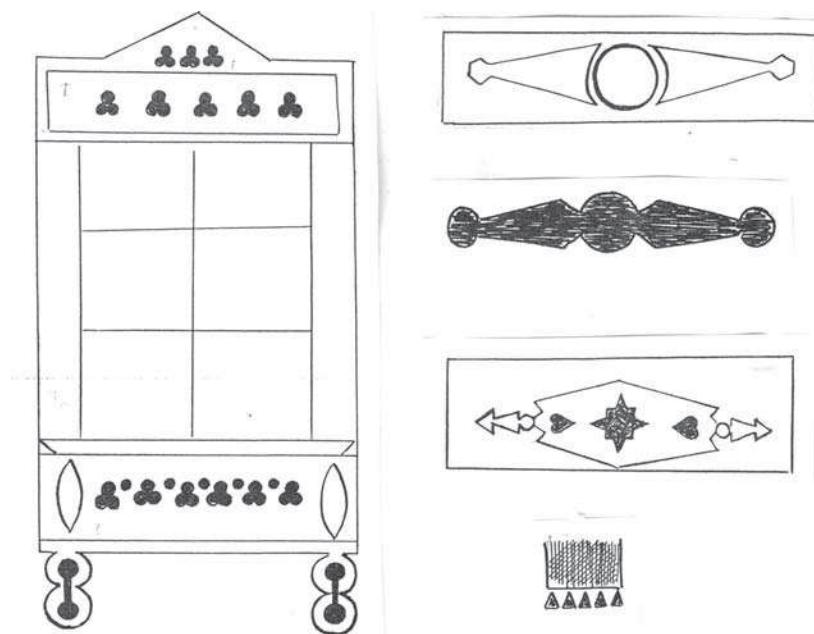

Рис. 41-2. Продолжение

Рис. 42. Котел-колтошиха и черпак, рис. Г. Г. Вайветкина (пос. Кама)

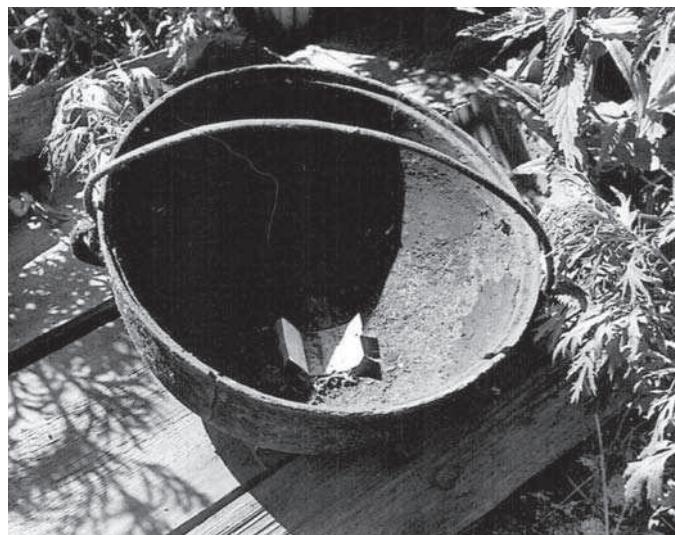

Рис. 43. Старинный котел (дер. Кельсино)

Рис. 44. Лопатка для теста и толкушка для картофеля, икры (дер. Кельсино)

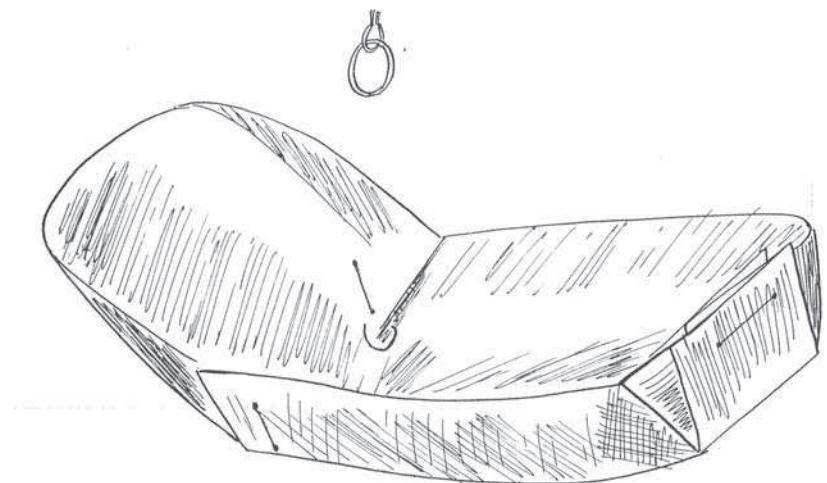

Рис. 45-1. Модель колыбели из бересты (пос. Кама)

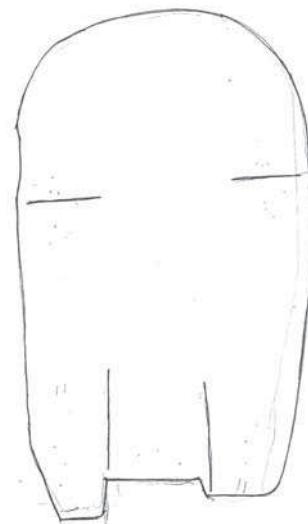

Рис. 45-2. Развёртка колыбели

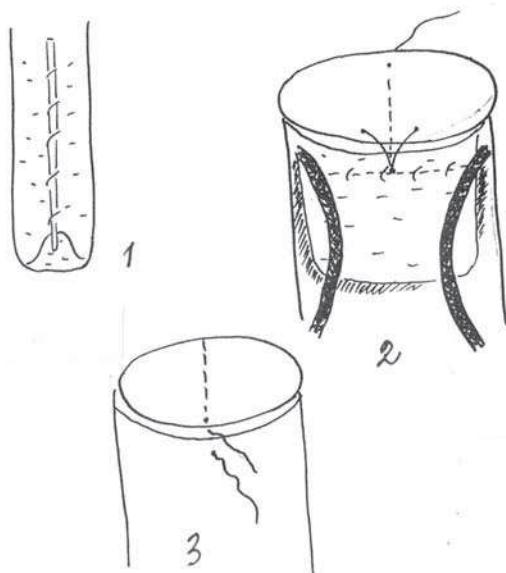

Рис. 46. Кузов берестяной 1 – боковина, 2 – на спинная часть,
3 – передняя часть (пос. Кама)

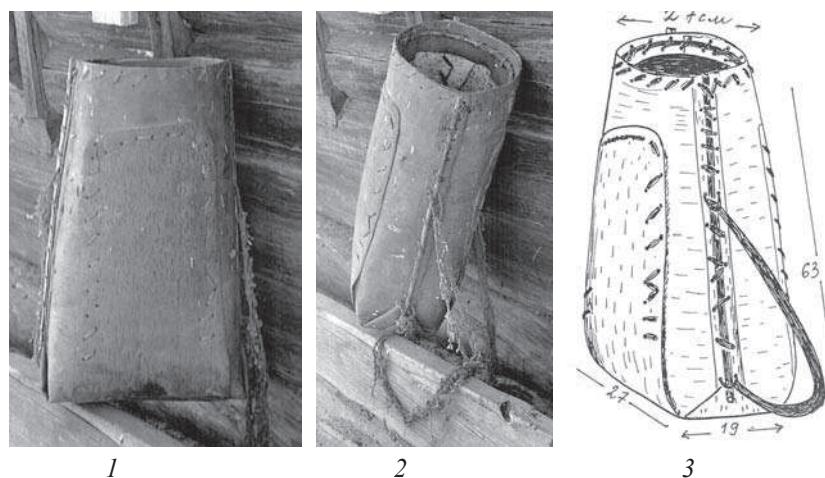

Рис. 47. Кузов берестяной с накладкой для прочности (пос. Кама).
2 – боковая часть, 3 – прорисовка деталей

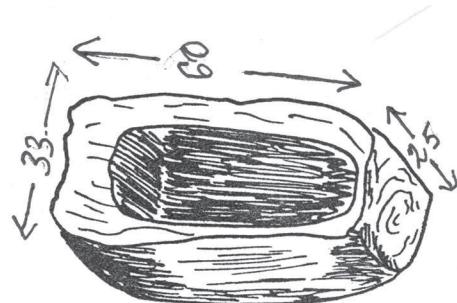

Рис. 48. Корыто для кормления собак (дер. Кельсино)

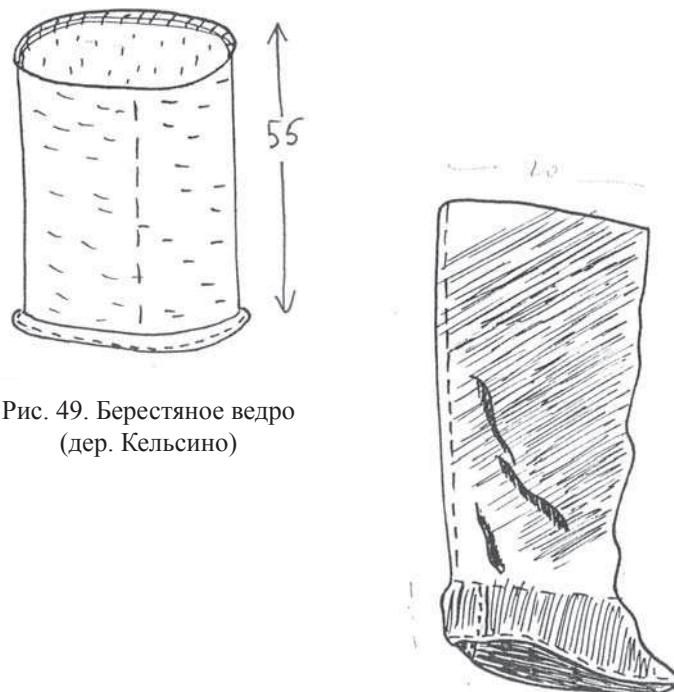

Рис. 49. Берестяное ведро
(дер. Кельсино)

Рис. 50. Женская обувь –
бродни (пос. Кама)

Рис. 51. Шапка (пос. Кама)

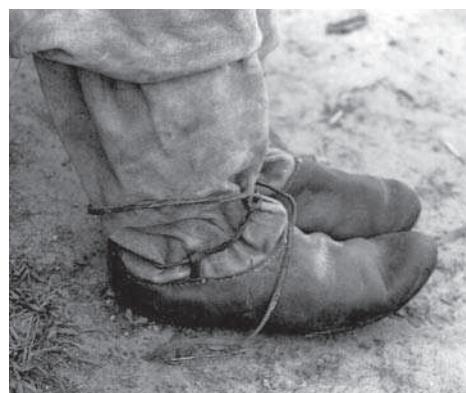

Рис. 52-1. Бродни: вид сбоку (пос. Кама)

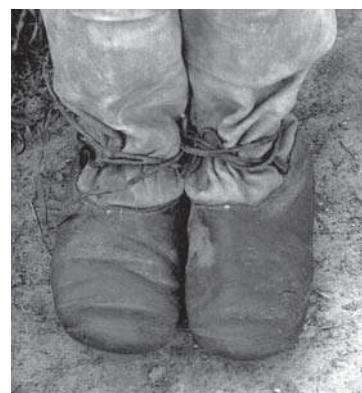

Рис. 52-2. Вид спереди

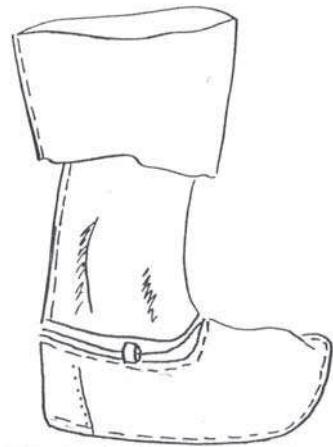

Рис. 52-3. Схема швов

Рис. 52-4. Пяточная часть

Рис. 53-1. Выкройки для бродней (пос. Кама)

Рис. 53-2. Выкройки для бродней

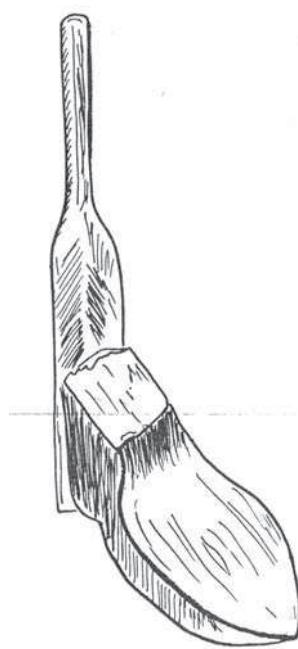

Рис. 54. Колодка для бродней
(пос. Кама)

Рис. 55. Меховая обувь – кисы
(пос. Кама)

Часть 2. ТРОМЬЁГАН**2. Занятия**

Рис. 56. Изготовление ловушки для рыбы (юрты Усановы)

Рис. 57. Сети на просушке (юрты Усановы)

Рис. 58. Дымокур для оленей, рисунок ханта (пос. Кочевые)

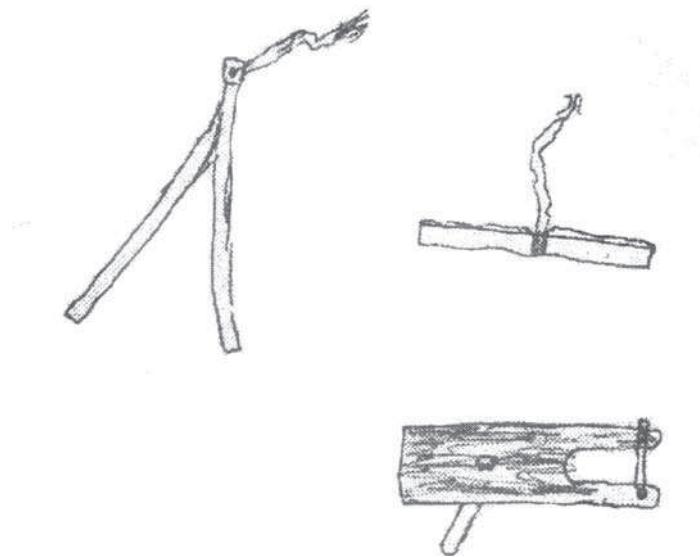

Рис. 59. Тормозные устройства для оленей,
рисунок ханта (пос. Кочевые)

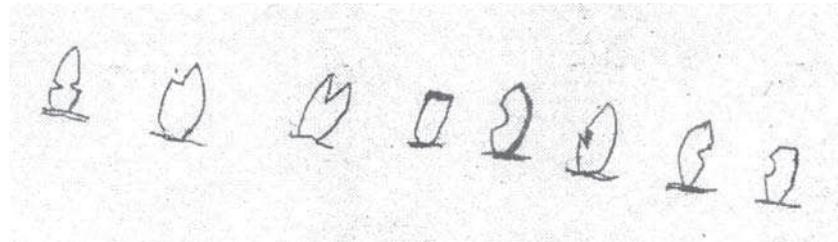

Рис. 60. Метки на ушах оленей, рисунок ханта (пос. Кочевые)

Рис. 61. Ошейник (хомут) из черёмухового дерева на олене
(пос. Кочевые)

Рис. 62. Ошейник из черёмухового дерева (пос. Кочевые)

Рис. 63. Ременной ошейник на олене (пос. Кочевые)

Рис. 64. Олень в упряжке (пос. Кочевые)

Рис. 65. Ременной ошейник (юрты Усановы)

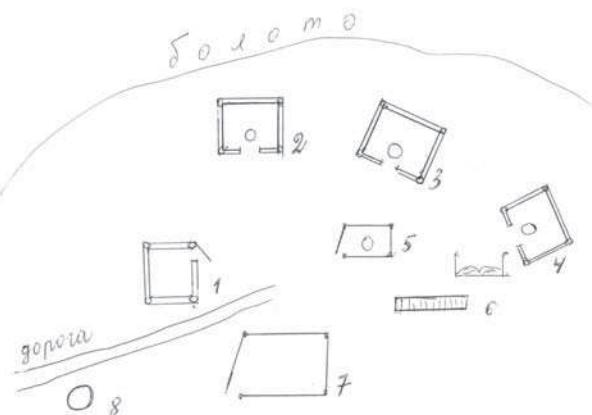

Рис. 66. План расположения оленевых избушек (юрты Усановы)

Рис. 67. Важенка с телёнком (юрты Усановы)

Рис. 68. Оленья избушка (юрты Усановы)

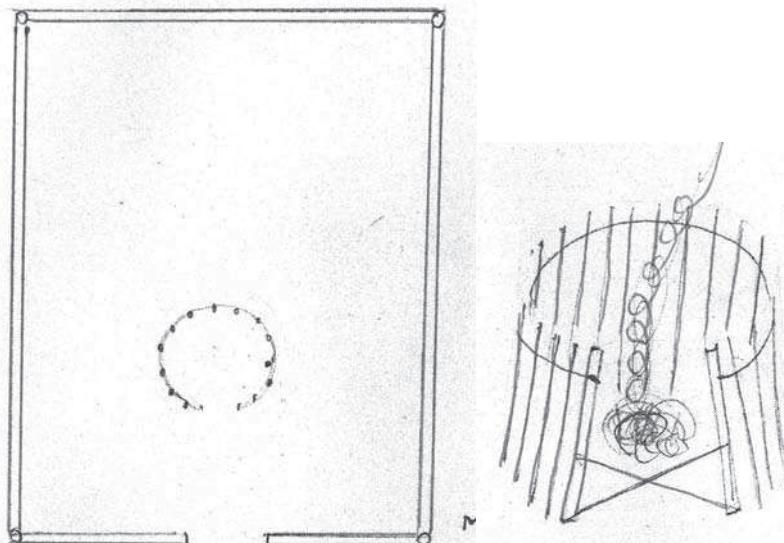

Рис. 69. План оленьей избушки
(юрты Усановы)

Рис. 70. Дымокур в оленьей
избушке (юрты Усановы)

Рис. 71. Дымокур на улице (юрты Усановы)

Рис. 72. Дрова и мох у оленевых избушек (юрты Усановы)

Рис. 73. Жилище пастуха у оленевых избушек (юрты Усановы)

Рис. 74. Укрытие
над источником воды
(юрты Усановы)

Рис. 75. На деревьях хранится
хорей (юрты Усановы)

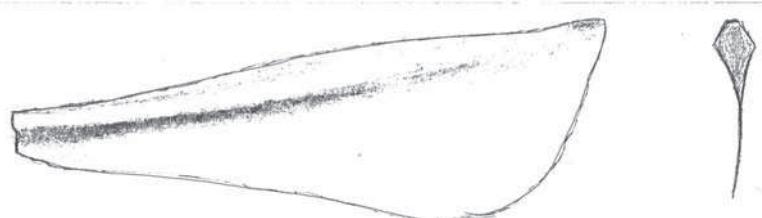

Рис. 76. Костяная пластишка для снятия чешуи (юрты Усановы)

Рис. 77. Нож в ножнах на пояссе мужчины (пос. Кочевые)

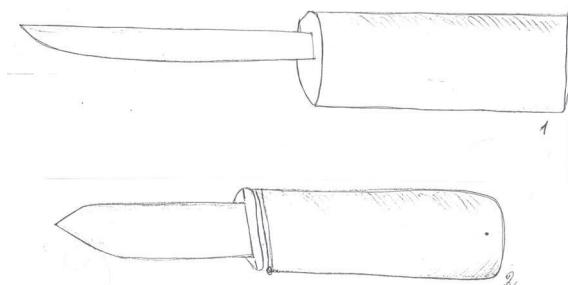

Рис. 78. Ножи: 1 – мужской; 2 – женский (пос. Юбилейный)

Рис. 79. Набор ножей и ножен (пос. Юбилейный)

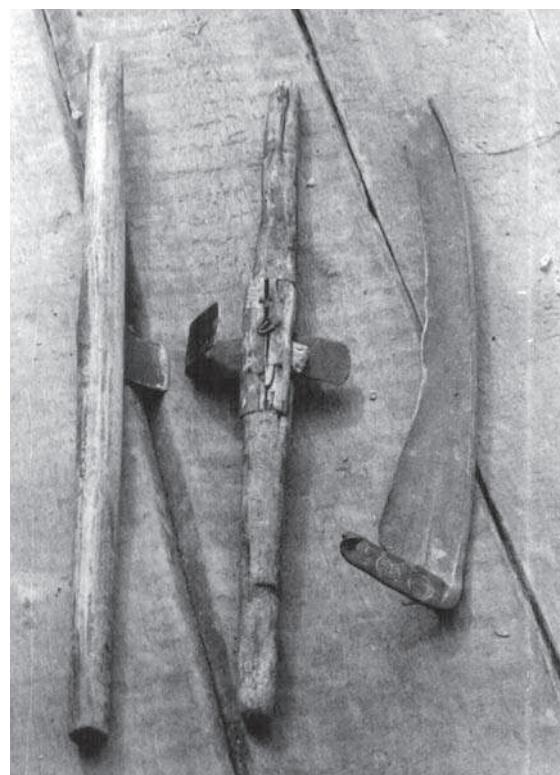

Рис. 80. Инструменты для обработки шкур (пос. Юбилейный)

Рис. 81. Обрезка камусов (юрты Усановы)

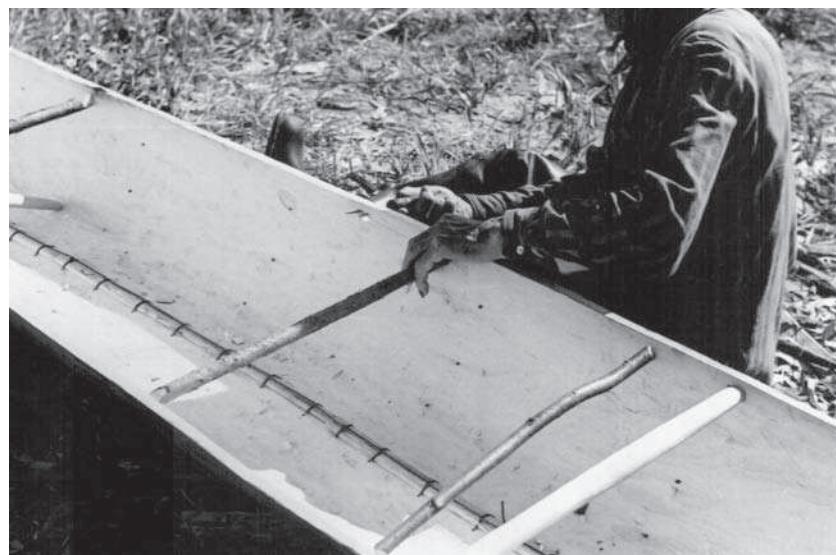

Рис. 82. Усанов Д.И. за изготовлением обласка (юрты Усановы)

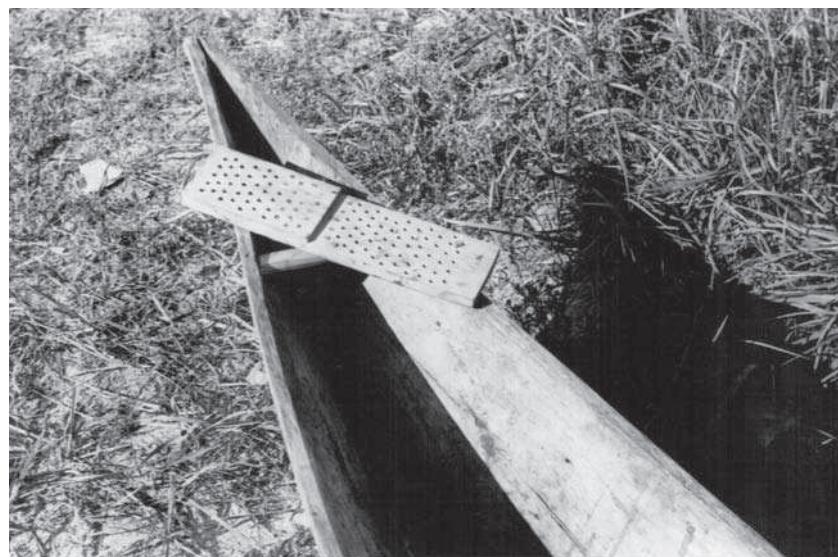

Рис. 83. Дощечка со шпенъками, по которым определяют толщину обласка (юрты Усановы)

3. Средства передвижения

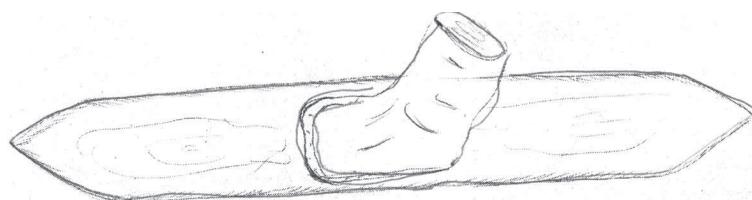

Рис. 84. Подшитая лыжа (пос. Кочевые)

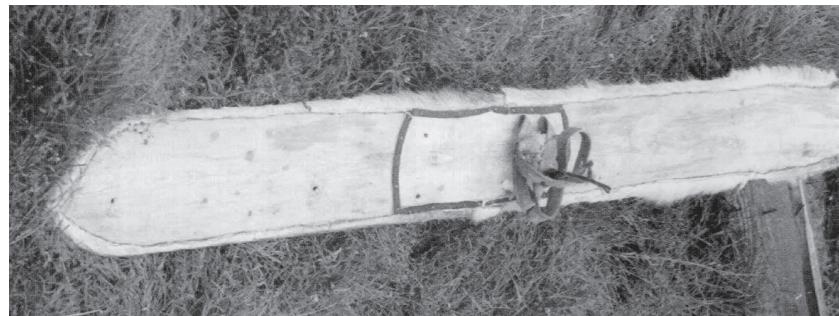

Рис. 85-1. Лыжа, подшитая лосиным камусом (юрты Усановы)

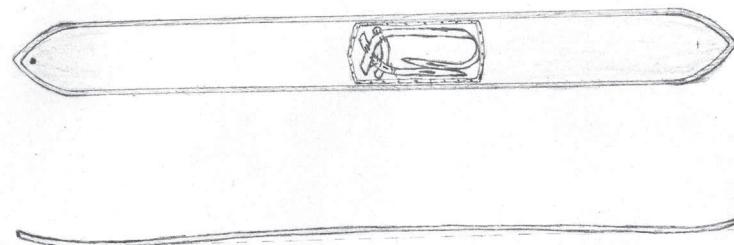

Рис. 85-2. Прорисовка деталей

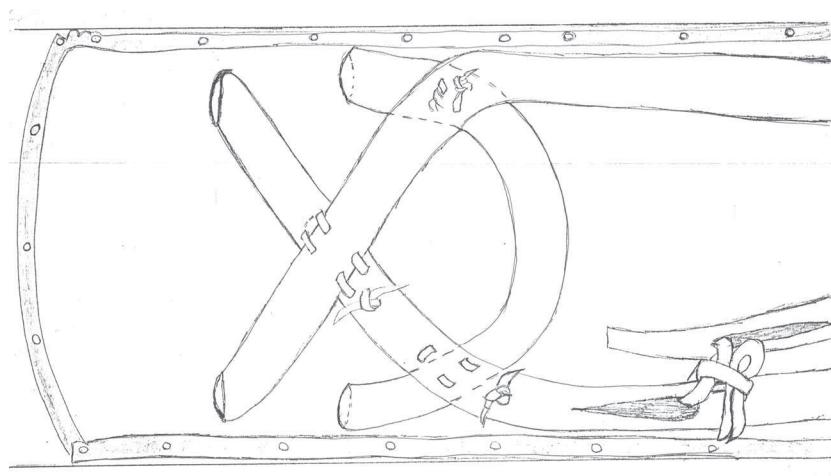

Рис. 85-3. Крепление лыжи

Рис. 86. Уздечка передового оленя (пос. Кочевые)

Рис. 87. Женская семикопыльная нарта (пос. Кочевые)

Рис. 88. Передок грузовой нарты (пос. Кочевые)

Рис. 89. Грузовая нарта (пос. Кочевые)

Рис. 90. Бляшка на поясе оленя (пос. Кочевые)

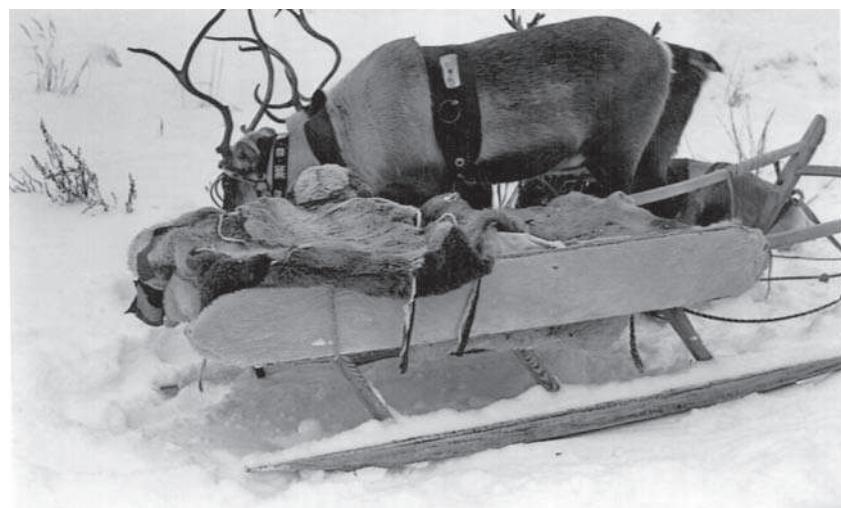

Рис. 91. Ездовая упряжка с нартой и лыжами(пос. Кочевые)

Рис. 92. Очистка полозьев нарта от наледи (пос. Кочевые)

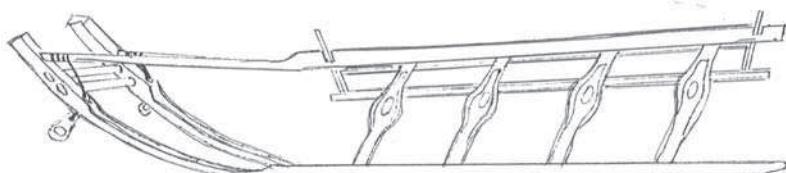

Рис. 93-1. Оленья ездовая нарта (пос. Юбилейный)

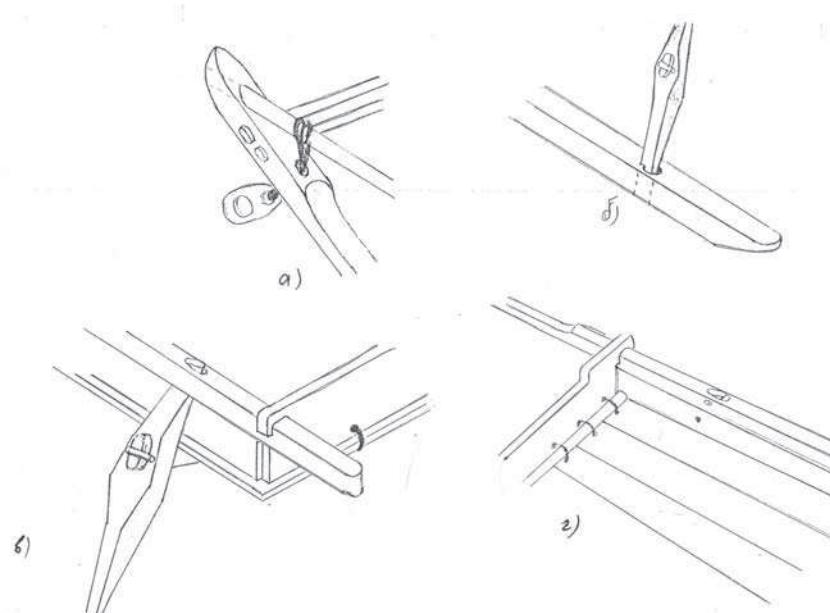

Рис. 93-2. Соединение деталей: *а* – полоз и передок; *б* – копыл и полоз; *в* – копыл и задок нарты; *г* – передний борт

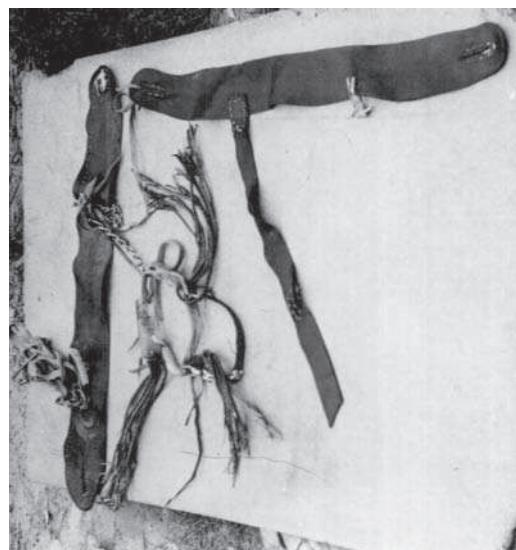

Рис. 94. Комплект упряжи
для женской нарты
(пос. Юбилейный)

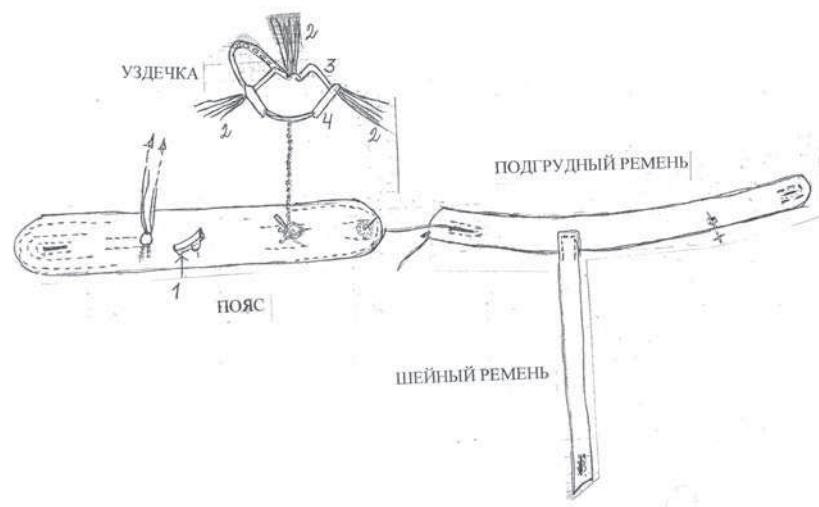

Рис. 95. Детали оленьей упряжи (пос. Юбилейный)

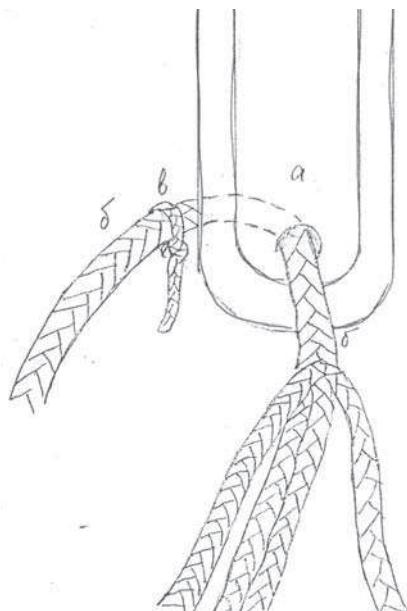

Рис. 96. Схема соединения
нащёчных пластин с кисточками
в оленьей упряжи
(пос. Юбилейный)

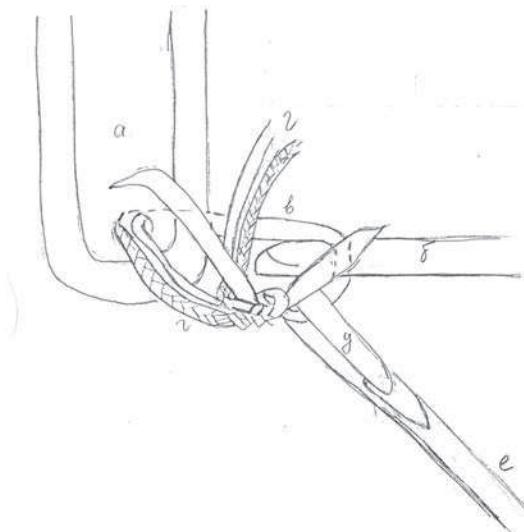

Рис. 97. Схема соединения нашёчных и налобных пластин, включая кисточки, в оленьей упряжи (пос. Юбилейный)

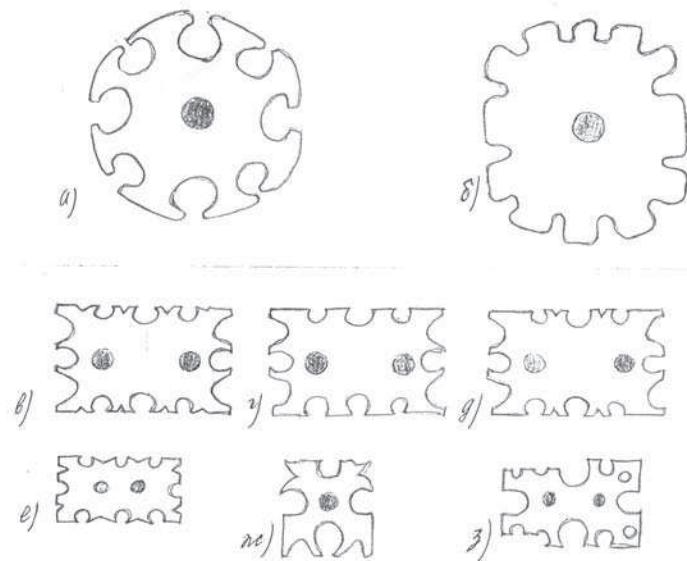

Рис. 98. Роговые пряжки на поясах оленьей упряжи (пос. Юбилейный)

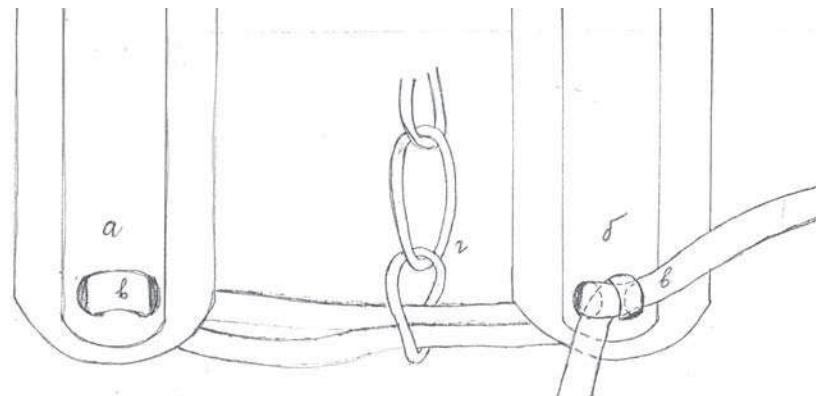

Рис. 99. Схема соединения нащёчных пластин в оленьей упряжи (пос. Юбилейный)

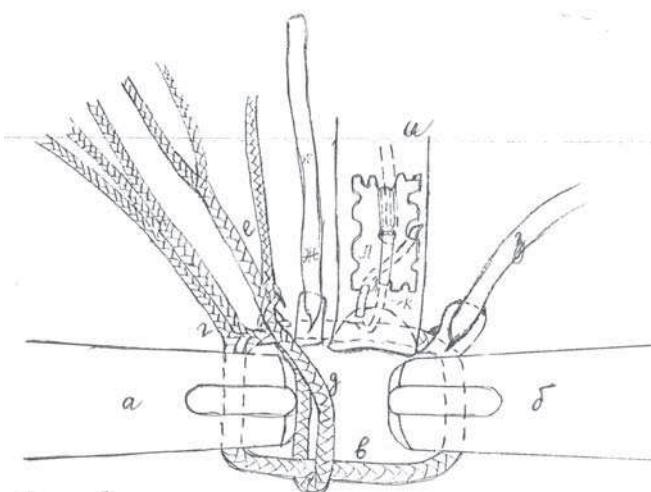

Рис. 100. Схема соединения налобных пластин в оленьей упряжи (пос. Юбилейный)

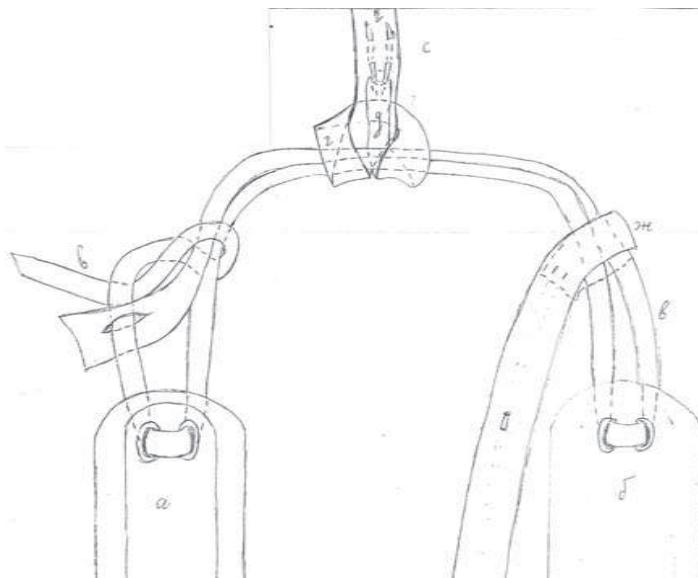

Рис. 101. Схема соединения нашёчных пластин в упряжи пристяжного оленя (пос. Юбилейный)

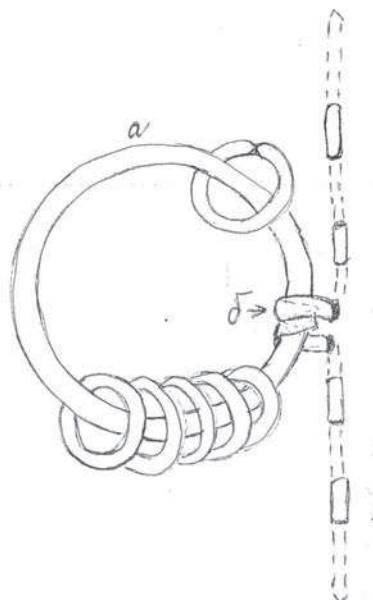

Рис. 102. Схема соединения кольца с поясом в упряжи оленя (пос. Юбилейный)

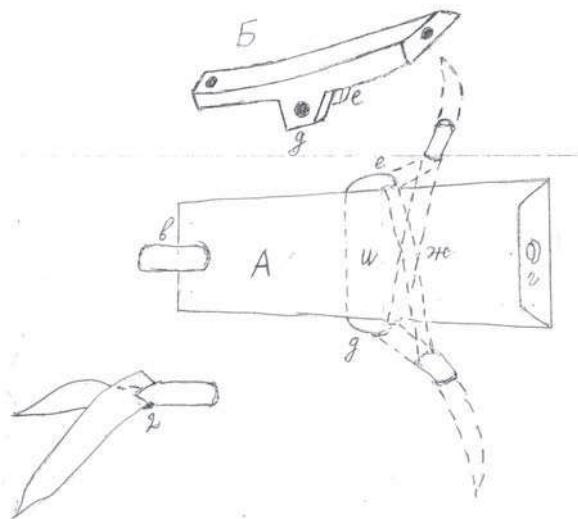

Рис. 103. Схема крепления крючка для вожжи на пояссе оленьей упряжи (пос. Юбилейный)

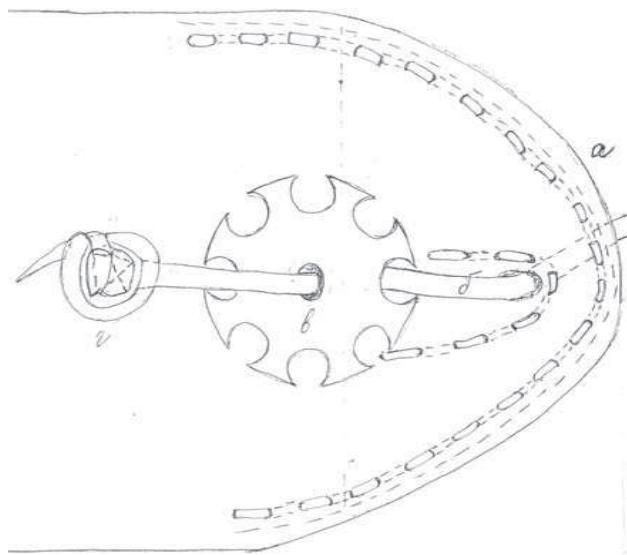

Рис. 104. Схема соединения пояса и подгрудного ремня в упряжи олена (пос. Юбилейный)

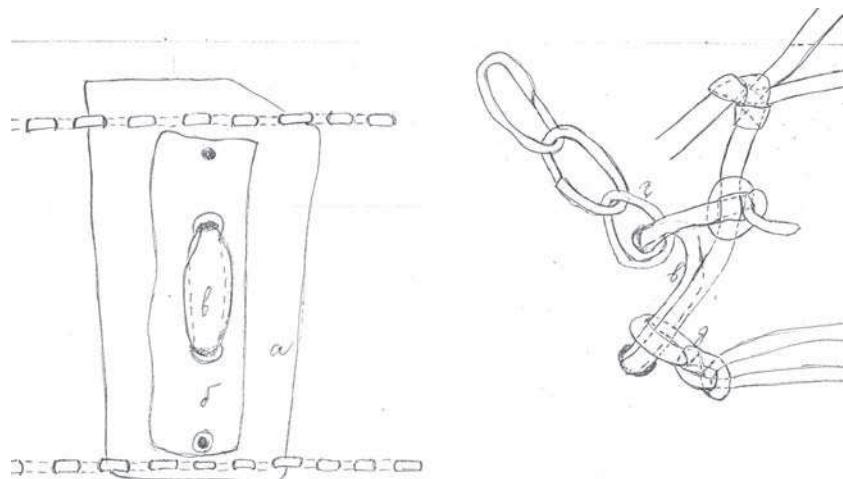

Рис. 105. Схема прикрепления цепочки пристяжного оленя к поясу передового: вид с внешней и внутренней сторон (пос. Юбилейный)

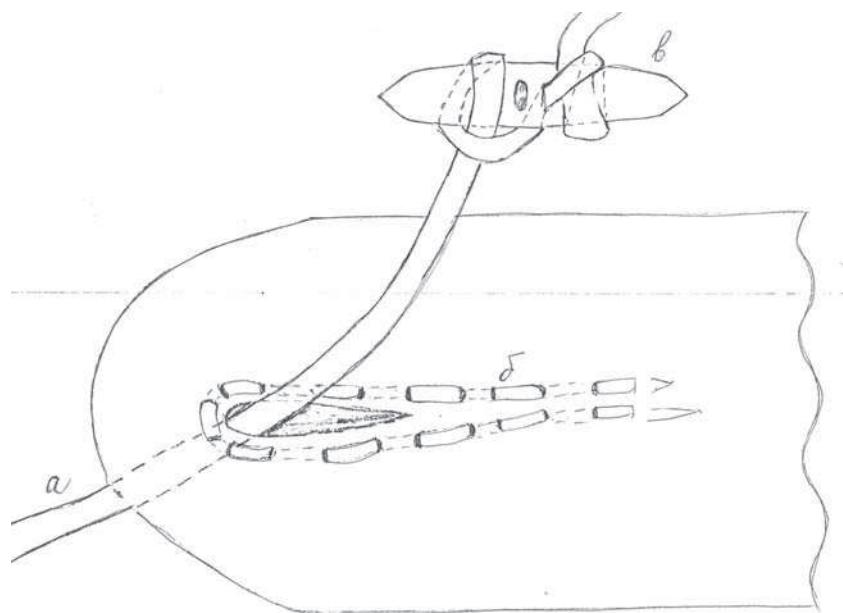

Рис. 106. Соединение подгрудного ремня с поясом оленя
(пос. Юбилейный)

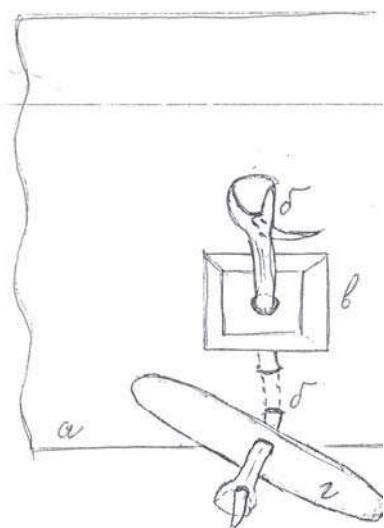

Рис. 107. Застежка
для присоединения
шейно-затылочного ремня
к подгрудному (пос. Юбилейный)

Рис. 108. Дети у обласка
(юрты Усановы)

Рис. 109. Ф.Е. Усанов на моторной лодке (юрты Усановы)

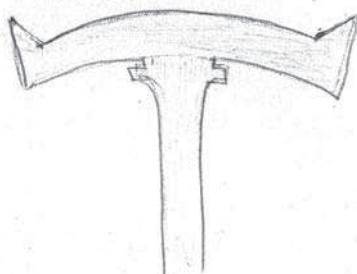

Рис. 110. Рукоять весла (юрты Усановы)

4. Жилище

Рис. 111. Чум на берегу р. Тромъёган

Рис. 112. Заполнение глиной дна хлебной печи (юрты Усановы)

Рис. 113. Каркас свода хлебной печи (юрты Усановы)

Рис. 114. Просушка хлебной печи (юрты Усановы)

Рис. 115. Жилая постройка, крытая берестой (юрты Усановы)

Рис. 116. Навес для хранения хозяйственных вещей (юрты Усановы)

Рис. 117. Сооружение для просушки рыбы (юрты Усановы)

Рис. 118. Собачья будка (юрты Усановы)

5. Пища, утварь

Рис. 119. Подготовка рыбы к просушке (юрты Усановы)

Рис. 120. Рыба на вертеле (юрты Усановы)

Рис. 121. Просушивание рыбы (юрты Усановы)

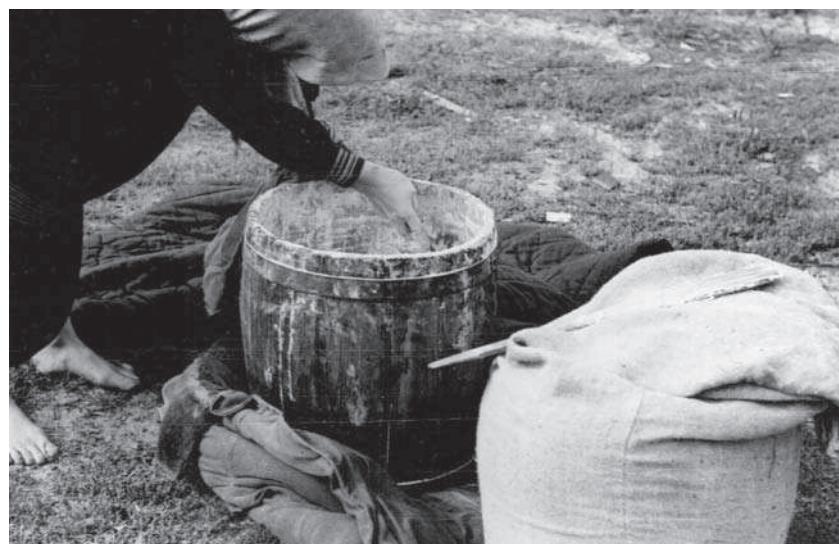

Рис. 122. Подготовка теста (юрты Усановы)

Рис. 123. Тесто в сковородах (юрты Усановы)

Рис. 124. Готовится обед (юрты Усановы)

Рис. 125. Встреча друзей (пос. Кочевые)

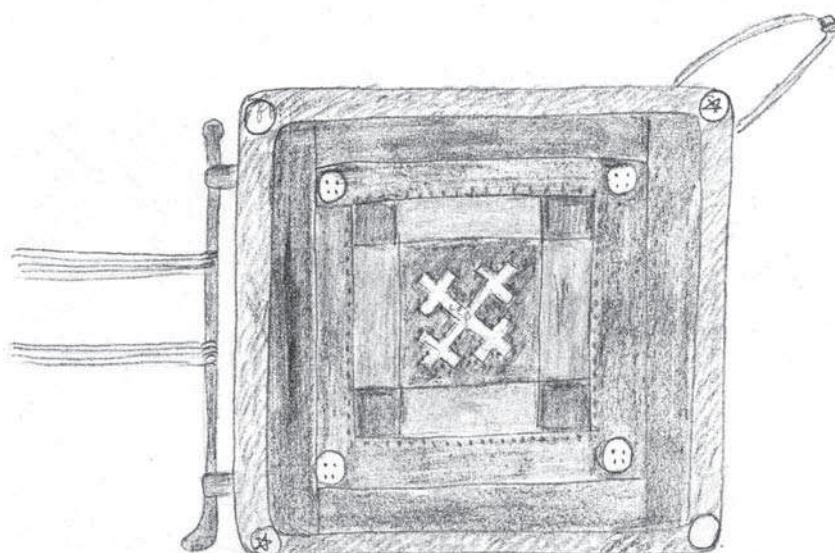

Рис. 126. Игольник (пос. Кочевые)

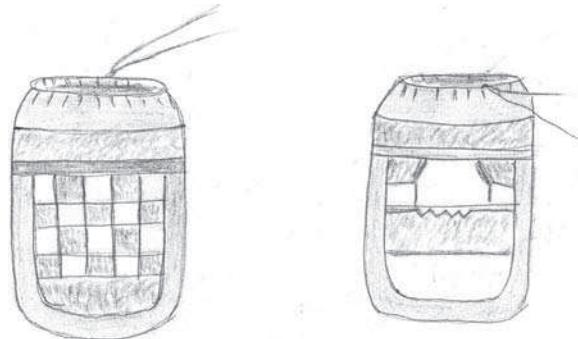

Рис. 127. Сумочка женская (пос. Рускинские)

Рис. 128-1. Н.В.Лукина и дочь Л.И. Сопочиной
с корневатиками (пос. Рускинские)

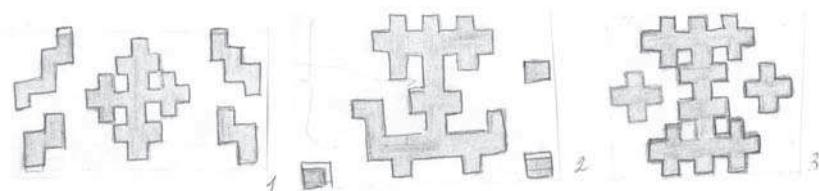

Рис. 128-2. Развёртка узора на корневатике:
1 – широкая стенка; 2 – узкая стенка; 3 – крышка

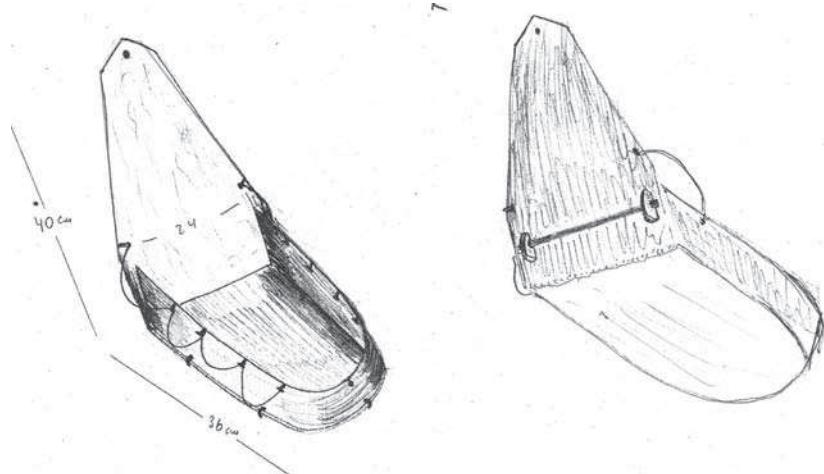

Рис. 129. Колыбель деревянная (пос. Рускинские)

Рис. 130. Ребёнок в колыбели на оленьей нарте (пос. Кочевые)

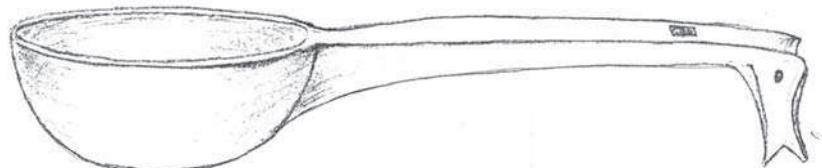

Рис. 131. Черпак деревянный (пос. Юбилейный)

Рис. 132. Блюдо деревянное (пос. Юбилейный)

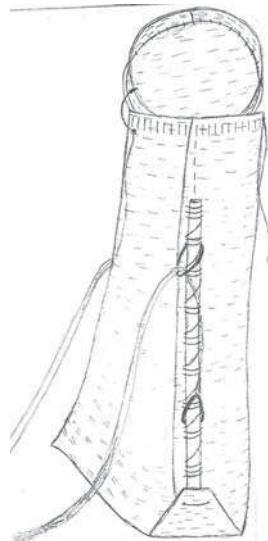

Рис. 133. Заплечный кузов из бересты (пос. Юбилейный)

Рис. 134. Кузов берестяной, с узором (юрты Усановы)

Рис. 135. Берестяная чашка с узором (юрты Усановы)

Рис. 136. Разделочная доска и берестяная чашка (юрты Усановы)

Рис. 137. Выбивалка снега (юрты Усановы)

Рис. 138. Выбивалка снега (дер. Ермаково)

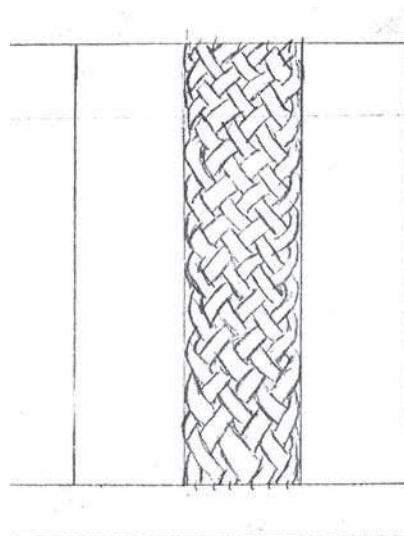

Рис. 139. Деталь циновки – детская игрушка (юрты Усановы)

Рис. 140. Женская сумочка
для рукоделия, украшенная
вставками и кисточками
(юрты Усановы)

Рис. 141. Женская сумочка
для рукоделия, украшенная
орнаментом
(юрты Усановы)

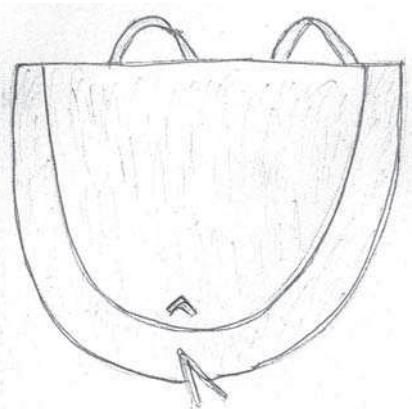

Рис. 142. Мужская сумочка (юрты Усановы)

Рис. 143. Усанова Екатерина с ребёнком в колыбели (юрты Усановы)

Рис. 144. Детское меховое одеяльце (юрты Усановы)

6. Одежда

Рис. 145. Женщина в зимней одежде и обуви (пос. Кочевые)

Рис. 146. Женский пояс из полосы сукна, с пряжкой (пос. Кочевые)

Рис. 147. Платок на плечах
(пос. Кочевые)

Рис. 148. Шуба с полосками
сукна в плечевом шве
(пос. Кочевые)

Рис. 149. Выше пояса – напёрстки на завязке шубы (пос. Кочевые)

Рис. 150-1. Платье женское (пос. Юбилейный)

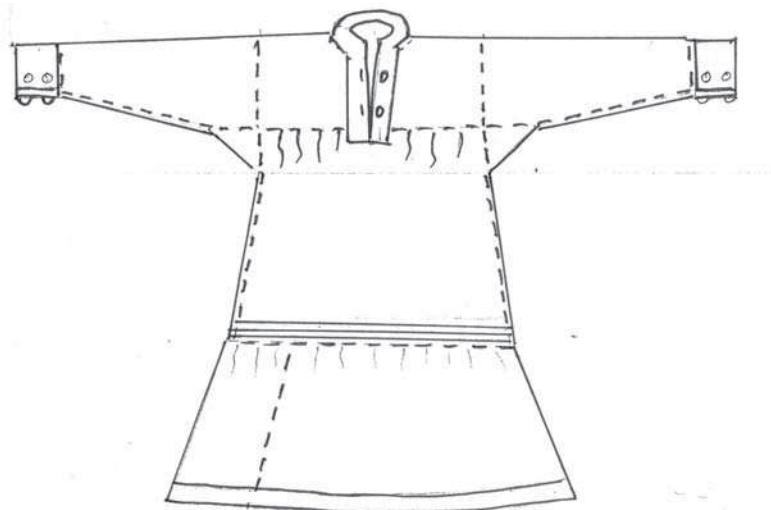

Рис. 150-2. Схема раскroя платья

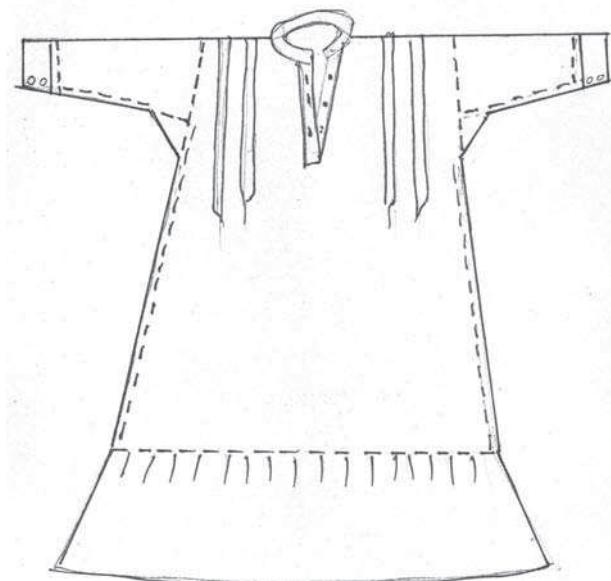

Рис. 151. Покрой женского платья (юрты Усановы)

Рис. 152. Пояс, завязанный сзади (юрты Усановы)

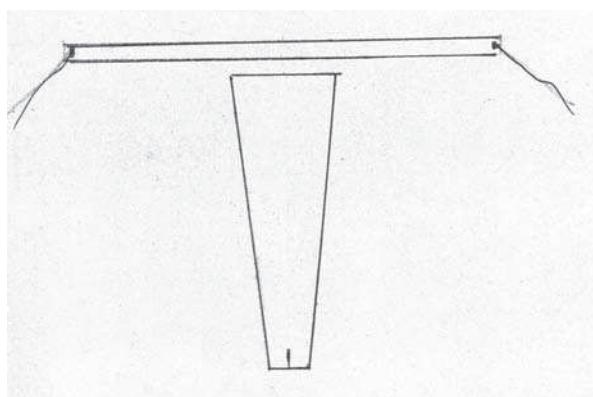

Рис. 153. Схема покроя пояса-повязки (юрты Усановы)

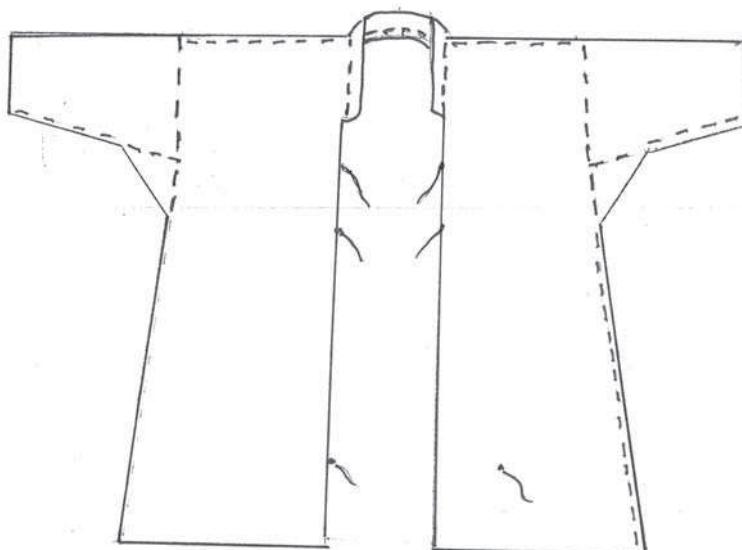

Рис. 154-1. Покрой женского саха: перед (пос. Юбилейный)

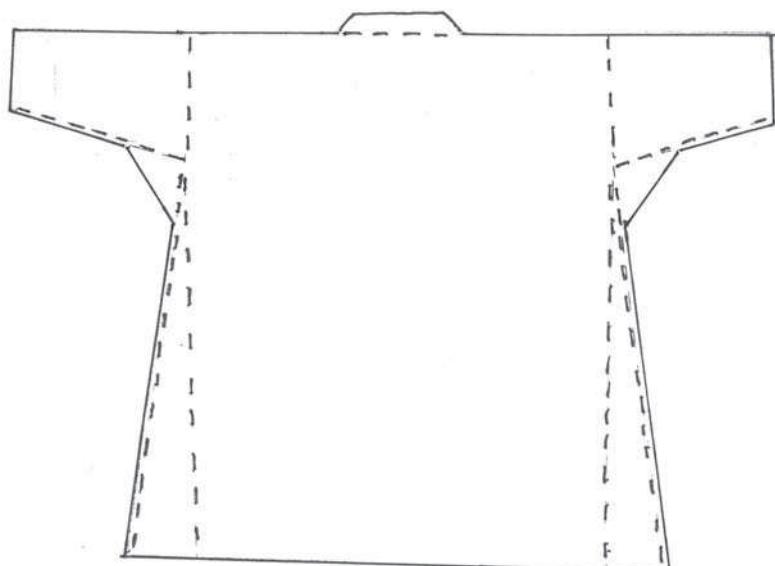

Рис. 154-2. Покрой саха: спинка

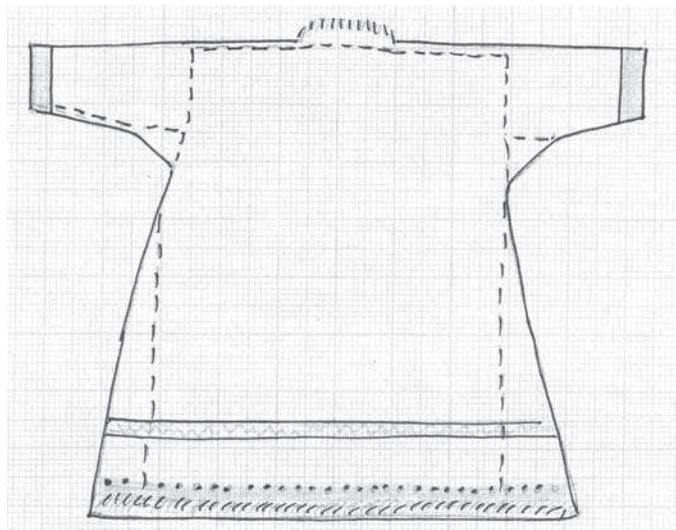

Рис. 155. Покрой спинки женского зимнего саха (пос. Юбилейный)

Рис. 156. Украшение полы женского зимнего саха (юрты Усановы)

Рис. 157. Женская зимняя обувь из камусов (юрты Усановы)

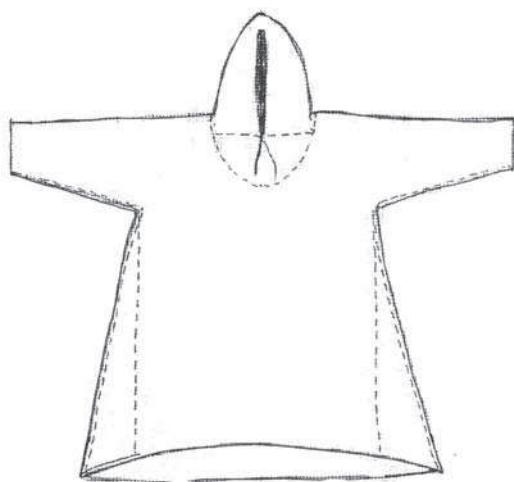

Рис. 158-1. Покрой суконного кумыша (пос. Рускинские)

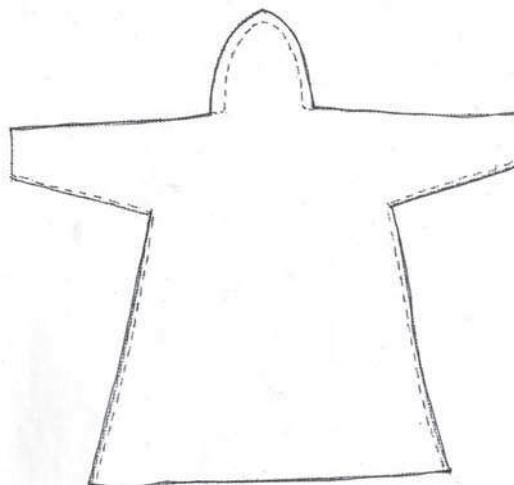

Рис. 158-2. Покрой кумыша: спинка

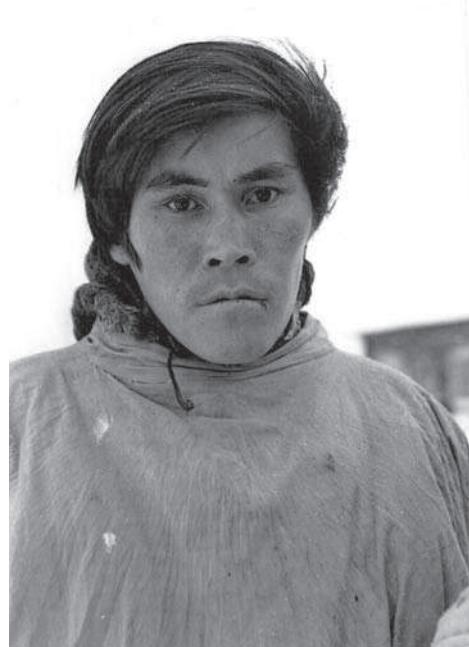

Рис. 159. Комтин Григорий в малице с навершицей (пос. Кочевые)

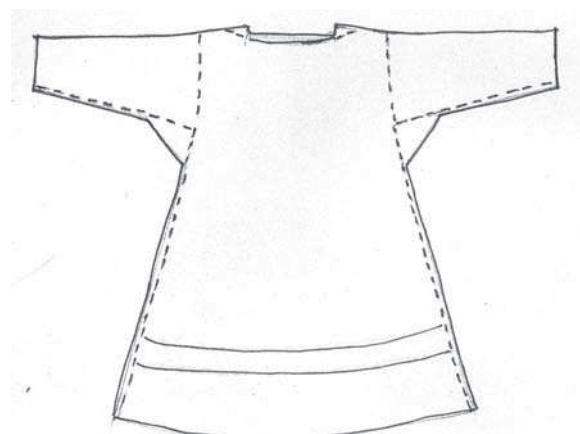

Рис. 160. Покрой навершицы малицы (пос. Кочевые)

Рис. 161. В суконном кумыше поверх малицы (пос. Кочевые)

Рис. 162-1. Обувь мужская *покы*
из камусов (пос. Кочевые)

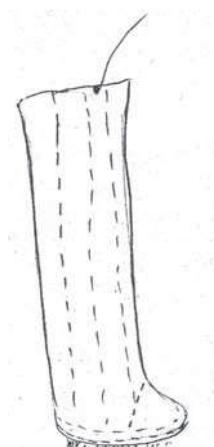

Рис. 162-2. Схема
покроя обуви

Рис. 163. Мужчина
в кумыше из белых
и тёмных шкур
(пос. Кочевые)

Рис. 164-1. Кумыш из белых
шкур, вид сзади (пос. Кочевые)

Рис. 164-2. Капюшон кумыша

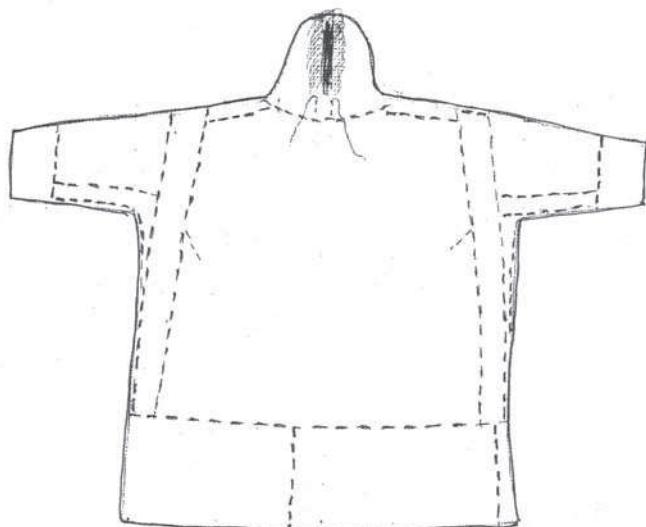

Рис. 165-1. Покрой мехового кумыша (пос. Кочевые)

Рис. 165-2. Покрой кумыша: спинка

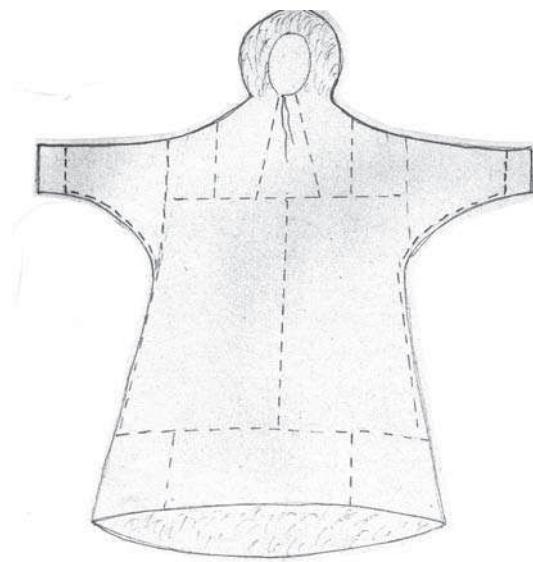

Рис. 166-1. Покрой мехового кумыша (юрты Усановы)

Рис. 166-2. Покрой кумыша: спинка

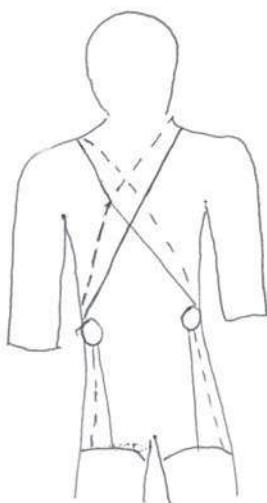

Рис. 167. Мужские подтяжки: схема расположения на теле (пос. Кочевые)

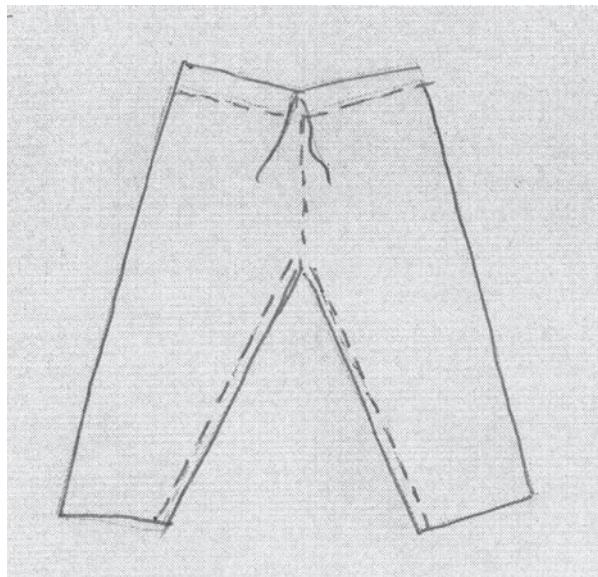

Рис. 168. Покрой мужских штанов (пос. Кочевые)

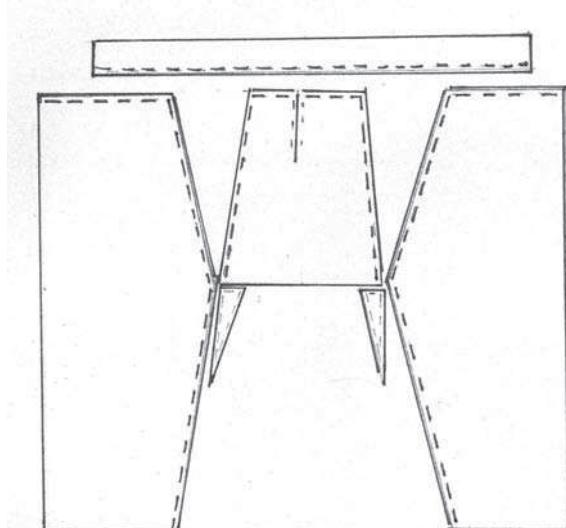

Рис. 169. Покрой мужских штанов (юрты Усановы)

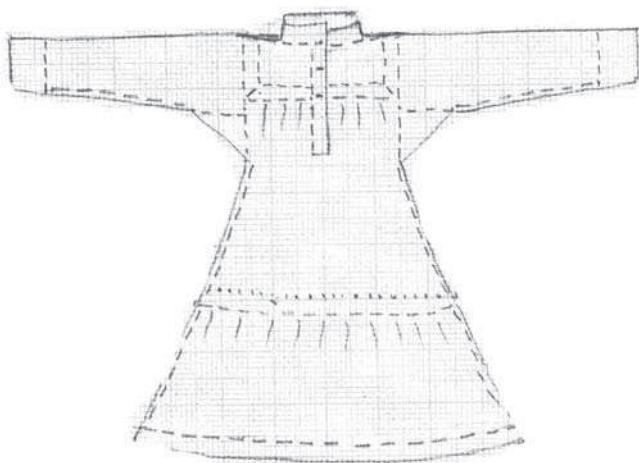

Рис. 170. Покрой детского платья (пос. Рускинские)

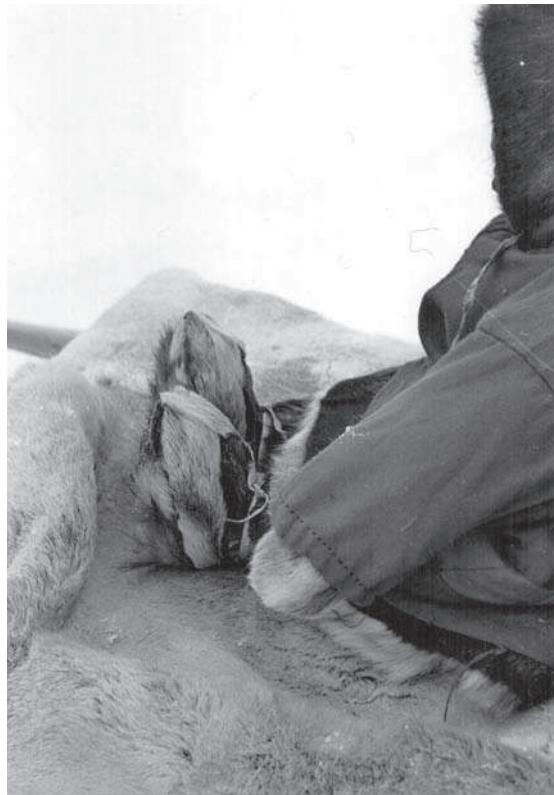

Рис. 171. Мальчик в традиционной одежде и обуви (пос. Кочевые)

Рис. 172. Меховой чулок мальчика
(пос. Кочевые)

Рис. 173. Обувь
мальчика
(пос. Кочевые)

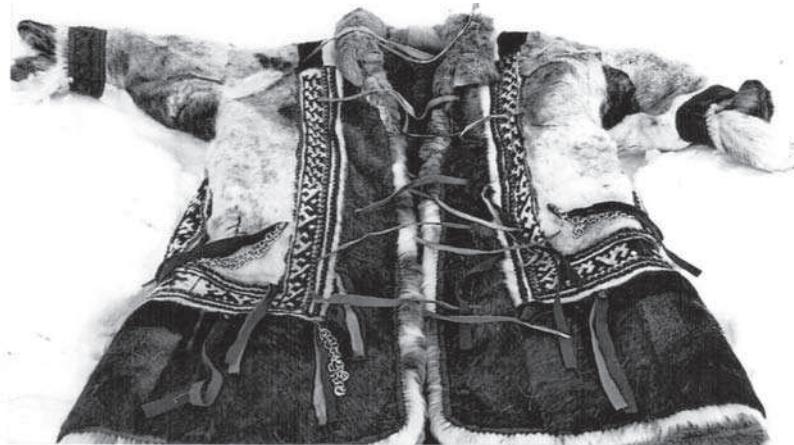

Рис. 174-1. Шубка девочки (пос. Кочевые)

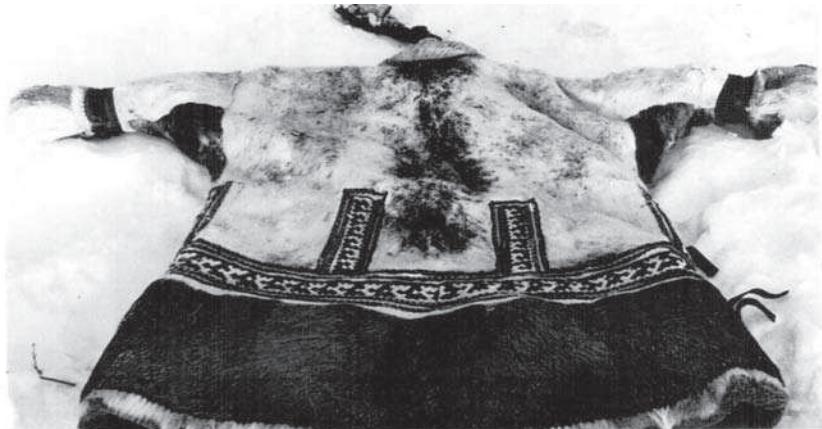

Рис. 174-2. Спинка шубки

Рис. 174-3. Узоры
на спинке шубки: мозаика
по меху

Рис. 174-4. Узоры
на нижней части полы

Рис. 174-5. Прорисовка узора на поле

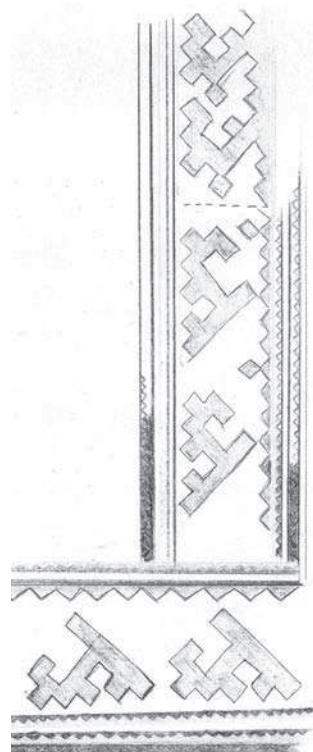

Рис. 174-6. Схема раскroя шубки девочки

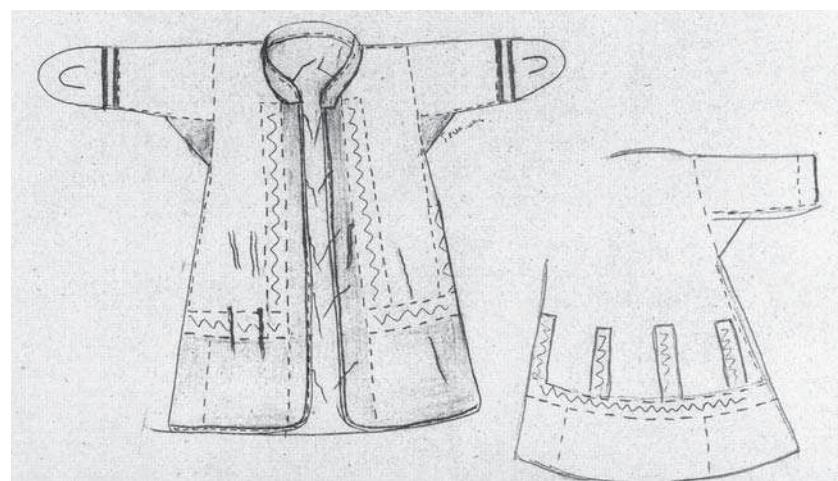

Рис. 175. Подросток
в малице с навершицей
(пос. Кочевые)

Рис. 176-1. Детский сах
из сборного меха
(пос. Юбилейный)

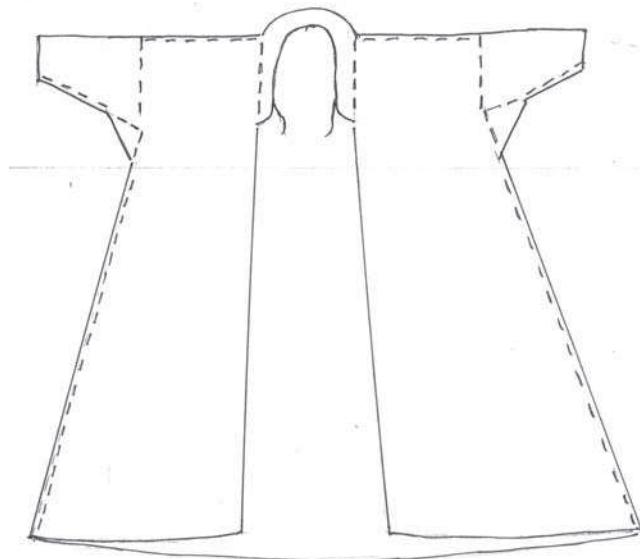

Рис. 176-2.Продолжение: схема раскroя внутренней части

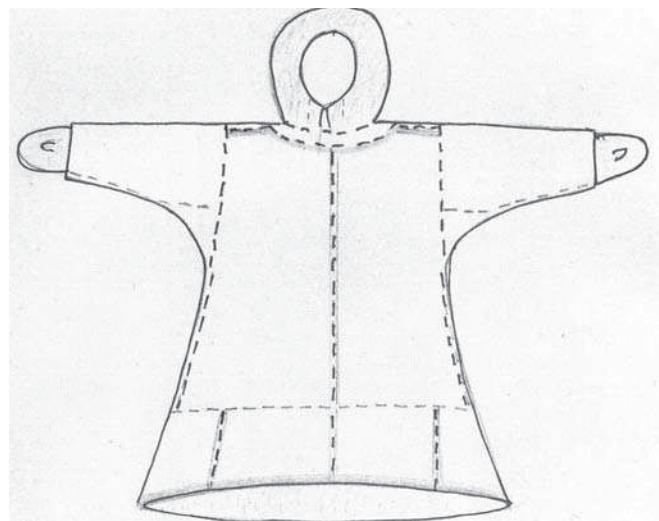

Рис. 177-1. Покрой детской малицы (юрты Усановы)

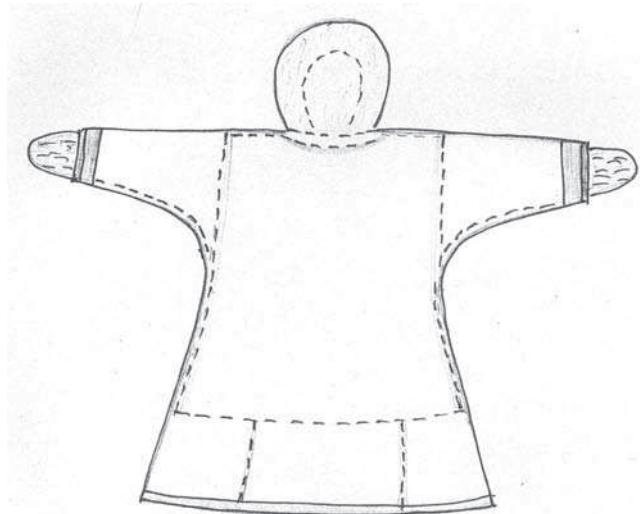

Рис. 177-2. Покрой малицы: спинка

Рис. 178. Усанова Елизавета с детьми (юрты Усановы)

Рис. 179. В посёлке носят покупную одежду (дер. Ермаково)

Рис. 180. Обувь детская современная (дер. Ермаково)

Рис. 181. Школьники в повседневной одежде (дер. Ермаково)

Рис. 182. Молодая семья Покачевых (пос. Кочевые)

Рис. 183. Баженова
Елена, бывший
библиотекарь,
с мужем-оленеводом
(пос. Кочевые)

Рис. 184. Семья
Комтина Григория
(пос. Кочевые)

Рис. 185. Летняя поршневидная обувь
(юрты Усановы)

7. Орнамент

Рис. 186. Рындина Ольга Михайловна в юртах Усановых

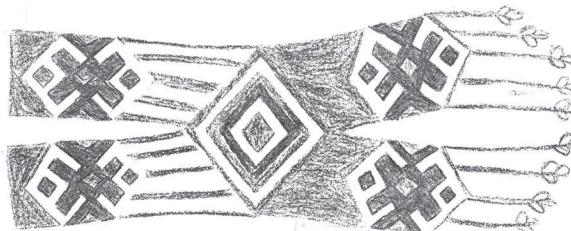

Рис. 187. Женское украшение, бисер. Узор *комэлкы курасин*.
(пос. Юбилейный)

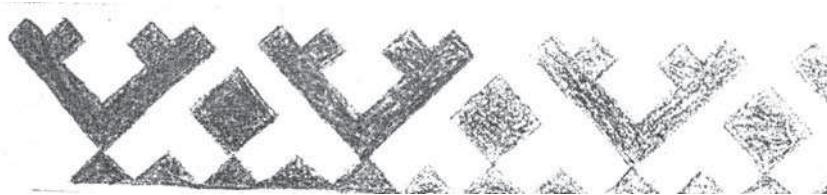

Рис. 188. Полосы нанизанного бисера. Узор *чедур пэль* ‘заячий уши’
(пос. Юбилейный)

Рис. 189. Узор, нарисованный на бумаге: *ам лёдол* ‘собачьи лапы’
(пос. Юбилейный)

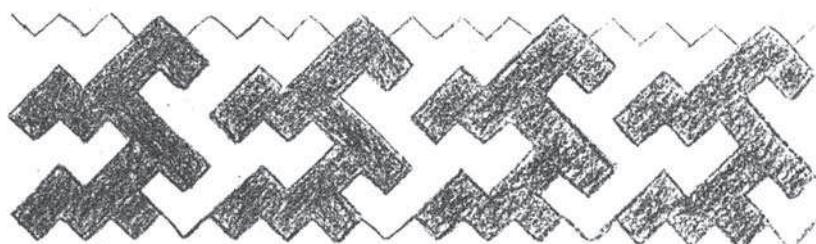

Рис. 190. Узор, нарисованный на бумаге:
воропот мас ‘кедровки-малышы’; похоже на *вилонт* ‘оленни рога’;
ай корон – рога (пос. Юбилейный)

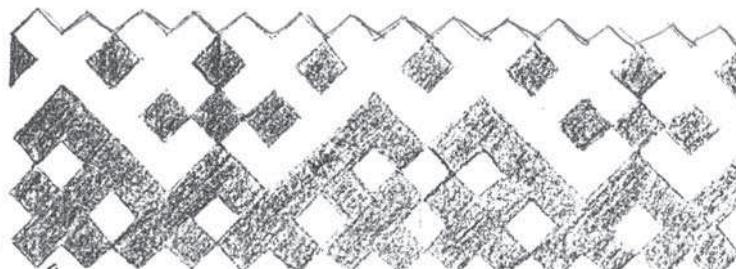

Рис. 191. Узор, нарисованный на бумаге: *чегур пэль* ‘заячьи уши’
(пос. Юбилейный); *нёссоңдер* (юрты Усановы)

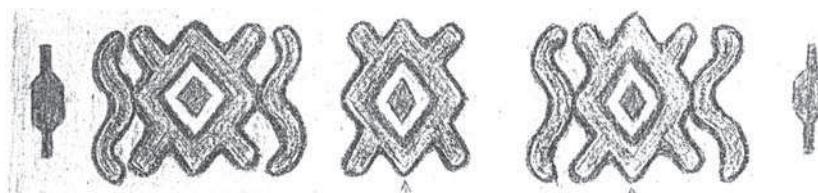

Рис. 192. Полоса нанизанного бисера. Узор *сопырки* ‘лягушка’
и *ай сопырки* ‘маленькая лягушка’; *комелки* – жук (пос. Юбилейный)

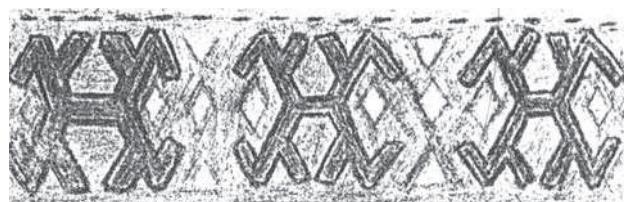

Рис. 193. Полоса нанизанного бисера. Узор *комелки* ‘жук’
или *комелки курәп* ‘жука ноги’ (пос. Юбилейный)

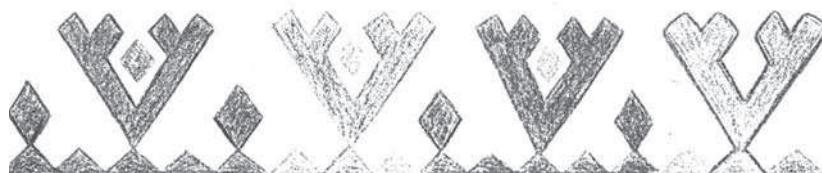

Рис. 194. Узор из нанизанного бисера на поясе: *чегур пэль* ‘заячьи уши’
(пос. Юбилейный)

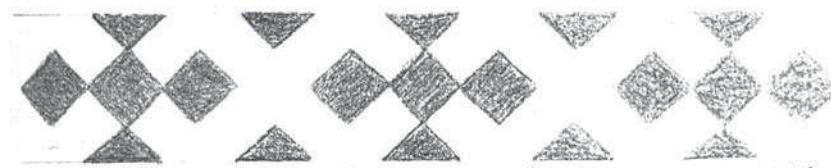

Рис. 195. Узор из нанизанного бисера на саже: *тирна кор* ‘крест голова’
(юрты Усановы)

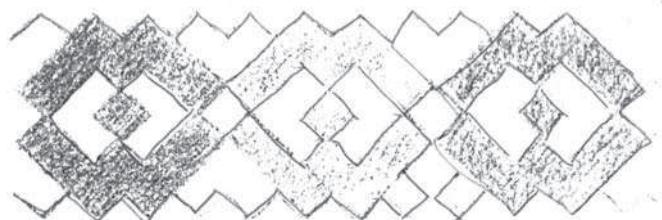

Рис.196..Узор, нарисованный на бумаге: *пут лицёт* ‘сошки тагана’
(юрты Усановы)

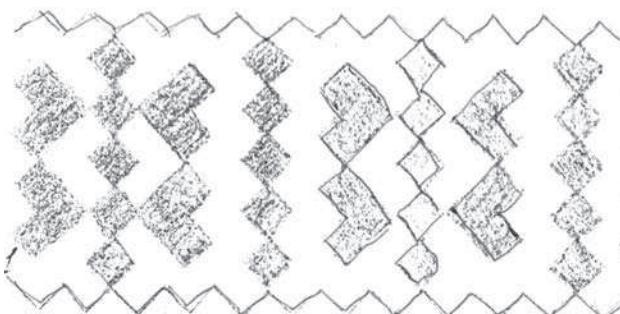

Рис. 197. Узор, нарисованный на бумаге: *пут лицёт* ‘сошки тагана’
(юрты Усановы)

Рис. 198. Аппликация из сукна на женских бурках. Узор *сорт пёнк*
'щучьи зубы' (пос. Юбилейный)

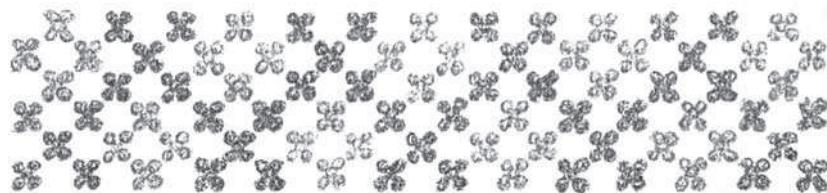

Рис. 199. Пояс девочки, расшитый бисером (юрты Усановы)

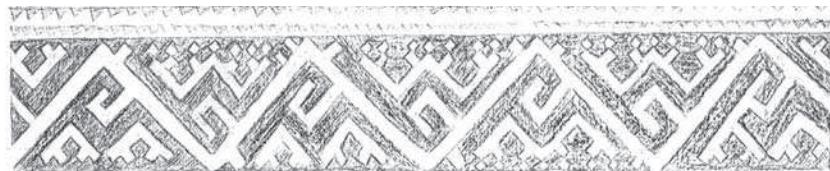

Рис. 200. Узор, выскобленный на коробке из бересты (юрты Усановы)

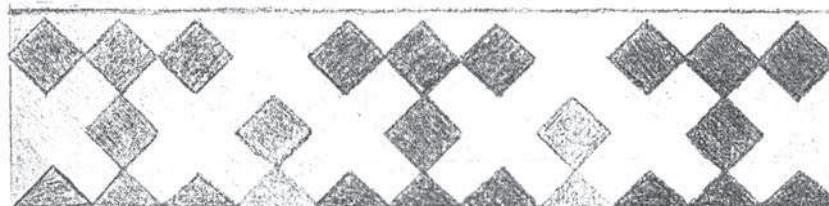

Рис. 201. Полоса из нанизанного бисера. Узор *чедур паль* ‘заячьи уши’
(юрты Усановы)

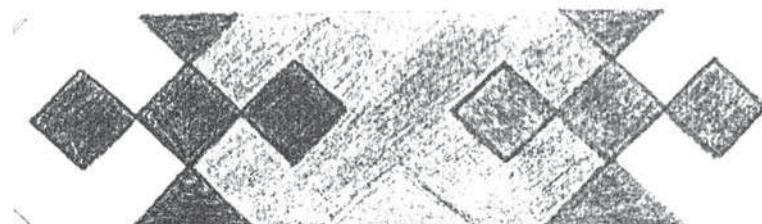

Рис. 202. Полоса из нанизанного бисера (юрты Усановы)

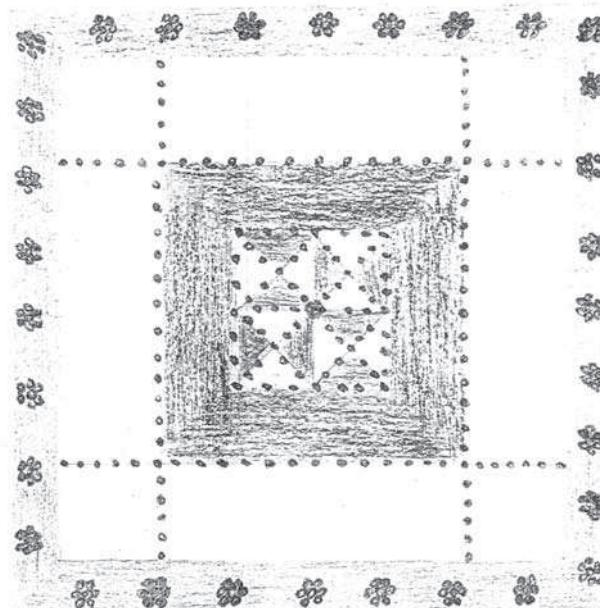

Рис. 203. Игольник: мозаика по ткани, расшит бисером (юрты Усановы)

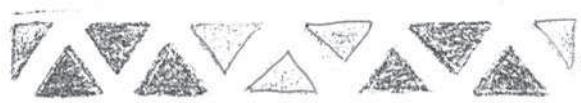

Рис. 204. Полоса из нанизанного бисера. Узор *сорт пёнк* ‘щучьи зубы’
(юрты Усановы)

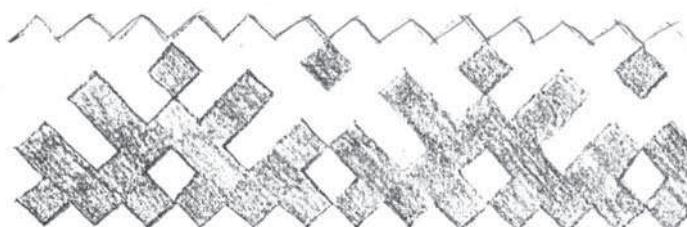

Рис. 205. Узор, нарисованный на бумаге: *чедур пэль* ‘заячьи уши’
(юрты Усановы)

Рис. 206. Берестяная коробка с выскобленным узором (юрты Усановы)

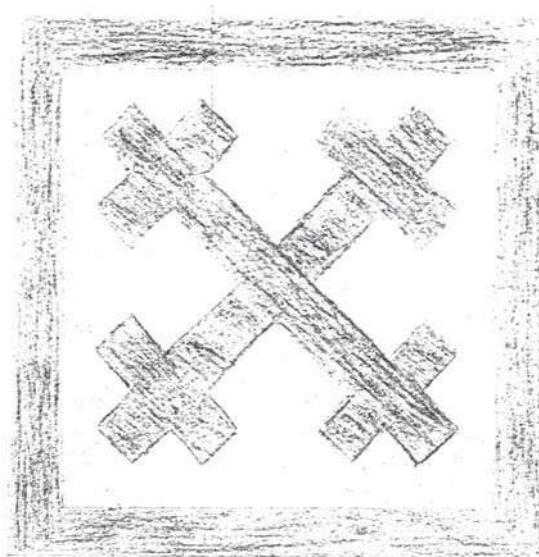

Рис. 207. Узор на игольнике: аппликация по ткани (юрты Усановы)

Рис. 208. Узор меховой мозаики на женской шубе (пос. Кочевые)

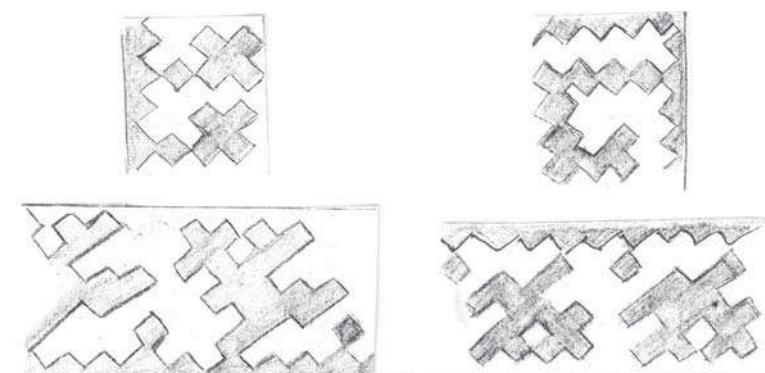

Рис. 209. Мозаика из темных и белых камусов на женской шубе
(пос. Кочевые)

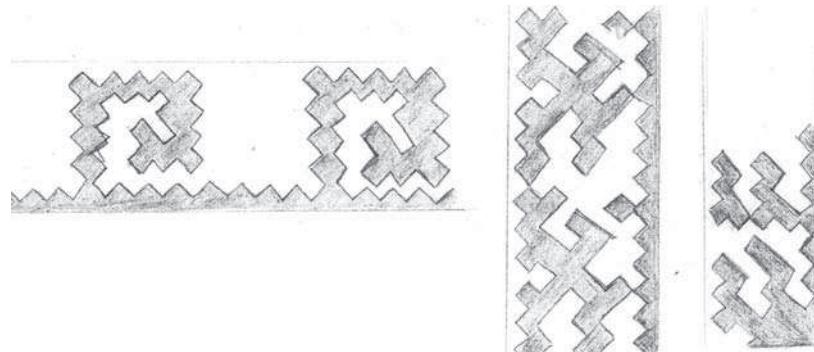

Рис. 210. Мозаика из темных и белых камусов на женской шубе;
встречается часто (пос. Кочевые)

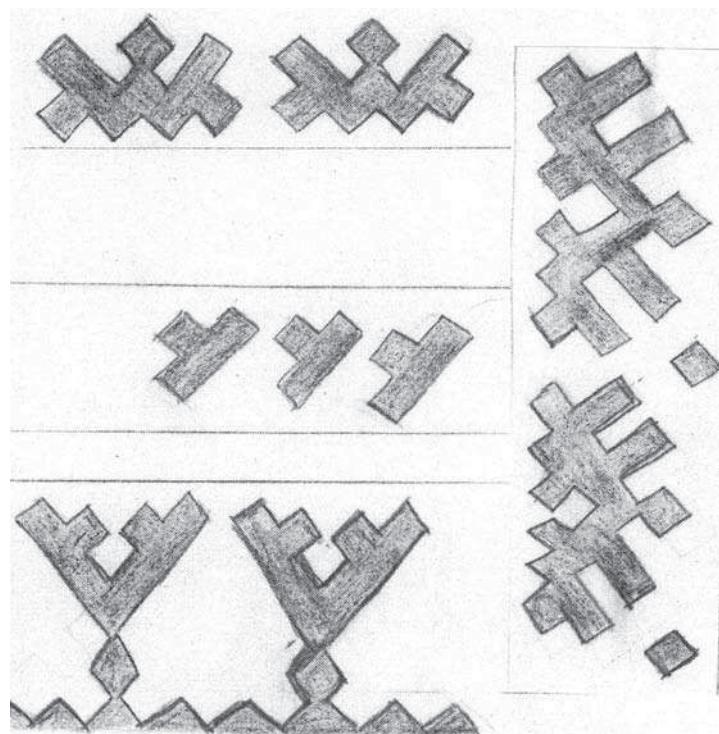

Рис. 211. Меховая мозаика на шубе (юрты Усановы)

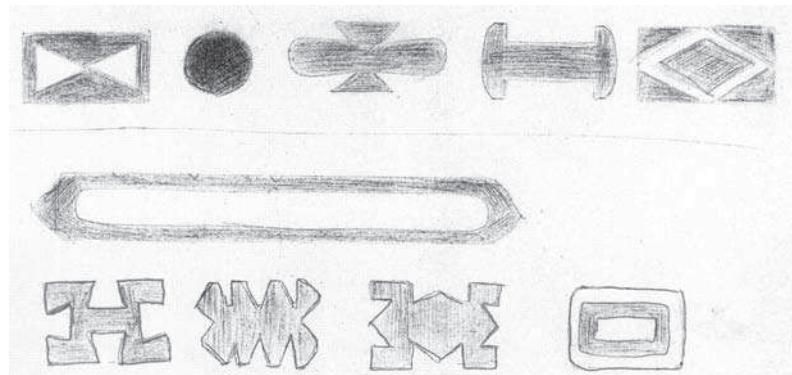

Рис. 212. Резьба по коре (пос. Кочевые)

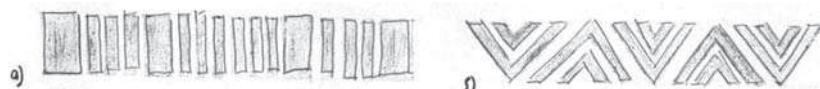
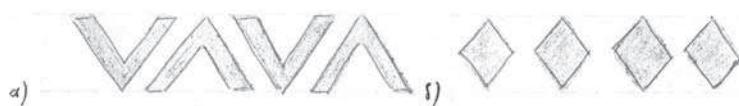
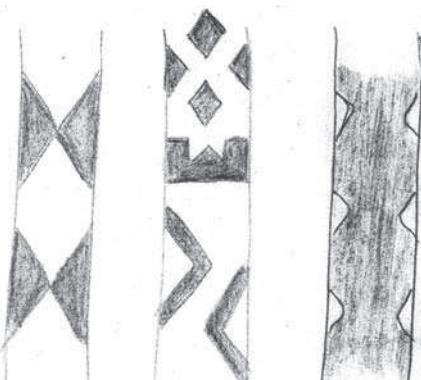
Рис. 213. Резьба по коре черёмухи на полочеке внутри дома
(пос. Кочевые)Рис. 214. Резьба по коре черёмухи на полочеке внутри дома
(пос. Кочевые)

Рис. 215. Резьба по коре черемухи (юрты Усановы)

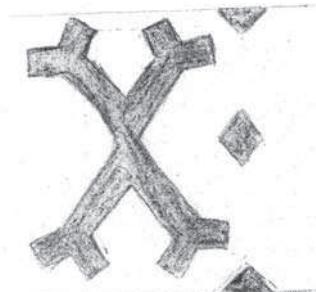

Рис. 216. Узор из нанизанного бисера для сака (пос. Кочевые)

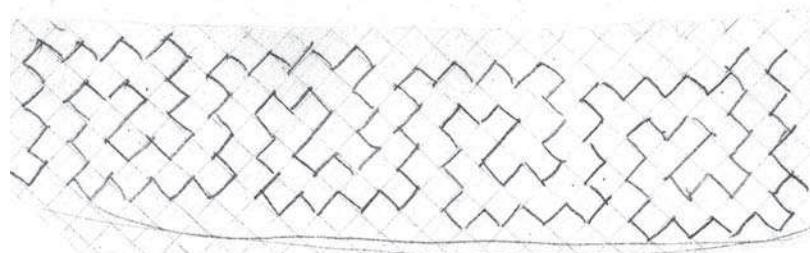
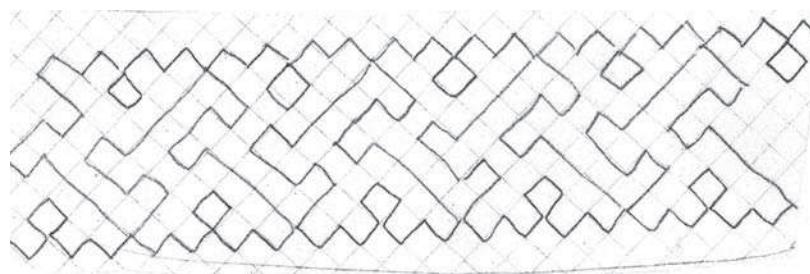

Рис. 217. Узор на бумаге (пос. Юбилейный)

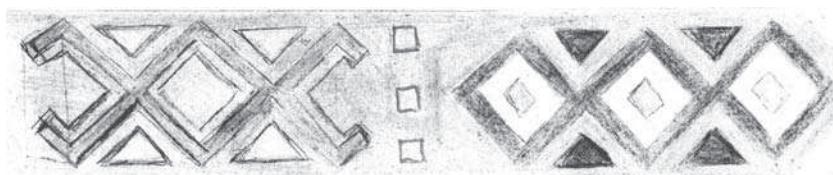

Рис. 218. Узор из нанизанного бисера (юрты Усановы)

9. Верования

Рис. 219. Надмогильный домик в виде сруба (пос. Кочевые)

Рис. 220-1. Надмогильный домик из досок (пос. Кочевые)

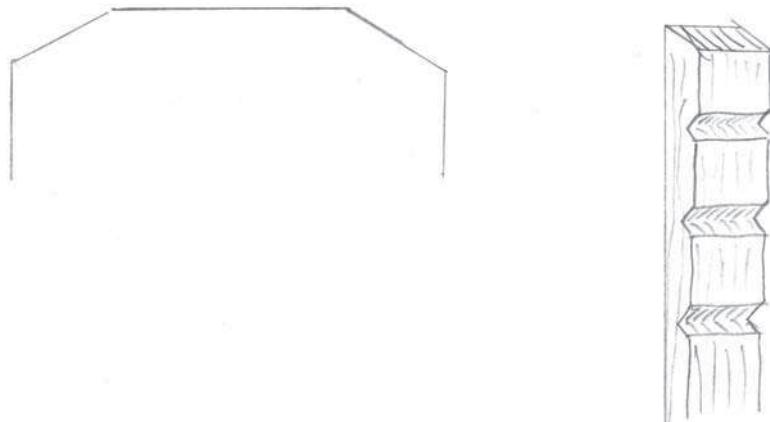

Рис. 220-2. Разрез домика и верхушка надмогильного столбика
(пос. Кочевые)

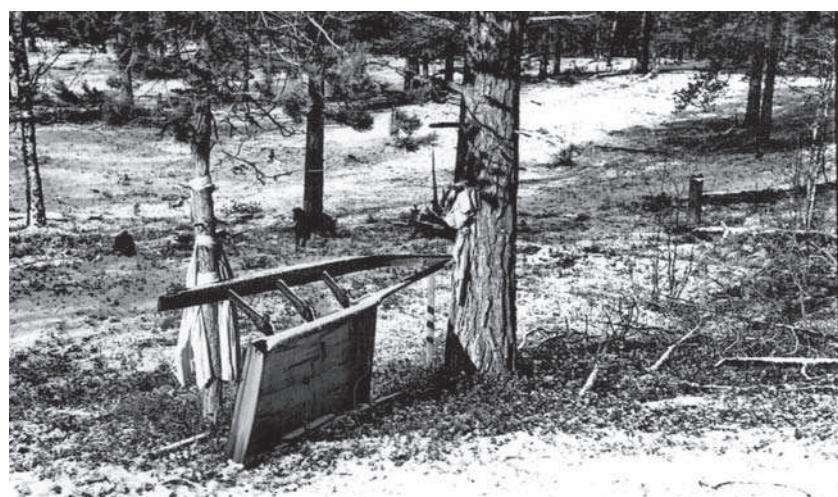

Рис. 221. Оленья нарта на кладбище (пос. Кочевые)

Рис. 222-1. Детская могила с птичкой на колышке (пос. Кочевые)

Рис. 222-2. Продолжение: фигурка птички

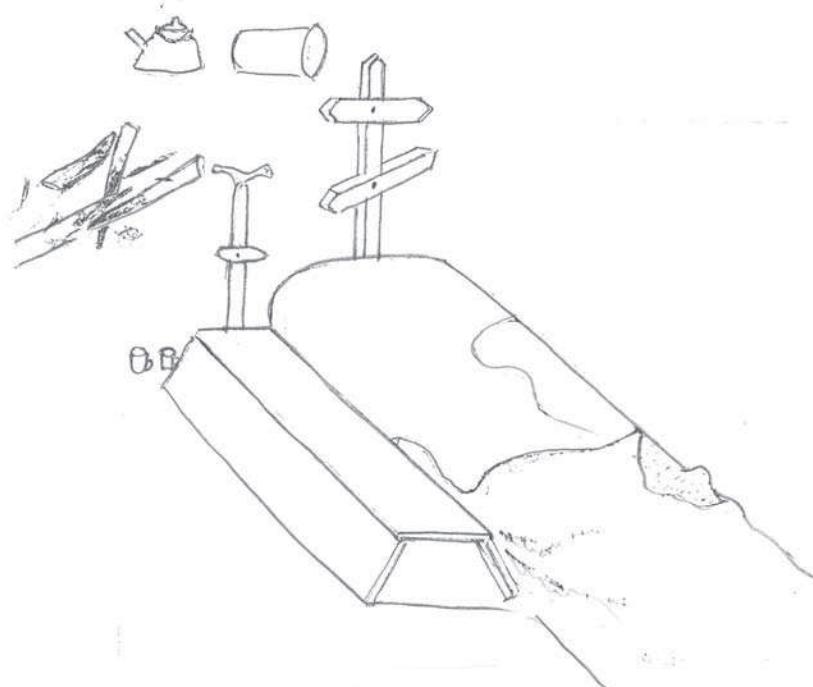

Рис. 223. Двойная могила матери и ребёнка, погибших одновременно
(пос. Юбилейный)

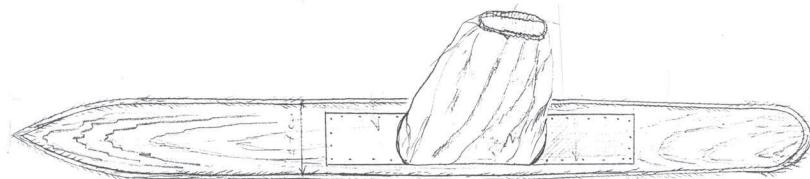
ЧАСТЬ 3. ЛЯМИН

Рис. 224-1. Лыжа-голица

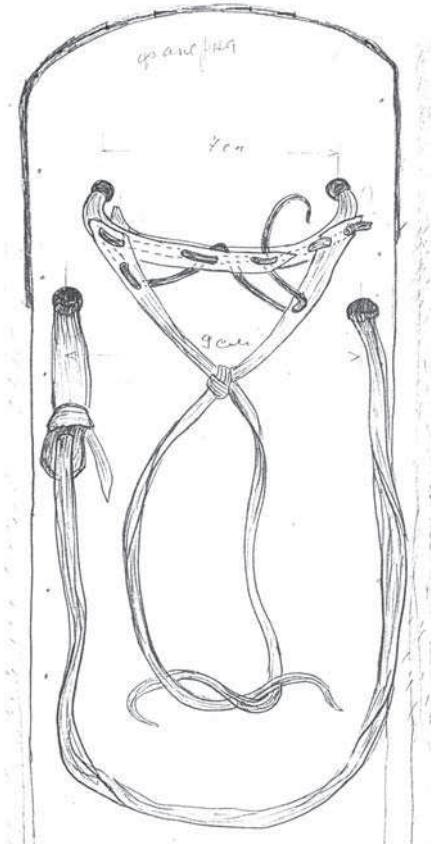

Рис. 224-2. Крепление лыжи

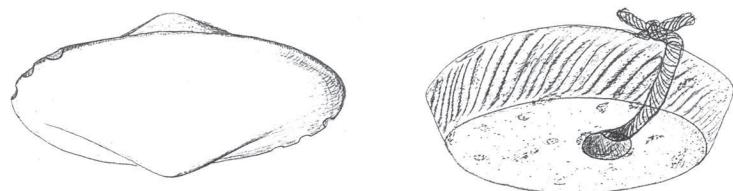

Рис. 225. Грузило, изготовленное из песка

Рис. 226-1. Коробка зырянская

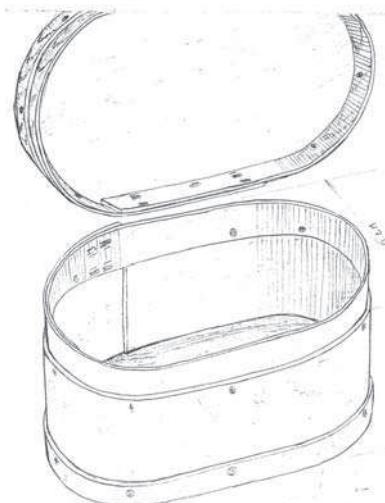

Рис. 226-2. Коробка: вид изнутри

Рис. 227-1. Берестяная колыбель

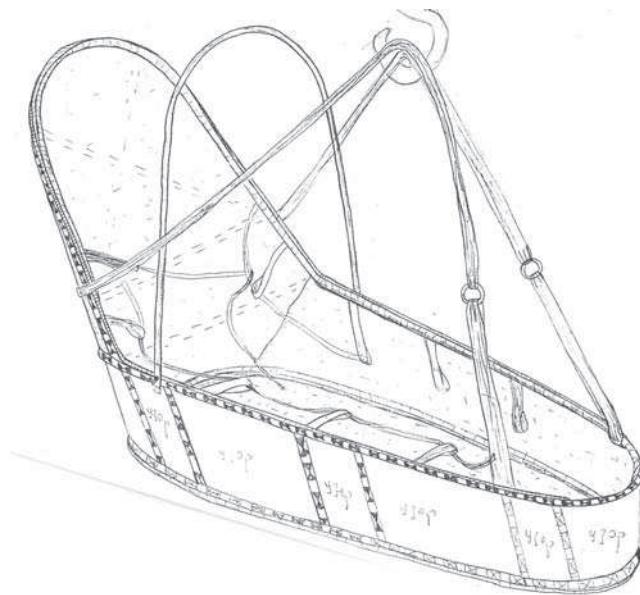

Рис. 227-2. Колыбель: прорисовка деталей

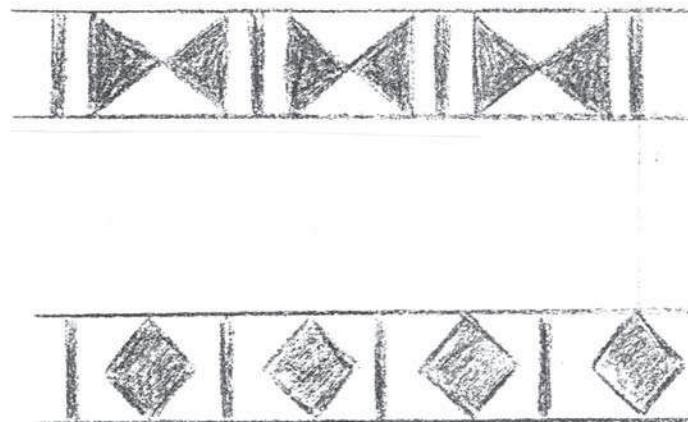

Рис. 228. Резьба по коре черемухового обода на берестяной колыбели

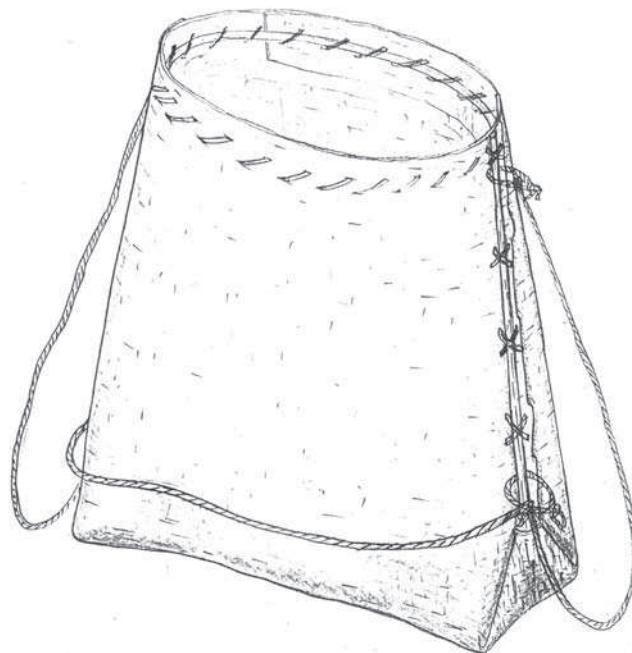

Рис. 229. Кузов берестяной

Рис. 230. Хорова Мария Петровна
и ее внучка Вера
в традиционной одежде

Рис. 231. М. П. Хорова

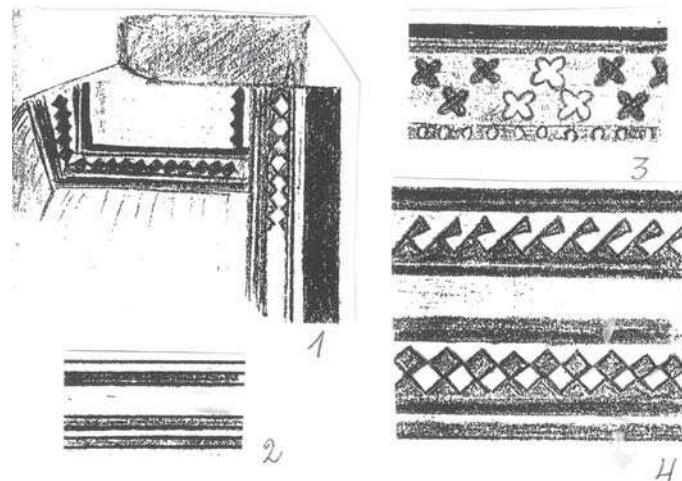

Рис. 232. Украшение платья: 1 – нагрудная часть с аппликацией по ткани; 2 – манжета, украшенная полосками из ткани; 3 – узор из нашитого бисера на подоле; 4 – аппликация из ткани по низу платья над оборкой

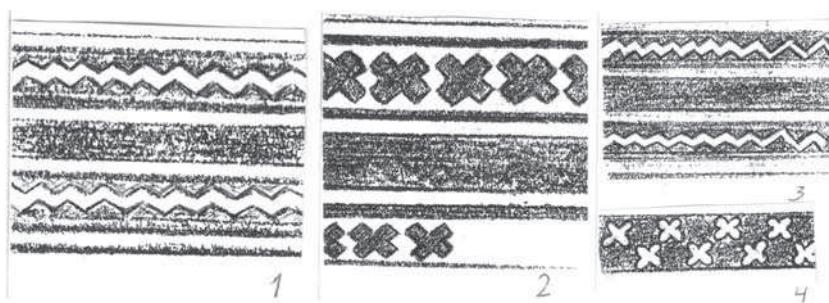

Рис. 233. Узоры на платье: 1 – аппликация из ткани на манжете; 2, 3 – аппликация над оборкой, узоры *перна* ‘крест’ и *щуканы*; 4 – нашитый бисер по кромке подола

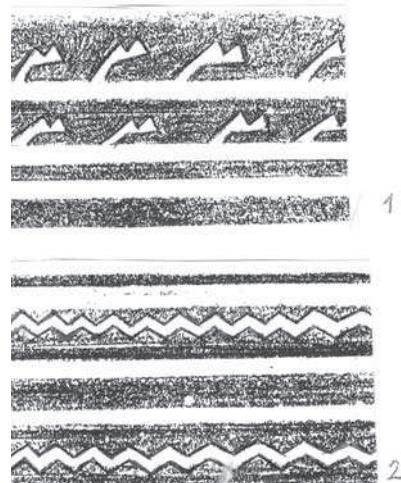

Рис. 234. Украшение деталей платья аппликацией: 1 – кокетка; 2 – подол

Рис. 235. Летний женский халат, украшенный аппликацией

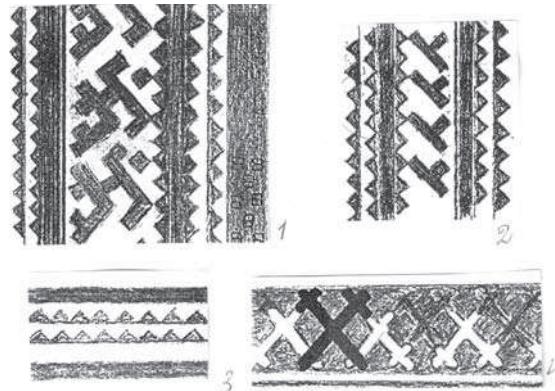

Рис. 236. Орнамент на женском халате: 1 – полоса из нанизанного бисера вдоль полы, узор *сёрханнет коронт* ‘рога олена тромъёганских хантов’; 2 – вторая полоса вдоль полы, узор *худланты* ‘хвост рыбы’; 3 – аппликация по ткани на подоле; 4 – полоса из нанизанного бисера по кромке подола, узор *сах ниль тахы*

Рис. 237-1. Вандымова Евгения Петровна в шубе

Рис. 237-2. Вид сзади

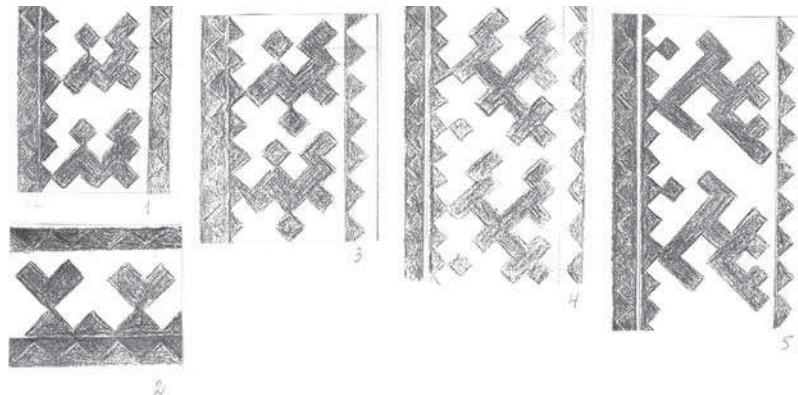

Рис. 237-3. Узоры на шубе: 1, 3 – полосы на поле и под рукавом;
2 – полоса над обшлагом, узор хурлапты ‘рыбий хвост’;
4 – полоса на спине, узор суматнуу ‘березовая ветвь’;
5 – полоса на спине, узор айхороут ‘маленького быка рога’

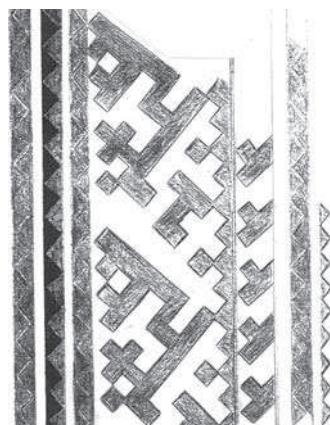

Рис. 237-4. Узор на подоле шубы: вверху *пав* ‘зубчики’, в середине *вэнхороут* ‘большого быка рога’

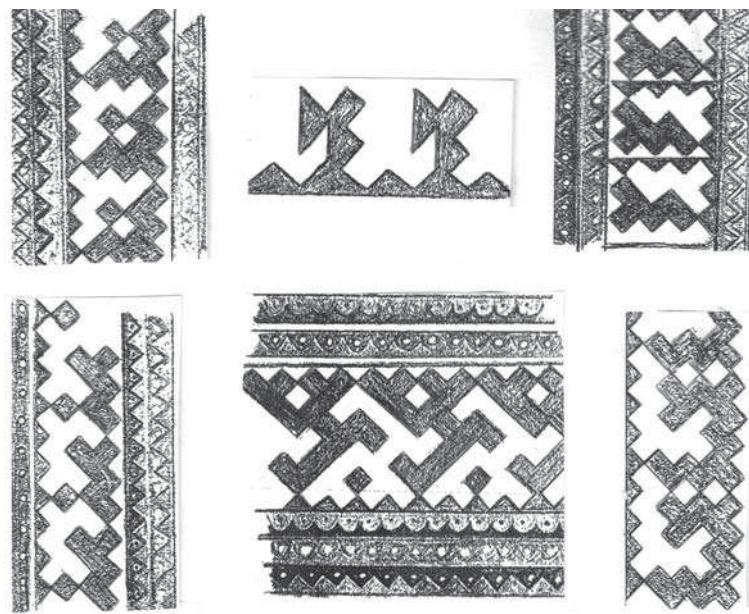

Рис. 238. Узоры меховой мозаики, аппликация по сукну и бисеринки на женской шубе: 1 – курек сапэс ‘шея острохвоста’; 2 – чайем ‘топор’; 3 – сумат нув ‘березовая ветвь’; 4 – сурэт тухоль; 5 – суханталь ай хоронт; 6 – ‘лошадиный рот’

Рис. 239. Хоров Николай в малице и Хорова Вера в бабушкиной шубе

Рис. 240. Женские бурки с орнаментом

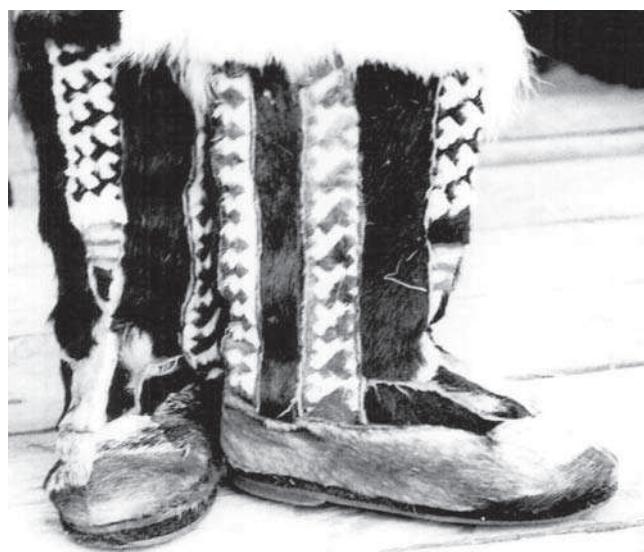

Рис. 241. Женские бурки с орнаментом

Рис. 242-1. Женские бурки без орнамента

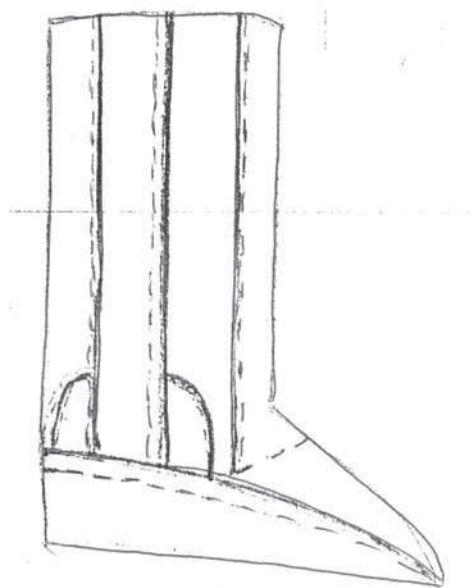

Рис. 242-2. Продолжение: схема покрова

Рис. 243-1. Мужские унты

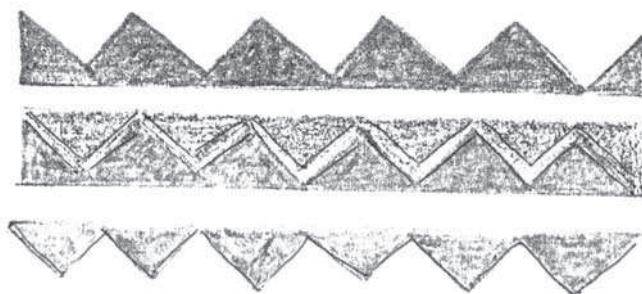

Рис. 243-2. Украшение унтов: зубчики *пав* из сукна под коленом

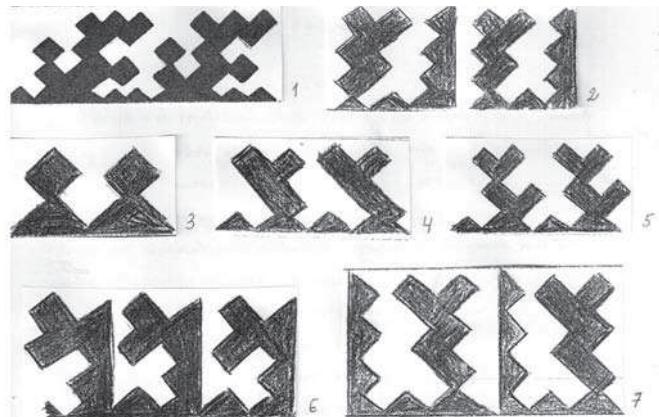

Рис. 244. Узоры меховой мозаики на обуви (бурках) Тарлиной Т. Н.:

1 – *хо ѹоп* ‘нижняя половина мужчины’; 2 – *сумыт нур* ‘березовая ветвь’; 3 – *аси вой ух* ‘утиная голова, ласточкина голова’; 4 – *юхлемт вой ѹоп* ‘половина червячка-короеда’; 5 – *нёл пас* – ‘развилка на древке стрелы’; 6 – *хул липти* ‘хвост рыбы’; 7 – *юхлемт вой* ‘червячок-коюед’

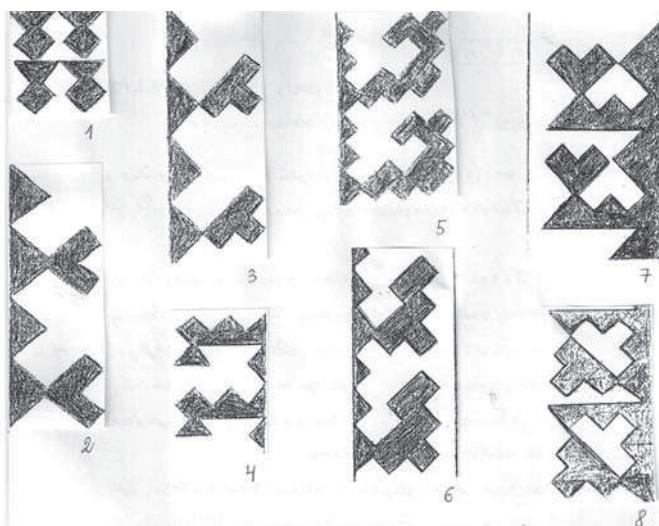

Рис. 245. Узоры меховой мозаики на обуви (бурках) Хоровой М. П.:

1 – *ащи вай ух*; 2, 7 – *нёл пас* – ‘развилка на древке стрелы’; 3 – *хурлипты* ‘утиная шея’; 4 – *чайем* ‘топор’; 5 – *суры тухал*; 6 – *сумат нув* ‘березовая ветвь’; 8 – *мултас нув*

Рис. 246. Украшение на обуви (бурках) Матвеевой Е. В.: 1 – меховая мозаика, узор хур лапты ‘хвост рыбы’; 2 – меховая мозаика, узор суритухал; 3 – расшивание бисером по верхнему краю голенища

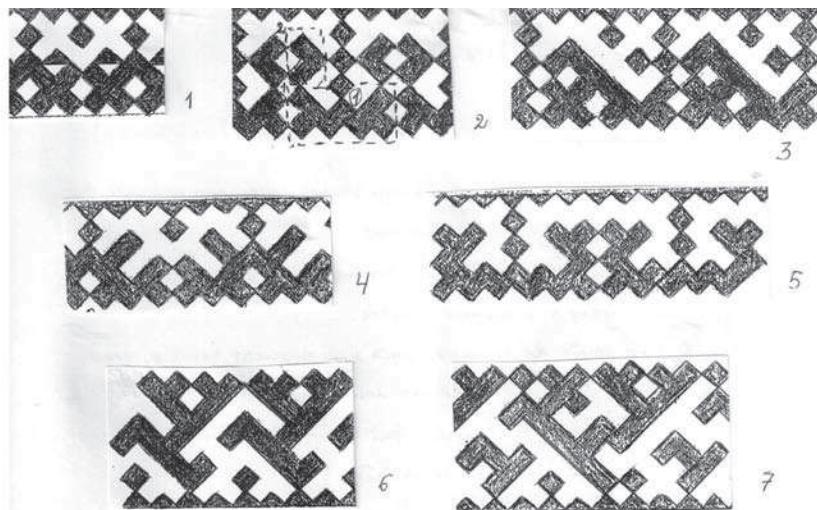

Рис. 247. Образцы меховой мозаики для бурок, выполненные на бумаге:
1 – пярна ‘крест’; 2 – нюхос ‘соболь’ и ‘рыбий хвост’; 3 – вэн нюхос
‘большой соболь’; 4 – вэн сумат нув ‘большая березовая ветвь’;
5 – ай сумат нув ‘малая березовая ветвь’; 6 – ай хор онт ‘маленького
быка рога’; 7 – вэн хор онт ‘большого быка рога’

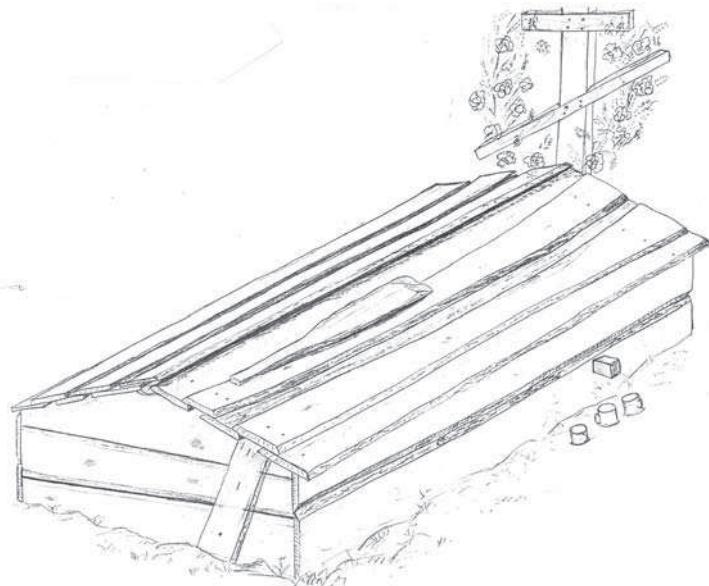

Рис. 248. Могила с крестом

Рис. 249. Могила с памятником

ЧАСТЬ 4. КАЗЫМ**1. Дневник**

Рис. 250. Река Казым у пос. Казым

Рис. 251. Берег реки Казым

Рис. 252. Н. В. Лукина,
Т. А. Молданова, А. Баликси,
Н. В. Исаева (дер. Юильск)

Рис. 253. Молданов Алексей
Михайлович (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 254. Молданова Евдокия Кузьминична,
ее дочь Ульяна и Лукина Н. В. (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 255. Молданова Татьяна А. и Молданов Тимофей А.
(юрты Ай-Куръёх)

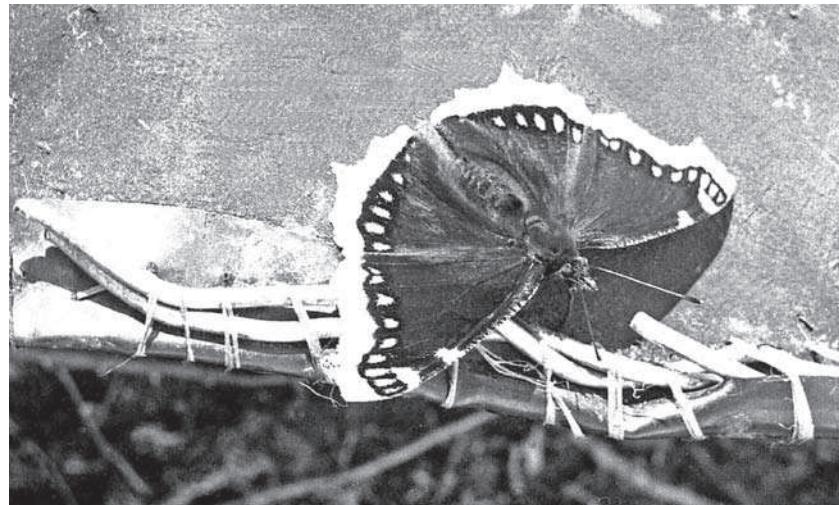

Рис. 256. Бабочка

Рис. 257. Молдановы: Алексей М., его сын Михаил и дочь Настя,
Молданова Татьяна А., Молданов Тимофей; Евдокия К., Ульяна
(дер. Юильск)

Рис. 258. Молдановы: Илья и Татьяна (вблизи пос. Казым)

Рис. 259. На лесной речке

2. Занятия

Рис. 260. Т. А. Молданов у слопца на глухарей (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 261. Способ соединения добытых глухарей для переноски
(юрты Ай-Куръёх)

Рис. 262. А. М. Молданов возвращается с добычей – глухарями
(юрты Ай-Курьёх)

Рис. 263. А. М. Молданов натягивает лук-самострел (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 264. А. М. Молданов с дочерью Ульяной у рыболовных морд (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 265. А. М. Молданов за изготовлением мордочки (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 266. Т. А. Молданов у рыболовного запора (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 267. Выемка рыбы из морды (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 268. А. М. Молданов чистит
запор (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 269. Евдокия К. Молданова
в походе за ягодами
(юрты Ай-Курьёх)

Рис. 270. На кедре – Ульяна
Молданова, срывает шишки
(юрты Ай-Курьёх)

Рис. 271. Кораль для оленей
(юрты Ай-Курьёх)

Рис. 272.Ошейники для оленей (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 273.Собаки не поделили корм (лесная избушка Молданова Ильи)

Рис. 274. Собака с рогулькой (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 275. Мужские инструменты (юрты Ай-Куръёх)

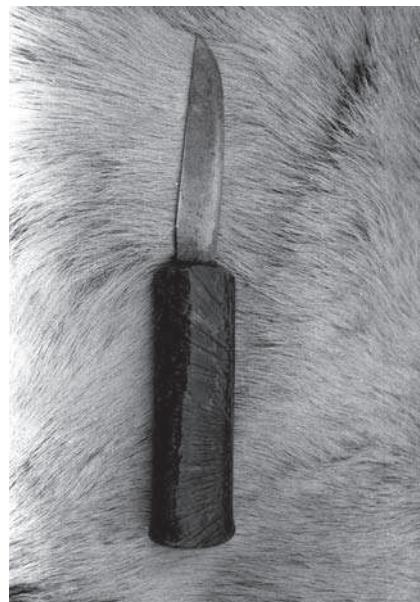

Рис. 276. Нож с рукояткой из капа (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 277. Обработка шкуры топором (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 278. Орудие для заготовки мха
(юрты Ай-Курьёх)

Рис. 279. Дрова готовит женщина
(юрты Ай-Курьёх)

3. Средства передвижения

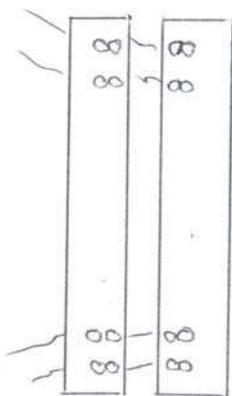

Рис. 280. Вьючное седло для оленя (ненцы). Зарисовка Т. А. Молданова по памяти (юрты Ай-Куръёх)

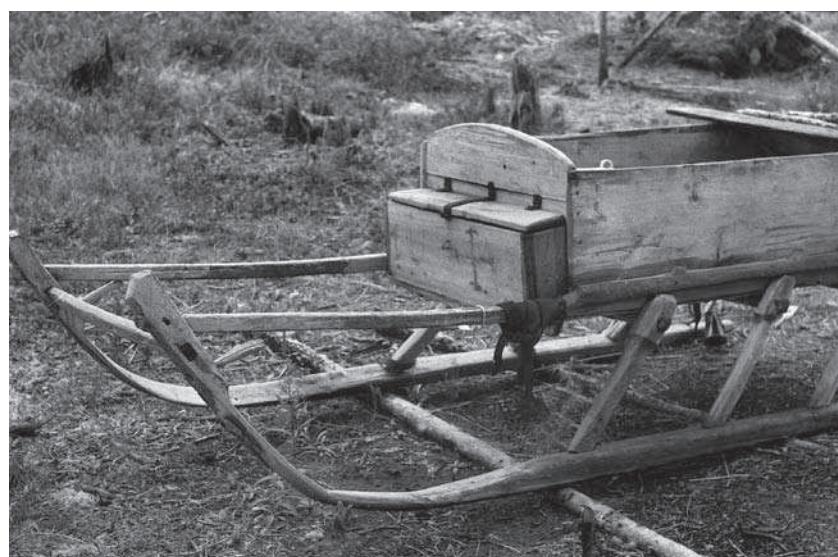

Рис. 281 Грузовая оленья нарта (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 282 Летом нарты хранят под навесом (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 283. А. М. Молданов с маленьким облаком, пригодным для переноски (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 284. Плавание на облске (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 285. Добыча в лодке (юрты Ай-Куръёх)

4. Жилище

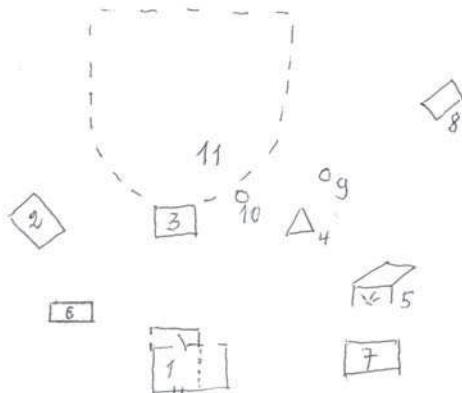

Рис. 286. План двора: 1 – избушка; 2, 7 – навесы для вещей; 3 – навес для сушки рыбы; 4 – хлебная печь; 5 – костер с навесом для сушки рыбы; 6 – рабочий шкафчик хозяина; 8 – склад сушеной рыбы; 9, 10 – собачьи будки; 11 – олений кораль (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 287. План избушки: 1 – полки с головами медвежат; 2, 10, 13 – полки для разных вещей; 3 – рабочая сумка хозяйки; 4 – окна; 5, 6 – стол и сидения; 7, 8 – площадка с печью; 9, 12 – шесты и веревка для одежды; 11 – умывальник (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 288. Угол избушки, срубленной из бревен (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 289. Вход в пристройку к избушке (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 290. А. М. Молданов
у своего рабочего шкафчика
рядом с избушкой
(юрты Ай-Куръёх)

Рис. 291. На рабочей
площадке (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 292. Навес для вещей (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 293-1. Хлебная печь
(юрты Ай-Курьёх)

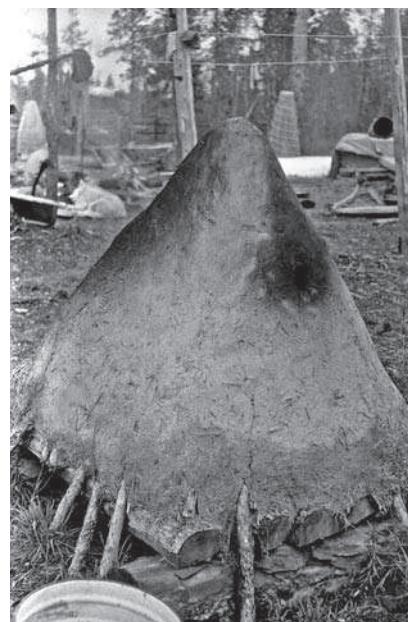

Рис. 293-2. Хлебная печь: вид сзади
(юрты Ай-Курьёх)

Рис. 294. Колодец около избушки (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 295. Постройки в дер. Юильск

Рис. 296. Старинный амбар (дер. Юильск)

Рис. 297. Техника у хантыйских домиков (дер. Юильск)

Рис. 298. Передвижное жилище нефтяников – балки (дер. Юильск)

Рис. 299. На берегу Казыма – опасно! (дер. Юильск)

5. Пища, утварь

Рис. 300. Подготовка к тушению рыбы в хлебной печи
(юрты Ай-Куръёх)

Рис. 301. Рыба в сковородах, для тушения (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 302. Сухая рыба, заготовленная на зиму (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 303. Обработка рыбы для сушки (юрты Ай-Курьёх)

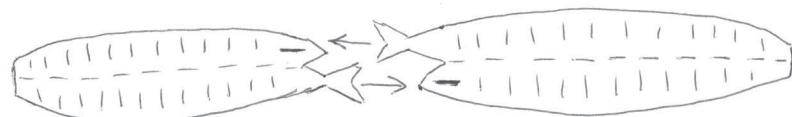

Рис. 304. Схема соединения рыбин для сушки (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 305. Обед Молдановых (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 306. Чай у костра: Молданова Е. К. и Лукина Н. В.
(юрты Ай-Курьёх)

Рис. 307. Молданова Ульяна с крыльями-веерами (юрты Ай-Курьёх)

Рис. 308. Набирки с голубикой (юрты Ай-Куръёх)

Рис. 309. Умывание над металлическим тазом (юрты Ай-Куръёх)

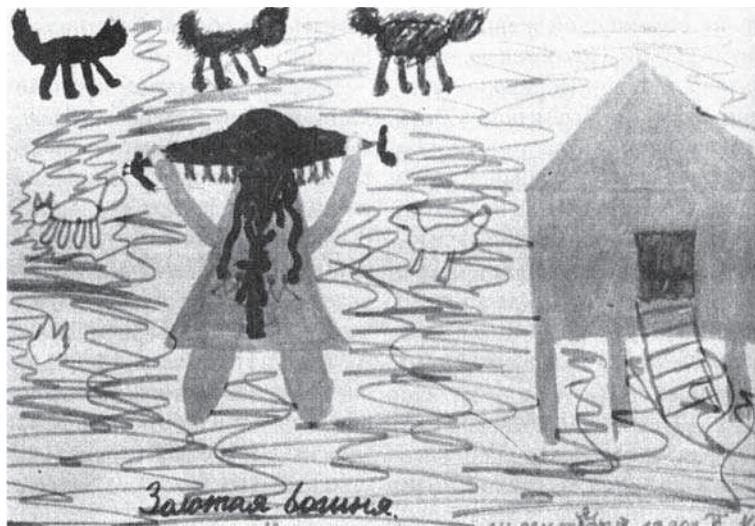
7, 8. Верования, фольклор

Рис. 310. Золотая богиня. Рисунок Наташи Лучко,
дочери Марины Молдановой-Лучко (пос. Казым)

Рис. 311. Ас тый ики. Рисунок Наташи Лучко, дочери Марины
Молдановой-Лучко (пос. Казым)

Рис. 312. Голова щуки
на дереве вблизи запоров
(юрты Ай-Куръёх)

Рис. 313. Молданова Татьяна
записывает героическую песнь
в исполнении Молданова
Алексея Михайловича
(юрты Ай-Куръёх)

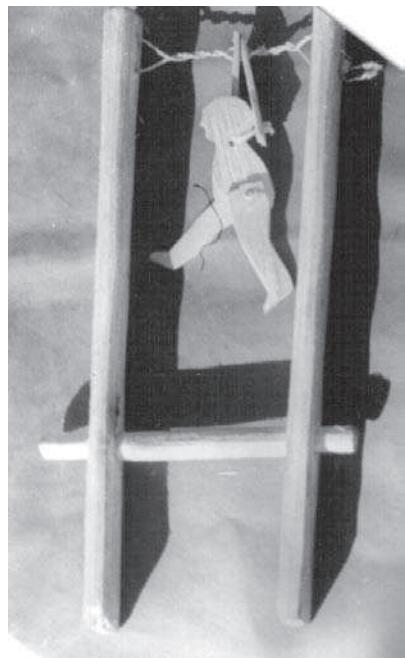

Рис. 314. Игрушка «прыгун»
(юрты Ай-Куръёх)

Рис. 315. Молданова Ульяна готовит
погремушку (юрты Ай-Куръёх)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ЧАСТЬ 1. КОНДА	8
1. Дневник	8
2. Этнический состав и история	13
3. Занятия	16
4. Средства передвижения	21
5. Постройки. Пища. Утварь	25
6. Одежда	30
7. Разные сведения	35
8. Список информантов	40
ЧАСТЬ 2. ТРОМЬЁГАН	41
1. Этнический состав и социальное устройство	41
2. Занятия	43
3. Средства передвижения	59
4. Жилище и другие постройки	67
5. Пища. Утварь	72
6. Одежда	79
7. Орнамент	94
8. Термины родства	104
9. Верования и обряды	108
10. Разные сведения	111
11. Список информантов	114
ЧАСТЬ 3. ЛЯМИН	115
1. Этнический состав и история	115
2. Занятия	118
3. Утварь	126
4. Одежда	129
5. Разные сведения	135
6. Список информантов	139
ЧАСТЬ 4. КАЗЫМ	140
1. Дневник	140
2. Занятия	196
3. Средства передвижения	206
4. Жилище	208
5. Пища. Утварь	212
6. Народные знания	216
7. Мировоззрение и обряды	220
8. Фольклор. Игры	234
9. Список информантов	241
Иллюстрации	243

Научное издание

Надежда Васильевна Лукина

ХАНТЫ ОТ ВАСЮГАНЬЯ ДО ЗАПОЛЯРЬЯ

Источники по этнографии

Том 5. Конда. Тромъёган. Лямин. Казым

*Ответственный за выпуск: Л.В. Домбраускайте
Технический редактор: С.Н. Чуков*

Подписано в печать: 02.09.2010 г. Сдано в печать: 11.11.2010 г.

Печать: офсетная

Бумага: офсетная

Тираж: 500 экз.

Формат: 60x84/16

Усл. печ. л.: 23,25

Уч. изд. л.: 9,17

Заказ: 549/Н

ISBN 9785894285139

9 785894 285139

Издательство
Томского государственного педагогического университета
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93
e-mail: tipograf@tspu.edu.ru

